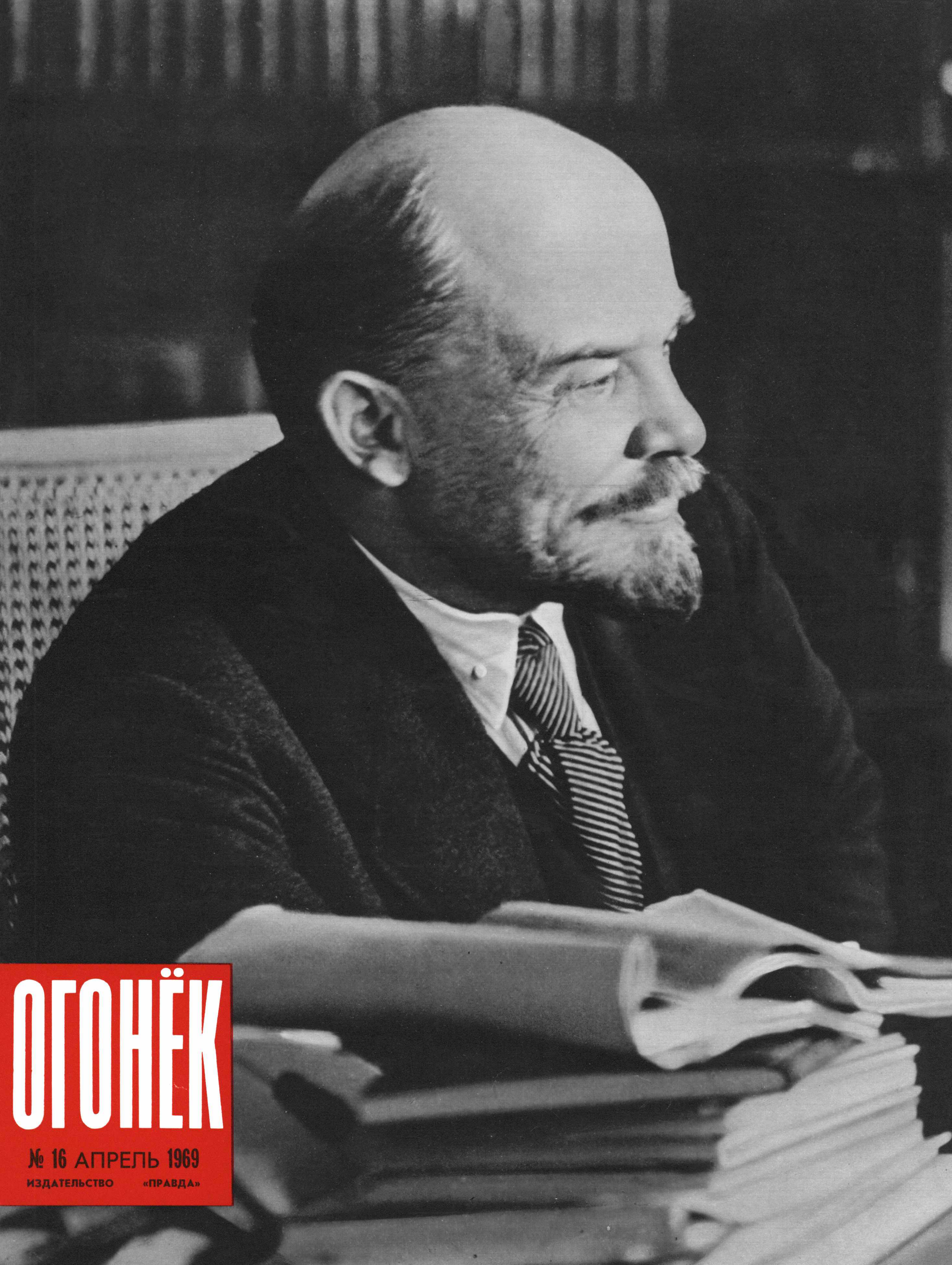

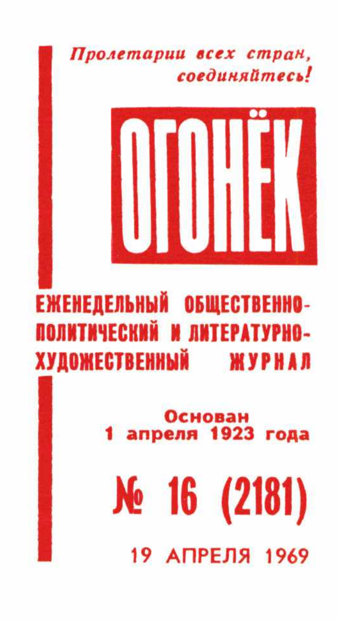
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

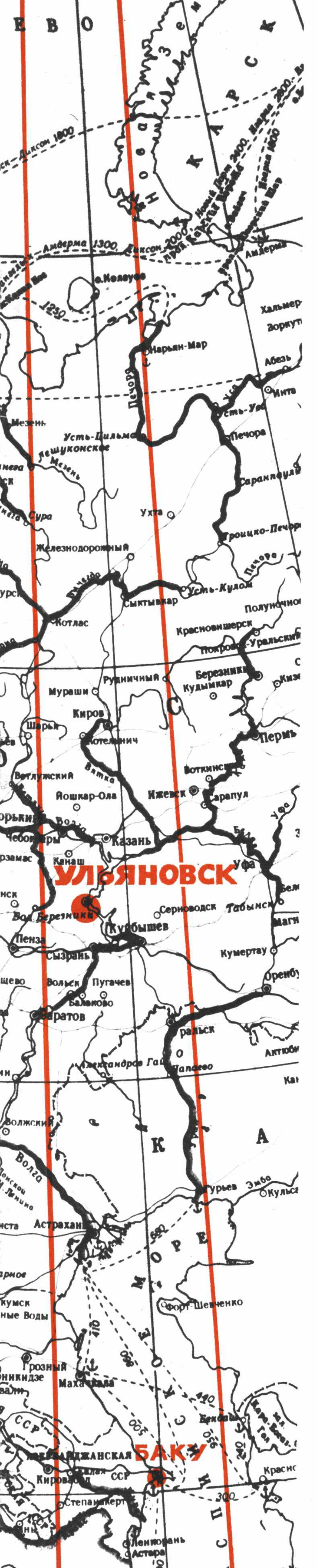
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Бухта Ильича. Подводный ремонт нефтяной скважины.

Репетиция детского хореографического коллектива Дворца культуры имени Ильича.

Ленинского меридиана
на карте лучистый след,
а на земле полоса его
шире, шире и шире:
он сквозь сердца человечьи
проходит, как ясный свет,
как ясный свет, он проходит
сквозь многие страны в мире.

Взгляните на географическую карту нашей Родины, туда, где привольно несет свои воды Волга. Представьте себе некий условный меридиан — идущую от Баренцева моря к Каспию полосу советской земли. Почти на самой середине той полосы лежит Ульяновск, город, где родился Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Сегодня корреспонденты «Огонька» начинают путешествие по этому ленинскому меридиану. Первая точка—Баку или, еще точнее, Бухта Ильича.

ПИСЬМО В ДУБОВОЙ РАМКЕ

Марк БАРИНОВ

Фото Д. Ухтомского и К. Каспиева.

Специальные корреспонденты «Огонька»

С тех пор, как помню себя, помню и листок бумаги в дубовой рамке, что висел в кабинете отца, над письменным столом, там, где обычно бывают гравюры или фотографии.

Так же незаметно и постепенно, как познает подрастающий человек какие-то очень важные жизненные понятия — воздух, солнце, мама,— так же постепенно и незаметно узнавал я об этом листке. «Это письмо. Рабочим Баку. От Ленина»,— отвечал на мои вопросы отец.

Много лет спустя, в отделе фондов бакинского филиала Центрального музея В. И. Ленина, перелистывая фотокопии некоторых документов, я вдруг увидел то самое ленинское письмо! Тогда, в детстве, я не читал его — девятилетнему мальчишке был не под силу этот почерк. А сейчас...

«Рабочим города Баку. Москва 6.X.1922.

Дорогие товарищи! Я только что выслушал краткий отчет тов. Серебровского о положении Азнефти. Трудностей в этом положении очень немало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время продержаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало.

Еще раз шлю вам лучшие коммунистические приветы. В. Ульянов (Ленин)».

Человек, имя которого упоминается в ленинском письме,— Александр Павлович Серебровский, был первым начальником Азнефти. Именно ему, революционеру-подпольщику, Ленин, лично знавший и очень ценивший Серебровского, поручил ответственнейшее дело восстановления нефтяной промышленности.

Цепкая память далекого детства сохранила мне Серебровского веселым, стремительным человеком, одетым обычно в парусиновый пиджак и такие же брюки. Это он возвел в ранг законов традиции руководства Азнефтью, которые свято соблюдаются и поныне: как можно меньше сидеть в кабинете, как можно больше бывать на промыслах, чаще встречаться с людьми, всегда быть в курсе их дел, нужд, чаяний... Его все знали в Баку, и он сам знал огромное число людей. Его знают и помнят сегодня: промысел имени Серебровского, поселок имени Серебровского...

Весной 1921 года делегация бакинских нефтяников прибыла в Москву, к Ленину, за советом и помощью. Один из членов делегации, А. А. Никишин, вспоминает об этой встрече:

«Наконец дверь открывается, нас зовут в кабинет... Владимир Ильич встал при нашем появлении, поздоровался с каждым из нас в отдельности, расспросил, как идут дела на промыслах, как живут бакинские рабочие, каково их настроение, как бакинский пролетариат связан с азербайджанским крестьянством, а затем спросил, что, в сущности, нас привело к нему. Сбивчиво, волнуясь, перебивая друг друга, мы очень несвязно начали излагать нашу просьбу... Владимир Ильич понял, что мы не в состоянии сказать коротко, сжато и ясно... Он подвел нас к окну, усадил на стулья, а сам облокотился на ручки кресла и внимательно нас слушал. Затем он встал, подошел к шкафу или столу, сейчас не помню, взял оттуда книгу, открыл на какой-то странице и начал нас спрашивать про наших азербайджанских руководителей... Алиева, М. Д. Гусейнова и других.

— Серебровского,— говорит,— я знаю, а вот этих товарищей нет. Какие они работники, как давно в партии?

Книга эта оказалась обзором нефтяной промышленности, причем мы заметили, что она в некоторых местах подчеркнута карандашом...»

27 мая 1921 года Ленин в письме в Главтоп требовал усилить внимание и заботу о Баку, внести на рассмотрение Совета труда и обороны (СТО) «программу систематичных мер помощи Баку...».

Вот какие события, встречи, решения предшествовали тому самому письму, что висело в отцовском кабинете.

БИБИ-ЭЙБАТ

В 1846 году в Биби-Эйбате горный инженер Алексеев пробурил первую в мире нефтяную скважину.

Это было время бешеной гонки за нефтью. Как стая волков, ринулись в Баку капиталисты. Свои и иноземные... И все они стремились быстро добуриться до фонтана, схватить, урвать куш нефти, куш золота. А там хоть трава не расти!

Перед самой Великой Октябрьской социалистической революцией было замечено, что морская бухта, примыкавшая к Биби-Эйбату, освещается огромными факелами, вырывавшимися из-под воды. Эти явления, а также пятна нефти на поверхности бухты привели ученых к мысли о том, что дно ее также таит под собой залежи чер-

ного золота. Вспыхнула новая лихорадка: спешно делилась шкура неубитого медведя — распродавались участки бухты с тем, чтобы в дальнейшем осушить ее. А тут революция, потом гражданская война. Жизнь в крае нефтяников замерла...

...Ленинское письмо обсуждалось на всех промыслах. По-деловому, с прикидкой, с расчетами: как быстрее помочь стране топливом, как быстрее восстановить нефтяное хозяйство. И тут родилась мысль о создании нового, невиданного нефтяного промысла на месте Биби-Эйбатской бухты.

«От рабочих Биби-Эйбатского района Бакинских нефтяных промыслов. Г. Баку. 26 октября 1922 года. Москва, Ильичу. Дорогой Ильич! Мы бибиэйбатцы с чувством глубокой радости выслушали твое письмо. Да, Ильич, мы переживаем трудное время, но надеждой, и уверенностью, и упорным трудом мы восстановили нашу нефтяную промышленность, а двести пятьдесят миллионов пудов нефти, которая так необходима государству, мы добудем, чему даем свое пролетарское слово. Шлем тебе свой горячий братский привет и желаем здоровья на благо трудящихся».

Рабочие выполнили свое обещание. Письмо датировано октябрем 1922 года, а уже в ноябре заработал первый бурильный станок на отвоеванной у моря площади. Новый промысел, с невиданным еще в мировой практике типом нефтедобычи, рабочие решили назвать именем Ильича.

Я беседовал со старейшим ветераном Бухты Ильича Героем Социалистического Труда, тонким специалистом нефтяного дела Гюльбалой Алиевым. Он был в составе бригады бурильщиков на вышке № 32, когда она дала первую нефть. Стаж на промыслах у Алиева огромный — шестьдесят девять лет, легко себе представить, сколько удивительных историй хранит его память. Но самая яркая — о первом фонтане на Бухте. Гюльбала Алиев достал из шкафа старые, но хорошо сохранившиеся костюм и ботинки: «Вот. Это Серебровский Александр Павлович и твой отец, Баринов Михаил Васильевич, его заместитель, подарили мне тогда,— сказал он.— В тот день мою одежду фонтан нефтью испортил. Только по большим праздникам надеваю».

Фонтаны били один за другим. Было принято решение об увеличении промысла в Бухте Ильича.

АКАДЕМИЯ

Случилось так, что у себя на родине, в Баку, я не был более тридцати лет. Знал, что смело шагнули нефтяники в море, что уже на другой берег Каспия задуман и осуществляется нефтяной стальной мост. Но, думая о Баку, я с тревогой и грустью возвращался к вопросу: а как-то там промыслы-ветераны? Как Бухта Ильича?

...Баку огромным амфитеатром спускается к морю. На севере невысокий, очень длинный мыс Зых, с юга крутой обрывистый мыс Баилов. С другой стороны Баилова — Бухта Ильича. Здесь теперь лес, буквально густой лес вышек, в которых неутомимо кланяются Т-образные качалки насосов.

В небольшом двухэтажном доме, затерянном среди промыслов, находится контора начальника промыслового управления имени 26 бакинских комиссаров. Оказывается, на месте одного промысла имени Ильича возникло целое управление, а старый промысел в нем один из многих. Управляющий, кандидат технических наук, Герой Социалистического Труда Мирза Мустафаевич Мустафаев выслушивает мои вопросы. «Расцвет Бухты Ильича позади. Это, если говорить о добыче нефти...» «Позвольте, но о чем еще, если не о нефти?! — Мой собеседник щурится, улыбка трогает его губы.— А вы когда-нибудь слышали такое выражение: «Баку — всесоюзная нефтяная академия»? Слышали? Тогда могу добавить: Бухта — один из высших факультетов этой академии».

— Вы ведь не на день к нам. Поживите, присмотритесь — поймете сами. Познакомьтесь с людьми. С Ганифой Гассановым, например...

МАСТЕР ГАНИФА

Совершенно неожиданно возле самого уреза моря, среди стальных вышек,— каменные столбы, чугунная ограда, несколько кипарисов и могильная плита.

— Потоцкий! — коротко произносит мастер Ганифа.— Ну да, тот самый инженер, энтузиаст засыпки Бухты, о котором еще писал Горький! Который ослеп и слепым руководил стройкой, зная на ощупь каждый сантиметр любимой бухты, своего детища. Его возили на паровозе (не было вагонов!) в Москву, лечить, но не смогли... А умирая, он завещал похоронить себя на Бухте.

Потом мы идем вдоль берега. Гассанов — нефтяник с 1941-го, с шестнадцати лет. Он занимается ремонтом скважин. Представьте себе узкое горло отверстия, уходящего на сотни и тысячи метров в тело планеты. И там, на этой страшной глубине, что-то неладно. Возможно ли что-то там исправить?! «Трактор помогает»,— лаконично роняет Ганифа. И тут выясняются удивительные условия работы мастера Ганифы. Действительно, мастерам подземного ремонта помогает трактор. Но как! На глубине нескольких километров обломилась головка бура или другого бурильного или эксплуатационного инструмента. Скважина при смерти. Труд многих месяцев висит на волоске. Деньги, очень немалые деньги, потраченные на создание скважины, вот-вот вылетят в трубу. И тут являются мастера подземного ремонта. И вместе с ними трактор. Он играет в данном случае роль стетоскопа врача. Сперва все идет просто: тракторной лебедкой опускается специальное оборудование, с помощью которого или вынимают обломки, или пытаются присоединить их к действующей аппаратуре. Но вот мастер подходит к трактору и легким движением музыканта прикасается пальцами к его корпусу. Закрыв глаза, он негромко нараспев командует: «Выше... ниже... быстрее... медленнее...» Там, в тесном шестидюймовом сумраке, в тысячах метров от мастера, осторожно шевелится сталь, умно примериваясь к неровному облому, плавно врезаясь в него зубами мечиков, нежно касаясь ребрами резьбы. А наверху мастер, закрыв глаза, своими пальцами читает рассказ о том, что делается в скважине, рассказ, передаваемый километровым тросом стальному корпусу трактора. Читает и дает безошибочные команды. Это уже высокое искусство!

Я прошу Ганифу рассказать о себе, о товарищах.

«Что рассказывать? Работаем,— бурчит он.— Я тебе лучше о тех, кто ушел от нас, расскажу!» «О тех, кто ушел?! Не понравилось, наверное?..» Гассанов чуть улыбается. «Нет, совсем не то. Таких у нас на Биби-Эйбате нет. Про мастера добычи Везирова Сулеймана слышал? Он теперь заместитель председателя Совета министров. А Ахмедова Мансура знаешь? Совсем молодой человек. Тоже мастером добычи у нас на третьем промысле был. Начальник нефтепромыслового управления Ширваннефть он сейчас! А Бедирханова Мирзу? Заведующий промыслами имени Серебровского. Лауреат Государственной премии! Все наши — бухтинцы! Да разве только они?!»

МАНСУР ПРИЕХАЛ ДОМОЙ!

— Приехал! Папа приехал! — Господи, сколько шума подняли эти три малыша, трое мальчишек, облепив отца, едва он появился в квартире! А что удивительного? Ширван — в ста тридцати километрах от Баку. А Мансур — начальник нефтепромыслового управления. Забот у начальника очень много. И план, и бурение, и молодежь, и жилье, и сотни-сотни других дел и забот. Вот и вырывается домой раз в полмесяца!

Ширваннефть — будущее, большой труд и большие надежды! Нефть лежит в Прикуринской низменности, прикрытая тяжелым многокилометровым щитом. Что ни скважина, то пятикилометровая глубина! Очень трудно пробиваться в недра земли. Здесь будет осуществлен величайший геологический эксперимент: старт первой и единственной в мире сверхглубокой скважины на пятнадцать километров, на мантию! И честь бурить ее будет доверена им же — бакинским нефтяникам!

— А Бухту Ильича вспоминаете? Лицо Мансура Елаловича светлеет:

— Вы там бывали? С людьми знакомы? Там изумительный коллектив! Я уже много лет, как ушел оттуда. Но каждый месяц, хоть раз, но непременно загляну туда. Зачем? Знаете, воздух там особенный, мысли приходят там хорошие, сомнения развеиваются... Но главное, со старыми друзьями встречаюсь, советуюсь, проверяю себя. Нет, без Бухты мы не можем!

Эти слова Ахмедов произносит на одном дыхании, как поэму, как признание в любви.

— А вы знаете, какие люди выросли на Бухте Ильича?

Я довольно смело перечисляю ему имена, названные Гассановым.

— А как же наша наука? Как он их не назвал?! — изумляется Мансур.— Мастер добычи Перевердьян — ныне доктор технических наук. А мастер добычи Рамиз Курбанов, ему сейчас только тридцать пять лет, тоже доктор, профессор азербайджанского нефтяного института! Механик Рафик Керимов — старший преподаватель теоретической механики в Алжирском политехническом институте! Я могу назвать вам еще по крайней мере пятнадцать человек, которые только за последние годы ушли с Бухты в большую науку.

ПРОФЕССОР КУРБАНОВ

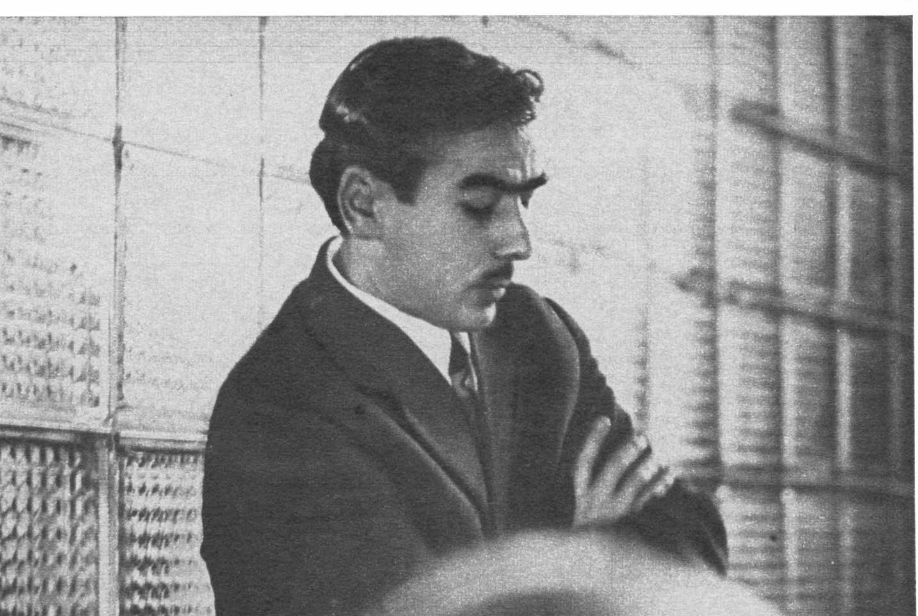
У него красивое имя — Рамиз. Невысокий, худощавый, изящный, с точеным смуглым лицом, он напоминает мушкетера Арамиса...

— Вы знаете, один из самых трудных этапов в жизни человека, это когда после школы приходишь на производство. Здесь разное может случиться: и навсегда возненавидишь свое будущее дело и полюбишь навсегда... Все зависит от того, кто с тобой рядом. У нас хорошее правило: выпускника института посылают на промысел простым рабочим — оператором. Меня прислали на Бухту Ильича. И я до сих пор помню каждого из старших товарищей..

Профессор умолкает, задумывается.

— Понимаете, поток информации проходит через нашу молодежь во все увеличивающемся объеме. Даже наши специальные учебники по теоретической меха-

Доктор технических наук профессор Р. Курбанов.

В библиотеке Дворца культуры имени Ильича.

Мансур приехал домой.

нике нередко оказываются слишком элементарными для студентов. Чтобы не отстать, приходится беспрерывно черпать знания из производственного опыта...

— Значит, по-прежнему Бухта вас поддерживает?

— И это тоже. Еще тогда, на Бухте, я понял, что и мы, молодежь, нужны там. Знаете, свежий глаз, молодое беспокойство... А теперь не только это. Вот, например, на Бухте Ильича есть аномальные нефти...

— Что это такое?

— В обычном представлении нефть однородна и везде почти одинакова. Но это далеко не так. Она бывает жидкая, как керосин, и густая, как повидло. И еще множество различных отклонений от нормы. Как ее лучше брать у земли? Наш институт занимается разработками оптимальных методик добычи. И это наша прямая помощь промыслам.

Мой собеседник на минуту умолкает, потом снова говорит о людях Бухты Ильича.

— Вы ведь знаете, там рядом Баилов. Они в основном все на Баилове и живут. Прямо город в городе. Свои обычаи, свои нравы, традиции, гордость...— Потом неожиданно спрашивает: — Вы были в нашем театре, на Баилове?

ТЕАТР НА БАИЛОВЕ

В этом огромном здании, расположенном в самом центре рабочего района Баку — Баилове,— нетрудно заблудиться. И не только потому, что комнат, залов, фойе, коридоров и переходов тут несметное количество. Потому, что едва только входишь сюда, во Дворец культуры имени Ильича, глаза и уши наполняются такой массой разнообразнейших звуков, что просто не знаешь, куда направиться... Звуки азербайджанского тара сплетаются с русским баяном, классические вокальные произведения сменяются народными песнями. На сцене идет репетиция молодежного эстрадного рабочего театра, а в холле коллектив местного драматического театра читает новую пьесу местного автора. А из широких окон Дворца — все те же вышки, лес вышек. В директорском кабинете — человек с усталым лицом и сияющими глазами: Яков Моисеевич Полонский. У него внешность актера, театрального режиссера, художника. Но он никогда не был ни тем, ни другим. Киномеханик, рабочий сцены, массовик. И через всю жизнь пронес страстное желание нести культуру, знания, искусство рабочим.

— Знаете, чем мы больше всего гордимся? — спрашивает директор.— Подавляющее большинство наших актеров, музыкантов, певцов, нештатных лекторов, художников — рабочие! У нас настоящий рабочий клуб.

— Сколько у вас «членов клуба»?

Он отвечает, не задумываясь:

— Считали. Ежедневно у нас бывает в среднем пять тысяч человек. А всего, если говорить военным языком, «на довольствии» во Дворце Ильича состоит: тридцать тысяч рабочих, тридцать тысяч их жен, матерей, отцов, пятнадцать тысяч детей и около тысячи пенсионеров! А вы когда-нибудь бывали у нас на спектаклях эстрадного или драматического театра? А на концертах нашего знаменитого ансамбля «Гамма»? Если бы мы продавали билеты, то были бы миллионерами! Сборы битковые!

— Что значит «если бы продавали»?..

— Все наши мероприятия, кроме кино, бесплатные, по пригласительным билетам. Весь город стремится к нам, когда идут спектакли наших рабочих театров!

— Ваш Дворец носит имя Ильича...

— Понимаю. Наш драматический коллектив сейчас знакомится с новой пьесой, которую для нас написал азербайджанский драматург Меджлумбеков. Это пьеса «Бухта Ильича» — о том, как создавался наш промысел, о нас самих...

* * *

Что же такое Бухта Ильича сегодня?

Экономически Бухта сегодня — старый заслуженный нефтяной промысел, дающий устойчивую долю общей добычи бакинской нефти. А политически это ярчайший пример того, что дали бессмертные ленинские идеи рабочему классу.

«...Да, Ильич, мы переживаем трудное время, но надеждой и уверенностью, и упорным трудом мы восстановили нашу нефтяную промышленность...»,— писали рабочие сорок семь лет назад Ленину. Сегодня они могли бы добавить: наша смена, наш сегодняшний рабочий класс есть живое воплощение Ваших мыслей, Ваших надежд, Ваших чаяний, Владимир Ильич!

Мастер Ганифа.

Торжественное собрание в Колонном зале Дома союзов, посвященное 50-летию первых коммунистических субботников.
Фото А. Пахомова и А. Столяренко.

Москва, 11 апреля 1969 года. Вручение ордена Ленина локомотивному депо Москва-Сортировочная. Председатель Президиума Верхов-

КРАСНАЯ СУББ

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА
УДАРНЫЙ ТРУД — РОДИНЕ!
ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

Миллионы наследников великого почина вышли на юбилейный коммунистический субботник. Страна с волнением готовилась к этому празднику труда. 9 апреля в Колонном зале Дома союзов проходило собрание передовиков социалистического соревнования столицы, посвященное 50-летию первого коммунистического субботника.

В президиуме — руководители партии и правительства, зарубежные гости, участники первого коммунистического субботника, передовики производства. На собрании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

11 апреля на собрании передовиков производства, ударников коммунистического труда локомотивного депо Москва-Сортировочная Московской железной дороги

Субботник на киевском заводе «Арсенал».
Фото Н. Козловского.

ТРУДОВОЙ

В субботу, 12 апреля, Москва шла пешком, ехала в метро, в автобусах, трамваях трудиться.

Художники Василий Нечитайло, Константин Антонов, Евгений Ильин, Татьяна Радимова, Григорий Московченко приехали в этот юбилейный субботник в депо Москва-Сортировочная.

На большой территории депо царила оживленная и торжественная обстановка. Убирали депо, ремонтировали локомотивы. Все были заняты делом.

Василий Кириллович Нечитайло прошел в кузницу. Его внимание привлек могучий человек, который ковал раскаленный металл,— Павел Владимирович Шаталов. Во время перерыва в работе Шаталова за работу принялся Нечитайло — углем нарисовал портрет кузнеца. Теперь в мастерской художника появились новые графические листы — портреты рабочих депо Москва-Сортировочная — мастера Бориса Андреевича Бирюкова, слесаря Михаила Ивановича Лякишева, токаря Григория Николаевича Яковлева, электросварщицы Таисии Федоровны Борщ, кузнеца Ивана Сергеевича Абабкова.

Художнику так понравились здесь люди, так он увлекся этой атмосферой труда, что хочет прийти сюда не с углем и листом бумаги, а с холстом и этюдником надолго, чтобы создать картину.

Рисунок народного художника РСФСР В. Нечитайло — портрет Павла Владимировича Шаталова. ▶

ного Совета СССР Н. В. Подгорный прикрепляет орден Ленина к знамени депо.

Фото А. Пахомова.

член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прикрепил орден Ленина к знамени депо — это высокая награда Родины зачинателю великого почина, из которого разгорелось пламя социалистического соревнования.

И вот 12 апреля... Красная суббота. Праздник труда. Всенародная демонстрация верности ленинским заветам.

ЮБИЛЕЙ

СЛАВНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Михаил КОТОВ

Был 1949 год. Стоял месяц цветущих каштанов на берегах Сены. Париж увидел на своих улицах представителей народов всех континентов. Здесь, в знаменитом зале Плейель, состоялся 20—25 апреля Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Не все его делегаты могли получить визы во Францию. Поэтому заседания конгресса параллельно проходили в Праге.

Конгресс открывал великий ученый нашего времени Жолио-Кюри. Выразительно прозвучали тогда его проникновенные слова, обращенные ко всем народам, ко всем людям доброй воли: «Остановить надвигающуюся войну, прекратить войны, которые уже ведутся, установить мир — такова должна быть наша цель».

Съехавшиеся в Париж делегаты из 72 стран представляли свыше 600 миллионов сторонников мира. Участники Конгресса гневно осудили военную пропаганду и подготовку империалистических кругов к новой войне.

Прошло двадцать памятных лет со дня Парижского конгресса. Казалось бы, для истории это небольшой срок. Но какой большой путь прошло за это время движение сторонников мира, ставшее знамением нашего времени! Весомо звучал в эти годы мощный голос рабочих и крестьян, женщин и молодежи, писателей и ученых, людей, представляющих все слои населения на конгрессах мира и встречах борцов за мир и солидарность народов в Париже и Вене, в Хельсинки и Стокгольме, в Монреале и Хартуме, в Берлине и Риме, в Каире и Будапеште, во многих городах.

К этому голосу прислушивались народы. Этот голос повергал в трепет недругов мира. С ним уже не могли и не могут не считаться силы, которые хотели бы развязать войну. Вспомним знаменитое Стокгольмское воззвание за запрещение атомного оружия. Под ним поставили свои подписи свыше 500 миллионов человек. В октябре 1951 года под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами было поставлено 600 миллионов подписей. В 1955 году Венское обращение Всемирного Совета Мира против угрозы ядерной войны скрепили своими подписями уже 656 миллионов человек.

Подводя итоги двадцатилетней деятельности, борцы за мир во всех странах могут с удовлетворением сказать, что они многое сделали для того, чтобы сохранить мир на земле. Эти действия поддержки и солидарности носят самый разный характер: сбор средств, отправка кораблей с продовольствием, забастовки на предприятиях, производящих оружие, блокировка портов, аэродромов и железнодорожных станций, где скапливалось оружие, предназначенное для отправки во Вьетнам, массовое дезертирство из армии США, участвующей в войне во Вьетнаме, и т. д. Более 1 300 различных общественных организаций во всех странах, выступающих за мир, заявили о своей поддержке справедливой борьбы вьетнамского народа. Все больший размах приобретает сейчас повсюду кампания солидарности и поддержки арабских народов в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

С первых дней рождения всемирного движения сторонников мира активное участие в нем принимают советские люди. В нашей стране движение за мир стало поистине всенародным. В августе 1949 года состоялась первая Всесоюзная конференция сторонников мира, на которой был создан Советский комитет защиты мира. За эти годы советские сторонники мира провели огромную работу по расширению международных связей. Тысячи и тысячи зарубежных друзей мира побывали в нашей стране. Москва стала знаменосцем мира. Здесь состоялось немало важных встреч в защиту мира. Представители советской общественности участвовали во многих конгрессах, съездах, встречах и конференциях, которые проходили в разных странах.

Мы, советские сторонники мира, отмечаем 20-летие движения за мир сплочением своих сил вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, которые решительно и твердо отстаивают дело мира.

Наш народ, как и все передовое человечество, готовится достойно отметить 100-летие со дня рождения великого вождя, пламенного борца за мир между всеми народами В. И. Ленина. По решению Всемирного Совета Мира эта дата будет отмечаться во всех странах как великая знаменательная годовщина. И это понятно. Первым декретом Советской власти, написанным рукою Ленина, был Декрет о мире. Сохранение мира между народами лежит в основе ленинизма.

В июне этого года в Берлине соберется Всемирная ассамблея мира. Состоится также Юбилейная сессия Всемирного Совета Мира, посвященная двадцатилетию движения за мир.

Во всех странах идет подготовка к Ассамблее мира. В ней примут участие представители всех сил, выступающих за мир. Это будет широкий форум посланцев миролюбивых сил всех стран. На нем намечается обсуждение самых насущных вопросов, волнующих все человечество. Посланцам всех народов предстоит наметить пути к усилению сотрудничества и общих действий за сохранение мира на земле.

Двадцать лет идет на нашей планете великая битва за мир. Эта битва продолжается с новой силой. Борцы за мир во всех странах, отмечая великую дату, вновь и вновь подтверждают, что они способны остановить войну и «навязать» мир, что силы разума победят.

Москва, 11 апреля 1969 года. Кремлевский Дворец съездов. Торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики.

Фото А. Гостева.

ШАГАЮЩИЕ К ЗВЕЗДАМ

Как большой всенародный праздник отмечала наша страна восьмую годовщину полета в околоземное пространство коммуниста Юрия Гагарина. 11 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание трудящихся столицы и воинов Московского гарнизона, посвященное Дню космонавтики. Собравшиеся продолжительными аплодисментами приветствовали появление в президиуме руководителей партии и правительства, летчиков-космонавтов СССР. Участники торжественного собрания также тепло приветствовали зарубежных гостей.

На собрании с речами выступили президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш и летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза полковник В. А. Шаталов.

— Уходя в космический рейс,— сказал В. Шаталов,— я взял на борт корабля портрет Владимира Ильича Ленина... Сейчас этот портрет я храню как самую дорогую память о космическом полете.

12—13 апреля в Эссене — центре Рурской области, пролетарского бастиона ФРГ,— в зале Ругахалле состоялся съезд Германской коммунистической партии. Съезд завершил многомесячную деятельность по созданию новой политической партии сторонников научного социализма в ФРГ. Форум ГКП продемонстрировал сплоченность рядов западногерманских коммунистов, их верность великим идеям Маркса — Энгельса — Ленина, делу пролетарского интернационализма. Председателем партии единодушно избран товарищ Курт Бахман, коммунист с 37-летним стажем, активный участник антифашистской борьбы.

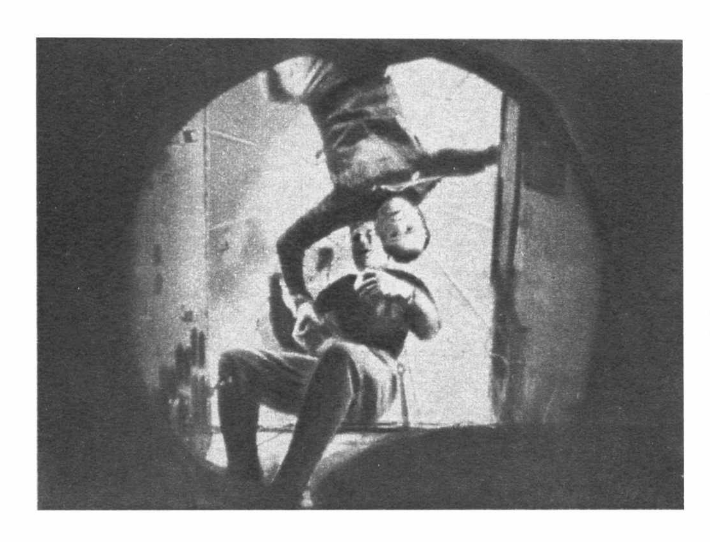

Более двадцати тысяч человек провожают в последний путь жертвы полицейского произвола в Баттипалье, небольшом городке юга Италии. Имя этого города на устах всей страны. 9 апреля мирную демонстрацию трудящихся Баттипальи, требовавших работы, встретил огонь полиции. Двое — учительница Тереза Риччарди и студент Кармине Читро — были убиты, более сотни человек ранено. На время похорон рабочая Италия — более 12 миллионов человек — выразила свое возмущение действиями полиции, объявив всеобщую забастовку.

Грозные орудия корабля устремлены вверх. На судне ждут нападения? Нет. Этот корабль принадлежит шестому американскому флоту, бороздящему воды Средиземного моря. Вот уже более двадцати лет опознавательные знаки американской армии заполоняют Европу от Северного моря до Средиземного, от Великобритании до Турции.

Симптоматично, что американский

КОСМИЧЕСКИЙ ПОДВИГ

К. Э. Циолковский, гениально определив роль ракеты в исследовании и освоении космического пространства, прозорливо указал и на необходимость создания в будущем внеземных обитаемых станций, а затем и целых небесных городов. И вот настал день, когда и этот дерзновенный замысел основоположника космонавтики люди стали воплощать в жизнь: советские космонавты В. Шаталов, Б. Волынов, Е. Хрунов, А. Елисеев произвели стыковку двух космических кораблей — «Союз-4» и «Союз-5», создав первую в мире орбитальную космическую станцию.

Об этом великом подвиге в космосе рассказывает новый цветной полнометражный научно-популярный фильм «Встреча на орбите», созданный на Центральной студии научно-популярных фильмов по сценарию Е. Рябчикова режиссером Н. Макаровым. Поэтично снятый Звездный городок — зрители увидят его на экране впервые — открывает увлекательный фильм. В течение многих лет проведенные кинонаблюдения за жизнью и тренировками космонавтов позволяют увидеть будни и праздники Звездного.

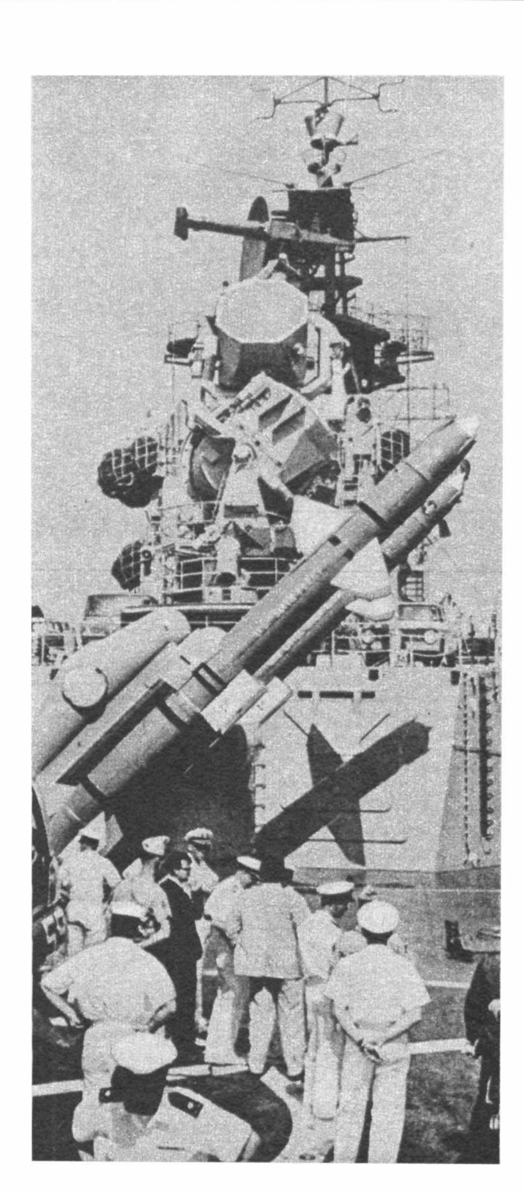
Большое впечатление производят кадры, снятые в полете автоматической кинокамерой на цветную пленку: Евгений Хрунов и Алексей Елисеев, завершив переход через открытый космос из корабля в корабль, попали в крепкие объятия В. Шаталова...

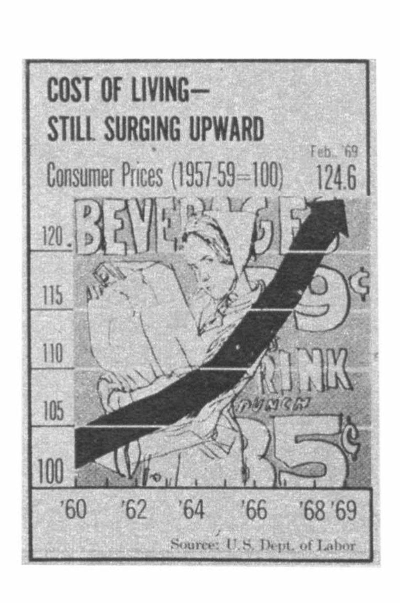
Живой рассказ о героях-космонавтах сочетается с глубоким раскрытием важной научной задачи — создать первую в мире орбитальную космическую станцию. Заключительные кадры фильма. Работа больших, пока что созданных художниками, орбитальных станций в космосе. Сейчас это еще мечта. Но начало строительству в космосе уже положено, и нет сомнения в том, что мечта эта будет воплощена в жизнь.

Верой в разум человека, в его победу над природой, верой в осуществление советской программы изучения и освоения космоса проникнут новый фильм «Встреча на орбите».

Л. МИХАЙЛОВ

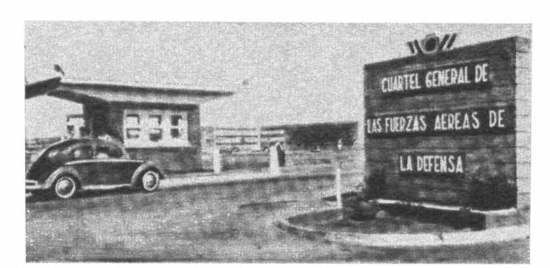
На снимке: кадр из фильма «Встреча на орбите».

журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» публикует в одном и том же номере фотографию одной из американских военных баз в Испании и диаграмму роста стоимости жизни в Америке.

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Вие нуове» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

ПРАЗДНИК ГАЗЕТЫ ЛИТЕРАТОРОВ

На титуле органа правления Союза писателей СССР «Литературной газеты» два портрета — А. С. Пушкина и А. М. Горького. Они как бы символизируют великую и благотворную связь русской классики и литературы социалистического реализма.

Вот уже четыре десятка лет газета советских писателей участвует в сложном процессе становления и развития нашей многонациональной литературы, освещая ее историю и современность. На страницах ее выступали Максим Горький и Владимир Маяковский, Алексей Толстой и Александр Фадеев, Михаил Шолохов и Константин Федин, чьи произведения воистину являются всенародно любимыми.

«Писатель и жизнь» — эта тема всегда была и остается первостепенной для нашей литературы. Поэтому естественно, что она занимает важное место в «Литературной газете». Наряду со статьями по вопросам литературы, рецензиями на книжные новинки, стихами, рассказами на страницах газеты публикуются материалы по искусству, науке, общественной жизни, экономике, политике. Немалое место отводится в ней и рассказу о работе прогрессивных зарубежных писателей.

Исполнившееся сорокалетие «Литературной газеты» — знаменательный юбилей не только для советских писателей, но и для многочисленных ее читателей — любителей советской литературы.

Журнал «Огонек» сердечно поздравляет «Литературную газету» со славным юбилеем.

Дом Мольера

Сцена из спектакля «Электра».

Закончились гастроли старейшего французского театра «Комеди Франсез».

«Дом Мольера» покинул Москву.

Это была третья встреча советских зрителей с искусством замечательной труппы. В этот приезд французские артисты познакомили нас с комедиями «Лекарь поневоле» Мольера и «Игра любви и случая» Мариво, с трагедией Расина «Британник» и драмой современного драматурга Жироду «Электра».

С чувством благодарности будут вспоминать театр те, кто побывал на этих спектаклях.

Я вспомнил слова известного французского актера и режиссера Жана Вилара: «...Мне кажется, мы сможем создавать произведения одновременно актуальные и долголетние лишь в том случае, если будем поддерживать связь друг с другом, будем обмениваться нашими проектами, идеями, авторами... сравнивать и обсуждать наши радости и неудачи».

Эти гастроли вылились в акт крепнущей дружбы советского и французского народов.

Изменив традиции, я попросил рассказать о пребывании в Советском Союзе не руководителя театра и не известного артиста, а рабочего сцены Марселя Неж.

— Сбылась моя мечта: я в СССР. С «Комеди Франсез», в которой работаю тридцать два года, я объехал весь мир. Буду счастлив, если представится возможность еще побывать у вас, где так радушно нас принимали.

Восемь дней мы были в Ленинграде. К сожалению, очень большая занятость в театре лишила меня возможности насладиться красотой города, который меня очаровал. Затем мы посетили Ригу — тоже очень красивый город. И вот, наконец, Москва. Первая моя прогулка была в Кремль, который я до того лишь видел по телевидению.

Ваш прекрасный город поражает грандиозностью. Очень хотелось бы поскорее вновь посетить вашу страну.

Б. ОСТРОВСКИЙ

Весеннее имя

Олекса ЮЩЕНКО

В лазури стаи птичьи пели,
Казалось, пела тишина
О том, что он рожден в апреле
И что весна с ним рождена.

И реки вырвались из плена,
Деревьев мощь рванулась ввысь,
И навсегда Весна и Ленин
В народной памяти слились.

Цветы свои раскрыли вежды,
Разлились нивы вдоль пути...
Он родился в апреле нежном,
Чтобы в суровый бой идти.

Не потому ли день так светел,
Так звонко наше торжество,
Что осенен Октябрьский ветер
Весенним именем его!

Перевел с украинского
Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ.

Киев.

Глазами сыновей

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Знал его дом наш властью
властной не чересчур,
если светился лаской
мудрый его прищур.

С отчей улыбкой этой
людям была видней
близость его портретов
духу его идей.

К нашим насущным требам
думой одной влеком,
в семьи входил он хлебом,
медом и молоком.

Только ли россиянам
правда его, звуча,
в судьбы вошла сияньем
лампочек Ильича?

Вечно гордиться будем
тем, что на сотни лет
путь свой увидеть людям
дал этот добрый свет!

Воронеж.

Тюльпаны

Сергей ФИКСИН

Ко дню рождения В. И. Ленина фрунзенские пионеры посылают самолетом в Москву тюльпаны, собранные ими в горах Ала-Тоо.

Вот и цветам пришлось лететь,
За облаками пламенея,
Чтоб в тот же день собой согреть
Холодный мрамор Мавзолея.

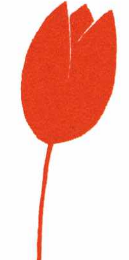
А накануне, кто бы мог
Подумать, глядя в синь апреля,
Что каждый тонкий стебелек,
Срывая, чьи-то руки грели;

Что каждый холм
И каждый склон
Был пестрой цепью атакован,
Что каждый лопнувший бутон
Был чьим-то сердцем облюбован.

Тюльпанов огненный накал
Весну и здесь теплеть заставил:
Снежок московский чуть порхал
И, опускаясь, тут же таял.

А может, это не цветы,
А детские сердца горели,
И миллионы глаз на них
С благоговением смотрели?

Фрунзе.

Снова в

Весна девятнадцатого года. В Петрограде голод. Свирепствует тиф. Остановились многие заводы и фабрики. Нет сырья и топлива. Тысячи и тысячи рабочих — на фронтах гражданской войны, на заготовках хлеба, на борьбе с кулацкими мятежами. Пользуясь трудностями, меньшевики и эсеры провоцируют забастовки, готовят антисоветские выступления.

Петроградские рабочие ждали приезда В. И. Ленина. Целый год Владимир Ильич не был в их городе.

...Утром 11 марта В. И. Ленин идет на заседание Бюро ЦК РКП(б). Там под его председательством рассматривают проекты директив об организации продовольственного дела на Украине и поставках оттуда хлеба в промышленные центры страны. В те минуты Владимир Ильич еще не знал, что печальная весть из Петрограда ускорит его отъезд. В Петрограде умер М. Т. Елизаров — старый большевик, один из первых наркомов, близкий Ленину человек, муж Анны Ильиничны.

В расписании значился только один вечерний поезд. Владимир Ильич позвонил члену коллегии наркомата путей сообщения Н. К. Белякову и попросил достать какие-нибудь билеты на этот поезд. Об этом узнал нарком В. И. Невский и пригласил В. И. Ленина ехать в комиссариатском вагоне. Владимир Ильич всячески отказывался, и немалых усилий стоило убедить его.

Поезд отошел вовремя, но в Петроград прибыл почти на два часа раньше, чем предполагалось. На перроне никого из встречающих не было. Ленин, Невский и работник Чека Беленький вышли на привокзальную площадь, пересекли ее и не спеша втроем зашагали по Невскому. На Большой Морской свернули влево и вскоре оказались у гостиницы «Астория». Тогда здесь жили многие партийные и советские работники. На лестнице Владимир Ильич буквально столкнулся с А. А. Копяткевичем, который должен был встречать Ленина.

— Не успел я и слова сказать, как Владимир Ильич, словно оправдываясь,— вспоминал Копяткевич,— стал объяснять, почему он так рано приехал: «Поезд шел с такой быстротой, что прибыл раньше времени. Погода хорошая, на вокзале никого не было, и я пошел пешком прогуляться по Невскому».

Из «Астории» — к сестре, Анне Ильиничне.

— Мы поехали в клинику, где и нашли убитую горем Анну Ильиничну,— пишет приемный сын Елизаровых Г. Я. Лозгачев-Елизаров.— Выйдя к нам навстречу, она обняла брата и зарыдала, припав головой к нему на грудь. Владимир Ильич нежно и ласково пытался утешить ее, гладя, как ребенка, по волосам и целуя руки сестры.

...В Смольном, в кабинете председателя Петроградского Совета, собирались руководящие партийные и советские работники. Владимир Ильич поспешил туда. Он ехал по тем же улицам, по которым с Эйно Рахья шел октябрьским вечером 1917 года с Выборгской стороны: Нижегородская, Литейный мост, Шпалерная, Смольный. Ровно год — день в день,— как Владимир Ильич переехал в Москву.

И вот снова знакомые узкие, высокие, полутемные коридоры. Встретили Ленина тепло и радостно. Был среди пришедших на беседу с вождем и Константин Григорьевич Аршавский — он тогда ведал агитотделом в Петроградском комитете. Ветеран революции, коммунист с 55-летним партийным стажем редко бывает в Ленинграде, живет больше в курортном городке Зеленогорске. Там мы и записали его воспоминания:

— Как только все собрались, Ленин начал беседу. Прежде всего он обратился к нам: расскажите, что происходит в Петрограде. Если нужна помощь, то какая. Вопрос, как говорится, был поставлен прямо, и ответ был дан обстоятельный. Положение очень сложное. Мы попросили Владимира Ильича выступить с докладом на заседании Петроградского Совета в Таврическом дворце. Ленин согласился это сделать в тот же вечер. Помню, зазвонил телефон. Просили Ленина. Из Дворца Труда. Там открылся Первый съезд сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии. Просили выступить. Владимир Ильич согласился.

На учете каждый час, каждая минута. Таврический дворец. Тысячи людей на улице, перед дворцом, и полным-полно в зале, в проходах, вплотную к трибуне, на хорах. Настроение взволнованное. Из боковой двери выходит Ленин и быстро направляется в президиум.

«...По его быстрым взглядам можно было понять, что ему хочется не самому начинать, а побольше, поглубже почувствовать нас,— вспоминает матрос И. Жига, впоследствии ставший советским писателем.— Ведь давно он не был среди петроградских рабочих. Знал он, что мы голодаем, и те три — пять минут аплодисментов нужны ему были для того, чтобы охватить эту массу целиком, определить ее настоящее настроение... Ведь никто так, должно быть, не любил петроградских рабочих, как он... По Питеру он

К. ЧЕРЕВКОВ

Петрограде

судил о подъеме и усталости масс. Питер для него был барометром, по которому он определял движение революционной атмосферы. И это был великолепный барометр. Если, скажем, в Питере рабочие устали, то где же еще будут бодры?»

— Этот зал,— начал свой доклад Ленин,— напоминает мне первое мое выступление в Петроградском Совете, в котором тогда царствовали еще меньшевики и эсеры...

Владимир Ильич говорил о том весеннем дне семнадцатого года, когда, возвратясь из эмиграции, выступил со своими знаменитыми Апрельскими тезисами «О задачах пролетариата в данной революции».

Зал тот же, а аудитория другая — рабочая, революционная. Слушают внимательно. Да, бушует гражданская война. Да, голод терзает страну. Хлеб есть, а вывезти его к рабочим центрам не на чем. Правительство идет на крайние меры: временно отменило пассажирское движение, чтобы использовать паровозы для доставки зерна и продовольствия в города...

Девятый час вечера. На трибуне рабочие, солдаты, матросы.

— Я от имени петроградских рабочих хотел бы передать товарищу Ленину,— говорит рабочий с Выборгской стороны И. Ф. Маврин,— что, несмотря на голод, на то, что многие заводы и фабрики закрыты, дух в рабочем классе не упал, мы так же бодро смотрим вперед, как и прежде.

Петроград уже знает о приезде вождя. Все хотят видеть, слышать Ленина.

Может быть, Владимир Ильич выступит на общегородском митинге, в самом вместительном здании — в Народном доме? Ленин согласен — завтра вечером. Впрочем, на завтра обещано еще выступление и во Дворце Труда.

...Утро 13 марта. Второй день Ленина в Петрограде. С Выборгской стороны движется похоронная процессия. Пришли железнодорожники, делегации с фабрик, заводов, товарищи по партийной работе, военные... Владимиру Ильичу предложили ехать в автомобиле — путь длинный, чуть ли не через весь город. Ленин отказался. Он шел за катафалком пешком, с непокрытой головой, поддерживая Анну Ильиничну. Марка Тимофеевича похоронили на Волковом кладбище, рядом с Марией Александровной и Ольгой Ильиничной Ульяновыми.

Ленина ждут во Дворце Труда. В том самом, который декретом Совнаркома был передан после революции рабочим. Они сами приводили его в порядок, ремонтировали.

В Актовом зале третий день заседал съезд сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии. В самый разгар работы вошел Ленин. Грянули аплодисменты.

Владимир Ильич считал весьма важным объединить разрозненных и разобщенных на далекие расстояния сельских рабочих в один профсоюз. «...Власть городских рабочих не может быть прочна, если не будет прочного союза с сельскохозяйственными рабочими,— говорил он.— Только такой союз, которому вы здесь кладете начало, может привести к прочной переделке».

Отвечая на записки делегатов, Ленин спрашивал: «Может ли на советских хозяйствах снова развиваться старое мелкое земледелие? Я думаю, вы все согласитесь, что этого быть не может, быть не должно». И делегаты съезда единодушно решили: «...Поручаем нашему правлению профессионального союза войти в тесный контакт с нашими братьями и товарищами — городскими рабочими. Да здравствует тесное единение рабочих города и деревни! Да здравствует наше правительство мозолистых рук!»

Профсоюзные деятели устроили обед для москвичей. Обед по тем временам роскошный: гороховый суп с гренками из черного хлеба, жареная курица с гарниром, чай с кренделем из белой муки.

— Это вы каждый день так обедаете? — спросил с хитрецой Владимир Ильич.

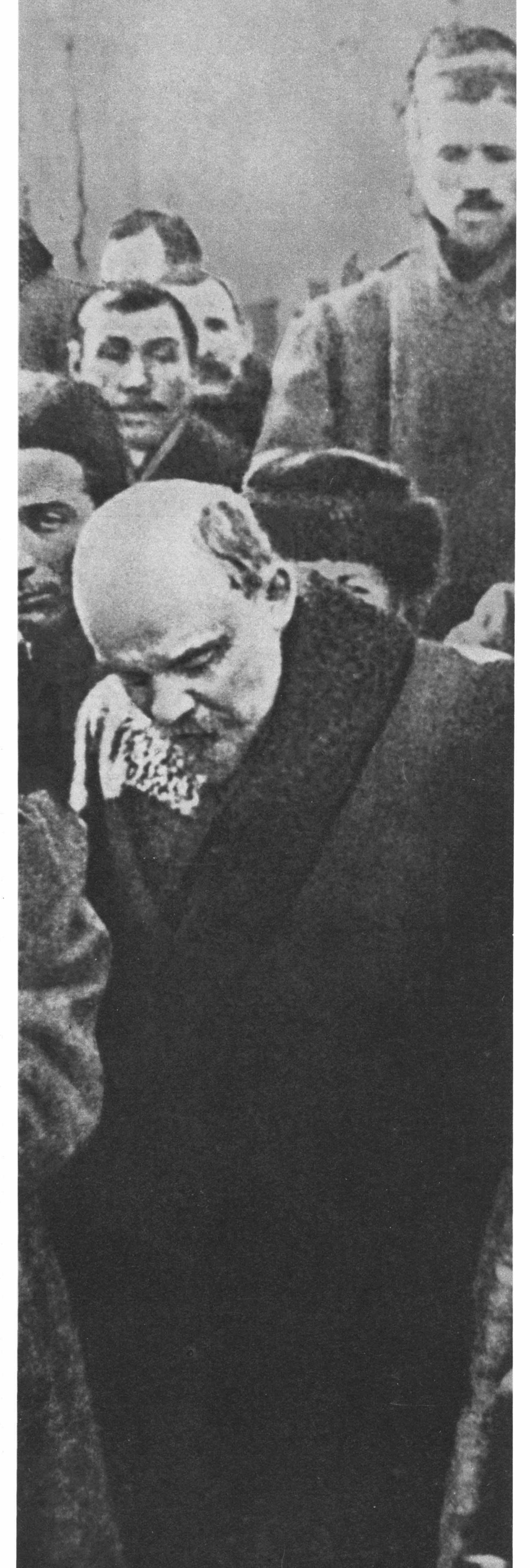
Хозяева смущенно улыбнулись.

Из Дворца Труда — на Петроградскую сторону, в Народный дом. В оперном зале, где теперь кинотеатр «Великан», собралось несколько тысяч человек. Владимир Ильич подошел к трибуне и сказал, что, видимо, главный вопрос, который интересует большинство: как обстоит дело с продовольствием? И подробно доложил о мерах, предпринимаемых Совнаркомом для облегчения продовольственных затруднений. Потом Ленин говорил о международном положении. Пока еще нам тяжело, но мы уже достигли того, что слово «Совет» стало понятным на всех языках.

Председатель митинга предупредил: в соседнем — Железном — зале собрались рабочие и солдаты, они тоже ждут Ленина.

Когда Ленин вошел в Железный зал, там уже начался митинг. Владимир Ильич извинился за краткость речи. У него сегодня нелегкий день — третье по счету выступление. Он очень устал. И все же его речь длилась почти полчаса.

В тот же вечер Владимир Ильич уезжал из Петрограда. Усталый, взволнованный, стоял он на подножке вагона, пожимая руки провожавшим его товарищам.

В. И. Ленин на похоронах М. Т. Елизарова.

Иван КЫЧАКОВ

Невски

ПОВЕСТЬ

Часть первая

Зима лето строит.
Пословица.

1

Темнота...

Не лесная. Не подвальная. Не колодезная. Не чердачная.

Это и не темнота глухого подъезда, неосвещенной улицы или ночной комнаты.

Нет, это совсем другая темнота.

Неожиданная. Нежданная.

И потому звонкая, как пощечина.

...У людей в синих мундирах все продумано.

Они приходят ночью. В средине ночи. Стучат в дверь так, что просыпается весь дом, звенят темные стекла окон, колеблются шторы и даже стены, кажется, начинают подрагивать.

Они спокойно и подчеркнуто-вежливо предъявляют документ, разрешающий обыск. А сам обыск проводят грубо, не скрывая ни своей злости к тебе, ни презрения.

Малейший испуг, растерянность, и они уже злорадствуют — швыряют на пол и топчут книги, рукописи комкают и рассыпают, одежду из шкафа валят прямо на пол, копаются в твоей постели.

Потом короткое и почти вежливое:

— Собирайтесь...

Оказывается, есть и второй документ — об аресте. Но его умышленно не показали сразу. И теперь, не скрывая ликования, они смотрят на твою растерянность, торопят, подталкивают и вот уже ведут к карете, молча везут, молча подводят к тюремным воротам.

Они прекрасно знают, что творится в твоей душе.

Пока долго ехали по ночному городу, ты под мерный цокот копыт успокоился, постарался взять себя в руки, собрался с духом.

И одна мысль об этом коробит их.

Нет! Нельзя давать опомниться! Никаких чиновничьих формальностей по приемке арестованного (это они сделают потом!). А сейчас...

— Увести!

И тебя ведут... Сначала по какому-то подвальному коридору, потом, все убыстряя и убыстряя шаги, по одной лестнице, по другой (лестничные проемы заделаны плотной стальной сеткой — не прыгнешь!), потом по длинному и узкому, как колодец, верхнему коридору. И на всех углах, на всех поворотах, на всех лестничных площадках стоят темные манекены — надзиратели. Их лица, едва подсвеченные скудным освещением, кажутся мертвыми — губы не шевелятся, глаза не блестят.

В этом стремительном марше нет резкой смены впечатлений. Сначала ты следишь за номерами камер — пятая, пятнадцатая, двадцатая, сто вторая... Но потом внимание слабеет, номера камер мелькают перед глазами, не трогая сознания.

Наконец остановка!

Надзиратель (у него нет лица, лишь широкая, молчаливая спина) грохочет замком, дверь распахивается, толчок — и ты в камере.

Один.

Наедине с темнотой...

* * *

...Он знал, что свет все равно включат. Не через секунду, так через две, а может быть, через полчаса. Но включат! Не смеют не включить! Ведь надзиратель должен наблюдать за узником в одиночке. А без света он сделать этого не может... Он не кот, хотя, может быть, и носит усы.

Эти «усы», непонятно почему вдруг пришедшие в голову, заставили чуть улыбнуться.

Да, конечно, надзиратель — все-таки человек. И вот сейчас он тянется рукой к стене. Жесткие пальцы с грязными ногтями находят выключатель. Щелчок...

Свет действительно вспыхнул!

Не яркий, не ослепительный, а желтый, словно подкрашенный охрой. Но это был свет. И темнота, которая секунду назад торжествовала, казалось, во всем мире, отпрянула, лишь робкие тени ее затаились по углам.

Маленькая лампочка под потолком, оплетенная в жесткую паутину проржавевшей проволоки, словно сказала:

— Здравствуй... Ну, смотри — вот твое прибежище. Обживайся...

И он начал обживаться.

Прежде всего взглянул на окошко. Небольшое, с толстой решеткой. И так высоко — почти под потолком. Даже если встанешь на цыпочки, не заглянешь. В квадратиках решетки — темнота. Конечно, так должно и быть: ведь сейчас ночь... Но почему не видно звезд?

Улыбнулся: ишь чего захотел — звезд!

Слева у стены — лист железа. Вернее, доска, обитая железом. Это, очевидно, стол? Да, стол. Небольшой, но локти поставить можно. Рядом стул... («Гм... как в театре для контрамарочников».) А вот и ложе — шестиногая кровать...

(Взглянув на нее, быстро отвернулся: не хотелось думать о том, что придется, все равно придется ложиться, молча смотреть в потолок и ждать... ждать, когда придет сон.)

Шагами измерил камеру — три шага в ширину и пять в длину. И стоило только произнести эти слова, как ритм их захватил и, словно подхлестывая, заставил шагать и шагать — вперед, назад, вперед, назад. И кто знает, сколько бы он ходил так, если бы глазок в двери над запертой форточкой вдруг не мигнул и кругляшок, покачиваясь, не начал гонять взад-вперед коротенькие тени.

И тогда он, ужаленный догадкой, что за ним подсматривают, резко повернулся, отошел к стене и вынул из жилетного кармана часы.

Секундная стрелка, словно уличенная в медлительности, побежала быстрее, короткими скачками, сливающимися в одно непрерывное движение.

— Без трех минут три... Ночь на девятое декабря 1895 года.

Щелкнула крышка. И этот щелчок, неожиданно громкий, заставил вздрогнуть.

— Мой адрес: дом предварительного заключения, камера... Постой, а какой номер камеры? Когда вели, я его видел. Конечно, видел. Не мог не видеть... Ага, кажется, сто девяносто три.

И только тут пришло ТО, самое главное, самое важное и неотложное, что требовало немедленного, четкого, ясного ответа:

— Что это — начало конца?

И глазок в двери, моргнув, подтвердил:

— Да, начало конца.

И доска откидного стула, скрипнув, пропела:

— Начало конца...

И даже лампочка под потолком, едва заметно качнувшись, кивнула:

— Конца... конца...

Но он не мог так просто согласиться со своими молчаливыми собеседниками. Он только чуть усмехнулся и, упершись взглядом в серую зыбь стены, начал вспоминать.

— Что взяли при аресте?

Перетряхнули все книги (каждую перелистали, безжалостно пачкая и терзая страницы), связку писем (каждое прочли молча, брезгливо шевеля губами), деловые бумаги и рукописи... Да, да и рукописи. И среди них взяли одну листовку и описание хода стачки.

— И все? Ты точно помнишь?

— Все!

— Но это же совсем немного!

— Немного? Ха-ха, немного!

Глазок насторожился, за дверью послышался шорох — не то вздох, не то скрип сапога. Может быть, просто надзиратель сменил затекшую ногу.

— Как они выследили меня? Как?

Напрягая память, он тронул ладонью лоб и ощутил жар — ладонь была сухой и горячей.

— Я все время старался запутывать следы. После возвращения из-за границы...

Глазок перебил:

— ...поселился в Таировом переулке.

— ...Прожил всего около двух месяцев. Затем два дня жил на Верейской, потом переехал на Гороховую...

И снова глазок подхватил:

— ...где прожил всего пятнадцать дней...

Он прикрыл веки.

Что это за звуки возникли где-то далеко-далеко?

Так бывает, наверно, в глухом, дремучем лесу, ночью, когда туман закрыл звезды и болотная сырость укутала все вокруг.

Резко выпрямившись, встал. И доска стула тотчас скрипнула и замолкла.

— ...Если все это они знают, значит... значит, за мной была дьявольская слежка!.. Где я был в последние дни? Неужели кого-нибудь провалил?

Последний вопрос был самым важным.

Й ЛЕД

Рабочей правдой, не сломленной кандалами и каторгой... клянемся, что вечно будет в наших сердцах огонь ленинизма, огонь борьбы, огонь революции!

КЛЯНЕМСЯ!

ИЗ КЛЯТВЫ МОЛОДЕЖИ.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Но как ответить на него? Солгать самому себе?

В волнении, которое уже нельзя скрыть, он начал ходить от стены к стене.

Вспомнилась дача в Лесном. Веселые лица друзей. Пели, много смеялись, танцевали.

— Да, все невинно. Я ухаживал за Надей. А шестого декабря вальсировал с ней на балу в Дворянском собрании. Да, да, именно на балу. И именно в Дворянском собрании.

Он остановился — под ногой скрипнула половица. Нагнувшись, увидел щель, зачемто хотел заглянуть в нее и отпрянул — в камере довольно явственно зазвучал голос следователя:

— Да, все невинно... Но на вечеринке вы говорили о задачах агитации и пропаганды среди рабочих. А в день бала на квартире у Радченко обсуждали первый номер противоправительственной газеты...

Он быстро обернулся в сторону глазка — не слышит ли голос следователя тот, за дверью. Прислушался. Сделал несколько коротких шагов и усмехнулся.

— Да нет же! Откуда знать следователю такие подробности! Чепуха... Что я делал вчера? Работал у Волькенштейна. А вечером?..

И тут сознание обожгла внезапно вспыхнувшая ярким огнем мысль:

— Надя! Вчера я был на квартире у Нади. Да, да, у Нади! Последний раз мы обсуждали статьи для газеты. Значит, я провалил Надю...

Чтобы не слышать собственного голоса, звучащего где-то внутри, он начал с шумом раскладывать кровать. Она яростно упиралась — сначала край ее не хотел отделиться от стены, потом одна из ножек не хотела стоять прямо, кровать скрипела, а соломенный матрац, поднятый из угла, шуршал и бугрился. Он ударил кулаком по одному из бугров и лег вниз лицом, повторяя:

— Это ужасно. Это провал. Полный провал...

И тут заговорили стены.

Первой откликнулась та, к которой он лежал головой.

— Мужайся... — прошептала она. — Ты слышишь, это я — Саша. Разве в детстве ты распускал нюни? Ты же всегда был такой сильный... Слушай стихи... Гейне. Я читал их в ночь перед казнью. Да ты и сам знаешь их. Вспомни...

И он начал вспоминать.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань, не жалея рук,
Маршем вперед, барабаня, иди, —
Вот тебе смысл всех наук...

— А я Желябов, — сказала вдруг стена та, что слева. — Меня они тоже повесили. Но я не трусил. Я сам объявил им. Ты спросишь — почему? Да потому, что не хотел, не мог оставить друзей. Один за всех — все за одного!

Наступила пауза. Он тихонько поднял голову, повернулся на бок, потом на спину. Теперь он уже не слышал, как шуршит под ним пыльный матрац. Он слушал тех, кто даже мертвый может прорвать молчание камня и заговорить...

— Я Кибальчич. Мой девиз — мечта. Ее не задушишь. Ты знаешь, когда я ждал казни, я чертил схему будущего межпланетного корабля. Корабля... корабля...

Последнее слово заполнило собой всю камеру и, затухая, замерло где-то далеко-далеко. Но зато сразу же откликнулась еще одна стена:

— А я Софья Перовская. Мой девиз — любовь. Она бессмертна, любовь... Вечная, прекрасная любовь...

Как после хорошей грозы, сразу стало легче дышать.

Он устроился поудобнее на жестком ложе.

— Ну что ж... они наконец упрятали меня в тюрьму. Но Надя... Надя все равно со мной. Всегда. Везде.

Он повернулся на правый бок, подсунул сложенные ладони под щеку, как любил делать в детстве, и сразу уснул.

* * *

В ту ночь со всех концов Петербурга к дому предварительного заключения одна за другой ехали жандармские кареты.

В одной из них привезли Петра Запорожца — студента технологического института. Жандармский поручик, встречавший арестованных, увидел перед собой молодого человека, с пышной шевелюрой над высоким лбом, с окладистой бородкой, волосы которой торчали маленькими колючими пучками. Жидкие усы над ярко очерченной губой были юношески нежны и спускались вниз тонкими стрелками.

Рядом с хилым и узкоплечим надзирателем высокий и широкоплечий Запорожец казался великаном. Он шел по коридору осторожно, чуть пригибая голову, смотрел себе под ноги, и трудно было уловить взгляд его темных глаз.

В камере сразу же лег, отвернулся к стене и притих.

Надзиратель на вопросительный взгляд старшего шептал скороговоркой:

— Спит, сукин сын. Как завалился, так и захрапел.

Но Запорожец не спал. Просто у него уже не было сил ни сидеть, ни ходить, ни стоять. Тюрьма не вызывала у него ни малейшего любопытства, камера пугала, и, хотя он сам от себя скрывал это, ему было страшно смотреть в темноту углов, окно с решеткой вызывало такое отвращение, что хотелось закричать, а жестянка стола казалась плахой.

Он лежал как будто спокойно, плотно смежив веки. Но это только казалось. На самом деле веки мелко-мелко дрожали — столько усилий тратил Запорожец, чтобы только не раскрыть глаз. Все мускулы его большого молодого тела были напряжены, натянуты, наполнены каменной тяжестью.

И в то же время он не испытывал ни горя, ни печали, не было и тревоги за свою судьбу. К аресту он был готов давно и ждал его каждый день, каждую ночь.

Оглушило, заставило сжаться и задуматься другое.

Пятилетним хлопчиком мать привезла его из-под Киева на Ишим к отцу-каторжанину Кузьме Ивановичу. И однажды на одной из пристаней старуха монашка, вся в черном, гремя железной кружкой на цепочке, взглянула мальчику в глаза и закричала:

— Решетка, решетка у него в глазах! Люди добрые, гляньте-ка — решетка!

Мать прижала к себе и увела испуганного Петю. Но хриплый голос старухи потом долго тревожил по ночам, мальчик вскакивал и с криком бросался к матери.

— Ишь, сглазила, окаянная, хлопца... — шептала мать и, целуя в лоб, крестила Петю.

Рос мальчик среди каторжан и ссыльных поселенцев. Мрачный облик тюрьмы был для него так же обычен, как и сама жизнь.

В Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» Запорожец был ветераном, входил в ядро организации, отвечал за работу в Московско-Нарвском районе и по заданию «Старика» (так друзья называли Ульянова) вел кружок на Путиловском заводе.

В последние дни перед арестом у Петра совершенно не было свободного времени: помимо повседневной работы в своем районе, он со срочным заданием выезжал в Екатеринослав и Белосток. Чувствовал себя отлично — прекрасно спал, ел за троих и вообще был полон кипучей энергии и жизнерадостности.

Лишь однажды, когда собрались на квартире у Сильвина и Старик, доложив об усилившейся слежке, начал обучать всех шифровке и умению держать себя на допросах на случай провала, у Петра что-то тревожное шевельнулось в груди.

Расходились поздно. Был первый день пасхи. На углу переулка, ведущего к церквушке, стояла монашка.

Увидев ее, Петр остановился.

«Решетка, решетка у него в глазах! Люди добрые, решетка!» — почудился тот далекий, полузабытый голос из детства. Закружилась голова, сердце лихорадочно заколотилось, и с большим трудом он заставил себя пройти мимо темной, скрюченной старухи.

И вот теперь он лежал, совершенно безучастный ко всему, что с ним происходило. «Проклятая монашка, сглазила хлопца...» — доносились откуда-то тихие материнские слова. Ни о чем не думая, он лежал неподвижно, с усилием сжимая веки, желая одного — лишь бы не раскрыть глаз и не увидеть эту проклятую решетку.

* * *

Ульянов проснулся под утро. Лампочка потухла. В оконном проеме едва теплился слабый свет: верх окна был темен до черноты, низ чуть-чуть высвечен.

Где-то под ложечкой возникла тупая, ноющая боль. И сразу вспомнилась мать. Конечно же, она приедет, бросит все в Кузьминках, и приедет, и будет готовить диетическую пищу и носить ее в аккуратных маленьких кастрюльках. Бедная, бедная мама...

Потом он начал мысленно говорить с Надей.

— Да нет же,— говорила она,— ты никого не провалил. Успокойся и усни. Это сейчас так важно.

— Кто нас выдал? Мы собирались однажды у рабочего Галла. Помнишь? Он английский подданный. Неужели он? Или этот... бывший народоволец Кузюткин? И фамилия такая — Кузюткин... Хотя при чем тут фамилия?

Он хотел тут же встать, сесть к столу и написать товарищам, но вспомнил, что писать нечем, да и не на чем.

— Ты напишешь днем,—спокойно сказала Надя.— А сейчас все-таки попробуй уснуть. У тебя еще есть три часа.

Он послушался, начал дремать и сквозь тягучую дрему видел строчки своего будущего письма к Наде — пусть съездит к родным в Москву. Надо скорее купить чемодан, похожий на мой... Это очень важно.

Потом почему-то начали возникать картины заснеженного, туманного Петербурга. Аничков мост. Исаакиевский собор.

— Проклятый город! Здесь умерла Оля. Казнили Сашу... И вот теперь я. Неужели это и в самом деле начало конца?!

— Ну, зачем ты так говоришь — проклятый город,—с укором сказала Надя.—Здесь родилась я. Здесь мы встретились. Ты помнишь наше первое знакомство? На квартире у Классона? Помнишь?

— Конечно... Тогда мы ругались из-за «рынков». Я говорил, потом обернулся, нечаянно взглянул тебе в глаза и... запнулся. И даже, кажется, покраснел — так это неловко вышло.

— Потом ты провожал меня...

— Да, да, мы шли по темной улице. Ты говорила...

Он начал вспоминать, о чем она говорила, и очень удивился: оказалось, что он помнил ее слова почти слово в слово.

—Родители мои происходили из дворян, но не было у них ни кола, ни двора, и когда поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды... Отец умер рано. Я вместе с мамой ради заработка переписывала бумаги, давала уроки в частных домах... Когда поступила на Бестужевские курсы, мне было двадцать лет, и я даже не слыхала, что был какой-то Маркс, ничего не слышала о рабочем движении, о коммунизме. И только в кружках Коробки и Классона у меня постепенно начали раскрываться глаза. И так неудержимо потянуло в рабочую среду, что я пошла преподавать в воскресную школу.

Сквозь дрему он явственно слышал тон ее голоса, сухой тон строгой, педантичной учительницы... Милая, милая Надя... Она же страшно застенчива, это у нее с детства. И сухость тона помогает ей... иногда.

А что же было потом?

Он стал вспоминать о себе, как о ком-то постороннем (так было легче воспроизводить детали).

У него — кружки за Невской заставой, у нее — школа. И тот вечер... Он должен был встретить ее возле школы, но немного опоздал (помешал шпик). С Невы дул резкий, холодный ветер. Ее он увидел издали — она стояла возле угла, мимо проходили ученики, бородатые, худые, в рваных одеждах, прощаясь, говорили что-то смеясь, легонько подталкивали друг друга в бока.

Когда все ушли, он осторожно подошел к ней сзади и закрыл глаза руками. Но она узнала сразу.

— Володя! — И тут же добавила: — У вас горячие пальцы...— И засмущалась отчего-то и быстро подала тетрадь.

Это были записи бесед с ткачихами, которые жаловались, что на круг приходится по три рубля пятьдесят копеек в полумесяц, что гроши последние прожили, а прижимка растет своим чередом...

— Целая тетрадка записей! Надя, да вы же молодчина! Теперь у нас будет отличная листовка!

Он начал озорно кружить ее, но вдруг закашлялся и покачнулся.

— Что с вами? Вы простудились?

— Голова закружилась.

Она тронула рукой его лоб и воскликнула:

— Боже, да вы весь в огне!

Он виновато улыбнулся:

— Кажется, заболеваю.

— Так зачем же вы приходили! Надо лечь в постель и немедленно вызвать врача.

— Пустяки...— сказал он беспечно, но осекся и с тревогой взглянул ей в глаза:— Неужели я не смогу поехать за границу? Так надо встретиться с Плехановым. Необходимо...

Ей показалось, что он снова пошатнулся.

— Давайте, я укутаю вам горло.

И когда, сняв свой шарф, она начала ловко укутывать ему шею до самого подбородка, за спиной раздался хриплый, грубый голос:

— Вы, что ли, Крупская будете?

Она обернулась и увидела одноногого солдата в старой, изодранной и грязной шинели.

Краснея, она спросила:

— Что? Что вы сказали?

— Ну, учительша из вечерней школы — вы?

— Да...

— От Михаила я... Волю его исполнить.

— От какого Михаила?

— В прошлом году учился у вас.

И только тут она стала понимать настоящий смысл его слов. «Михаил? Учился у меня? Не тот ли, высокий, узкогрудый?»

И она спросила:

— Грузчик?

Солдат, кажется, обрадовался.

— Так точно! Грузчики они были.

Он скрипнул деревянной ногой и добавил:

— Надорвался на работе. Помер.

Помолчал и еще добавил:

— У меня на глазах. Да-а...

Надя не знала, что сказать, что сделать, и, прижав муфту к груди, ждала. А солдат тоже растерялся, он, наверно, забыл, что же надо еще сказать, и беззвучно шевелил губами. Наконец, косясь на Ульянова, он сказал:

— Все вас вспоминал. Велел поклониться и жить долго приказал.

Он поклонился и, тяжело повернувшись, пошел, скрипя деревянной ногой.

Ульянов вскочил с кровати, посмотрел на часы. Было 7 часов, но тюрьма все еще спала. Из коридора не доносилось ни звука.

— ...Какое-то заколдованное сонное царство.

Захотелось закричать, запеть да так, чтобы услышали во всех коридорах, во всех камерах, застучать по стенам, по потолку или — на худой конец — просто засвистеть.

Подошел к стене и, приложив ухо к ее шершавой, холодной поверхности, начал слушать. Стена молчала.

— Нет, ты у меня заговоришь. Все равно заговоришь!

Козанком среднего пальца начал выстукивать сигналы: «Я Ульянов. Уль-янов. Кто ты? Кто?»

Это «кто» он простучал несколько раз медленно-медленно, так, чтобы тот, за стеной, понял, даже если он еще совсем неопытный заключенный.

— Ну, отвечай же, отвечай! — приказывал он стене.

Стена молчала.

— Ну, откликнись же, милая, прошу...— умолял он.

Стена молчала.

Тогда, рассерженный, он показал ей кулак и отошел к окну.

И вдруг проснулся камень — стена откликнулась робким стуком. Сначала нельзя было ничего понять — просто стук, просто отдельные буквы — вот «а», вот «ц». Но потом стучавший, очевидно, справился с волнением и простучал довольно четко: «Стар-ков».

— Так вот кто мой сосед! Наша всеми любимая «Земляника». Дорогой наш Базиль!

Постой, чему я радуюсь, чему? Базиль входил в руководящее ядро. Значит... значит, арестована вся верхушка.

Он начал снова стучать, но голос надзирателя грубо оборвал:

— Стучать запрещено!

Ульянов задумался.

Итак, рядом Старков. И господин следователь может заявить:

— Во время забастовки на фабрике Торнтона, а именно 7 и 12 ноября сего года, вы вместе с привлеченным по данному делу Василием Старковым посещали рабочего Меркулова и вручали ему деньги для передачи семьям арестованных рабочих.

— Ну, а что еще?

— Еще? Извольте... Не далее как позавчера вы проводили тайное заседание своей преступной противоправительственной группы, на котором присутствовали: вышеозначенный Старков, а также Ванеев, Мартов, Кржижановский, Запорожец и Надежда Крупская, известная нам по кличке «Минога».

Ульянов резко повернулся.

— Нет. Нельзя даром терять ни минуты. Надо все вспомнить, все детали, все мелочи, все-все... Надя, ты рассказывай, а я буду слушать и вспоминать...

Он сел на стул, положил ногу на ногу и, прямой, напряженный, слушал голос своих и Надиных воспоминаний.

...Болезнь протекала не долго, но сильно. Друзья по очереди забегали к нему: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами.

Потом потянулась канитель с получением заграничного паспорта.

И наконец 25 апреля он уехал...

Больше четырех месяцев длилась разлука. И ни одной весточки, ни одного письма, ни одной строчки. Почему? Писать было нельзя. Письма из-за границы могли натолкнуть охранку на адрес Миноги. Но матери он писал...

Ульянов вспомнил эти небольшие листочки, исписанные торопливым мелким почерком. Неужели их трогали жандармские руки? Конечно, трогали. Осторожно, держа за края, переворачивали. Неразборчивые буквы и слова рассматривали в лупу.

— Ну, что ж, вернемся к этим письмам.

Он прикрыл ладонью глаза, и камера наполнилась ритмичным перестуком колес, зазвучал спокойный, уверенный и немного насмешливый голос.

Зальцбург, 14 мая... Пользуюсь, дорогая мамочка, остановкой на два часа, чтобы исполнить обещание писать с дороги.

А дальше?

Память не могла подсказать точных слов, но содержание письма запомнилось четко.

По «загранице» он путешествовал всего лишь вторые сутки.

Настроение было самое безоблачное. В купе не сиделось, то и дело вставал, подходил то к одному, то к другому окну, чтото напевал и, увлекшись, даже начал было насвистывать. На немцев поглядывал мимоходом, стараясь на выдать любопытства. Но когда стал прислушиваться к их разговорам, с ужасом понял, что ничего, ну ничегошеньки не понимает. Говорят они так быстро, что даже самые простые слова не уловишь.

Обескураженный, вышел в коридор. Навстречу шел кондуктор — хмурый немец с перевязанной щекой. Ульянов спросил:

— Какая ближайшая станция после Зальцбурга?

Кондуктор посмотрел косо и что-то пробурчал.

— Пожалуйста, повторите!

Он подумал, что разговаривает с глухим, наклонился и закричал прямо в ухо, но что — Ульянов так и не понял. Кондуктор сморщился, сердито дернул головой и ушел, не поклонившись.

Вот об этом и было в первом письме.

Маняша долго смеялась, перечитывая эти строчки.

Второе письмо — из Швейцарии.

Ну, о чем же писать, как не о природе! Сразу за Зальцбургом начались Альпы, пошли озера, места такие живописные, что невозможно оторваться от окна вагона.

Соседка по купе — пожилая швейцарка, супруга бакалейщика, все жаловалась, что прислуга здесь очень дорога: 25—30 франков в месяц. Вздыхая, она добавляла:

— На всем готовом... Вы представляете! И так избалованны, что простую пищу не кушают — изволь подавать деликатесы.

Потом Париж. О нем хотелось написать много, но времени не было. Отделался только самыми беглыми впечатлениями — город громадный, изрядно раскинутый, много зелени... Помнится, отметил непринужденность парижан и то, что квартиры дешевы: деньги таяли, и вопрос о цене квартир был немаловажным.

— Ну-с, а дальше?

Опять Швейцария... Встречи с Плехановым. Но в письме лишь о том, что «чувствую себя недурно, пансион прекрасный» и что... вышел из своего бюджета, не надеюсь обойтись своими ресурсами, и попросил выслать, если можно, сто рублей.

Еще раз обращался за «вспомоществованием» уже из Берлина. Жил здесь рядом с Тиргартеном, ежедневно купался в Шпрее, плоховал по части языка и, к великому ужасу, видел, что деньги уходят черт их знает куда. Вот и пришлось скрепя сердце приписать: «Если можно, пришли мне рублей 50—100».

И, наконец, последнее — 7 сентября.

Так соскучился, что нигде не находил себе места. Спрашивал — не нужно ли чего-нибудь привезти: Мите книги, атлас анатомический или какую-нибудь медицинскую штуку, Маняше... впрочем, так и не придумал — что же привезти Маняше, попросил совета у Анюты, но письма не дождался и прикатил домой...

...Ульянов готов был петь.

— Черт побери, какие невинные, даже наивные письма! «Природа роскошная». «Прислуга дорога, а квартиры дешевы». «Не накупить ли разной дряни?»

Он даже весело расхохотался.

Ну, что тут могла почерпнуть охранка? Что?

— Не-ет, господин следователь, мы еще поборемся!

И словно в ответ ему, по коридору тяжело затопали кованые сапоги.

— Очевидно, смена караула... Сколько они продержат нас? Думаю, не меньше года. Пытка одиночеством и тоской...

Прислушался — шаги затихли.

И вдруг за окном раздался тоненький тягучий звук.

Догадка озарила лицо улыбкой:

— Заводской гудок! Конечно, гудок. Зовут... Семянниковцы, путиловцы — все, все зовут! Зовут...

Вслушиваясь в этот далекий-далекий звук, он приказал себе: «Работать!»,— быстрым взглядом окинул камеру и, бросившись к двери, начал стучать в нее кулаками, стучать, не чувствуя боли, не испытывая страха.

* * *

До самого рассвета Запорожец так и не уснул.

Бывало, после бессонных ночей (а их выпадало немало — то переписка прокламаций, статей для газеты, материалов о положении рабочих, то бесконечные споры, дискуссии, занятия) начинала одолевать зевота, веки сами слипались, и, стоило лишь прислонить голову к стене, к плечу товарища, к спинке стула, волной накатывался облегчающий, благодатный сон.

А тут — пустота. Ни бодрствование, ни дрема, а именно какая-то грустная, пугающая пустота — нет ни мыслей, ни впечатлений, нет никаких обязанностей, не надо никуда идти, ни о чем не надо беспокоиться. Пустота...

Как только раздалось за дверью громкое «Полиция!», он подумал: «Все... Больше я ЕЕ никогда не увижу».

И теперь в камере он вздыхал:

— Ах, Петро, Петро, видать, ты обречен на одиночество. И даже, когда все кончится, и вынесут приговор, и ты отбудешь свой срок — пусть ссылка, пусть каторга,— все равно ты всегда будешь один. Они будут знать о тебе все — с кем ты дружишь, куда ходишь, что читаешь, что говоришь и даже... даже, что думаешь... И любая монашка, взглянув на тебя, может закричать: «Гляньте, гляньте, люди добрые, в очах-то у него решетка!»

И не потому ли Желябов сам выдал себя, предпочитая лучше быть повешенным, чем жить одному, без друзей.

Он тут же отогнал эту мысль о Желябове и подумал:

— Может быть, начать перестукиваться?

Взглянул на стену и отвернулся.

— К чему? Что хорошего скажешь ты соседу? А если и услышишь от него крик о помощи, чем поможешь?

— Нет, нет, так нельзя... нельзя распускаться. Надо думать о чем-то другом... О чем? Ах, да, мамо... Ненька моя, ненька, хохлатка моя хлопотливая, окруженная цыплятами. Шутка ли — у подола пять хлопчиков да две дивчинки!.. А ты, батько, все так же ли крутишь свои белые, спадающие вниз усы? По вечерам раскрываешь ли «Кобзаря», что самолично подарил тебе Великий Тарас? И читаешь ли троицким мужичкам свои нехитро скроенные вирши «Про мужика-бедняка»? Недаром говорят про тебя на хуторах:

«Бедовая голова, в Сибири ее остужали — не остудили...»

Он закрыл широкой ладонью глаза, и ладонь стала мокрой, и борода и усы тоже стали мокрыми, но в груди полегчало.

А друзья?

Он так любил их — гитариста Глеба, и прижимистого, хозяйственного Ванеева, и застенчивого Сильвина, а девушек — Невзорову и Крупскую обожал и всегда краснел, когда приходилось оставаться с ними наедине.

Неужели их арестовали? И Старика тоже?

Нет, нет, должен быть на свободе — душа всего дела, он раскрыл им глаза на истинную сущность народнических теорий, помог покончить с кустарщиной.

И как Ульянов, вспоминая о друзьях, Запорожец прежде всего вспомнил то собрание, на котором выбирали Центральную группу и распределяли районы города.

Перед собранием он показал Старику рукописи — статьи для первого номера газеты, которые сам переписал.

Тот сначала не понял, полистал рукописи и, осененный догадкой, взглянул так прямо и открыто, как умел делать только он.

— Зачем ты это сделал?

Петр смутился.

— Неужели надо объяснять?.. В случае чего — пусть попробуют установить, кто автор.

Ульянов чуть заметно покачал головой, улыбнулся и ласково пожал его руку выше локтя.

В маленькой квартире Радченко было уютно.

Кончилось все залихватской студенческой пирушкой — смеялись, танцевали, он и Ванеев пробовали плясать — он гопака, Ванеев — подгорную, пели под гитару песню народовольцев. (Своей еще нет, Глеб все грозится написать, да что-то тянет.)

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых!

Потом со смехом затянули «Ваньку-Таньку» и кончили «Комаром»...

Когда надзиратель просунул в форточку котелок с едой, то увидел, что арестант, закрыв глаза и жестикулируя, что-то возбужденно бормочет.

— В селе малом...— долетали слова,— Ванька жил, Ванька Таньку полюбил... Таньку-Ваньку, Ванька-Таньку, Ваньку-Таньку полюбил!

Продолжение следует.

В штабе совхоза идет совещание. Лесотехник Толмус Калью, бригадир-полевод Цимм Рихард, главный зоотехник Асусаар Антс, директор Пунисон Юлиус и главный инженер Хостаби Хейно.

ВЕРИ

1

Каждый раз, когда я вспоминаю первую поездку в Вериора, мне хочется петь «Каховку», хотя она и не имеет прямого отношения к Вериора.

В тот день, на исходе зимы 1946 года, я выехала в Вериора, в волостной комитет комсомола, для подготовки и проведения комсомольской конференции. Волость эта в безлесой Эстонии была почти по-таежному лесная и неспокойная: за болотами, в хмурых ельниках, в оставшихся после войны бункерах скрывались «лесные братья». Это было бандитское «братство» кулаков и карателей из гитлеровского эстонского легиона. Мародерничали на хуторах в поисках еды, жгли дома новоземельцев-бедняков, среди которых Советская власть разделила бывшие кулацкие земли. Бандиты стреляли в людей «по политическим мотивам» и просто так.

Почти целый день я тряслась по занесенным дорогам в полупустом холодном автобусе. Наконец шофер крикнул: «Кому в Вериора — выходи!» Я выпрыгнула и пошла вперед по дороге. Крупными хлопьями падал снег. Вскоре мне встретилась подвода — заснеженный дед на заснеженной лошади.

— Где тут поворот на Вериора?— спросила я.

— А тебе зачем туда?— буркнул дед, отряхивая усы.

— А мне в волком комсомола.

— Тогда садись — это, выходит, я за тобой по такому снегопаду приехал.

И мы повернули на Вериора. Долго ехали молча, потом, ткнув кнутовищем в сторону сумрачной поляны в лесу, дед сказал:

— Вот тут перед тем, как гитлеровцам уйти, большой бой был. Убежали — несчетно оружия оставили. Здесь в каждом хуторе по пулемету.

— А зачем хуторянам пулеметы?

— Да ведь люди в войну сами на себя не похожи — всего боятся, может, и поэтому. А скорее всего из-за железа. Пулемет-то железный, хороший кузнец на плуг его перековать может. Волость наша бедная, люди по сорок первому году помнили, как Советы беднякам землю давали,— вот и запасались железом.

— Ну и как — перековывают пулеметы на плуги?

— А чего их перековывать, когда конно-прокатный пункт готовые дает.

— Новоземельцев много?

— Да много, я же сказал тебе,

В первом классе восьмилетки.

Фото А. Бочинина.

«...Мы видим, что в маленькой соседней Эстляндии, где народ грамотный, собрался на днях съезд батраков, избрал уполномоченных, которые взяли в свои руки все культурные хозяйства. Это всемирный переворот. Батраки, которые в капиталистическом хозяйстве стояли на самом низу социальной лестницы, берут их на учет».

Это из доклада В. И. Ленина на Чрезвычайном Всероссийском Железнодорожном Съезде, в январе 1918 года. Он рассказывал делегатам о том, как организованно и умело взяли эстонские батраки на учет национализированные крупные хозяйства.

От той первой попытки учета «культурных хозяйств» до полного управления землей прошли долгие и трудные годы. Нынче, развивая эту горячую, по следам свежей информации высказанную Лениным мысль о всемирном перевороте, о взлете батраков на высокие ступени социальной лестницы, философы и экономисты могут дать интересный и поучительный анализ развития эстонского сельского хозяйства и духовного роста эстонских крестьян.

Наша же задача — репортаж. Репортаж о судьбе одной небогатой волости. И о судьбе одного батрака.

ОРА, ЗА ЛЕСАМИ...

Н. ХРАБРОВА

волость-то у нас небогатая. Видишь, почти все дома под соломой. Да ты возьми-ка половичок, укройся от снега. А если кто спрашивать будет, откуда да куда едешь, не говори. Я сам скажу, что надо, а ты будто спишь.

— А что?

— Да ничего.

Долго мы ехали молча, и я под половичком стала похожа на сугроб. Потом дед обернулся и сказал:

— Едут. А ты молчи, будто спишь.

Подъехали верхом на высоких конях трое в белых дубленых шубах, в ремнях вперехлест, с автоматами.

— Здорово, дед,— говорит один с усиками, остальные молчат.— Кого везешь?

— Внучку из Тарту, домой на каникулы.

— Какие теперь каникулы?— грубо спрашивает тот, что с усиками.

— Студенческие, вот какие,— отвечает ушлый дед. И вдруг заорал начальственно: — А ну, пошли с дороги, а то наеду, будете знать! Н-но!

И мы на дедовой кляче объехали усатого и его мрачных спутников с их высокими конями. Дед поехал вперед вроде бы совсем равнодушно и медленно, а те трое стояли и — я спиной чувствовала — глядели нам вслед. Потом раздался конский топот, и дед сказал тихонько:

— Держись теперь крепче и не бойся, они уехали, а нам до волисполкома два километра.

И мы понеслись вскачь.

В волисполкоме в полный накал горела карбидная лампа, на крыльцо высыпало все комсомольское собрание, и я успела только крикнуть:

— Не надо вам ехать в ночь, дедушка!

— Как это не надо, когда меня старуха дожидается,— ответил дед, и след его саней тут же исчез за волисполкомовскими деревьями. Впопыхах я и не спросила, как же звать-то его...

Меня встретил невысокий светловолосый паренек, стал знакомить с ребятами, сам представился:

— Федор Оксар, секретарь волкома комсомола.

Потом подвел ко мне девушку с двумя толстыми косами:

— Это Хельга Киндзико. Из новоземельцев, в ее отца бандиты стреляли, ранили. А она после этого к нам пришла, в комсомол вступила. Теперь часто приходит в волком, а живет за густым лесом, в шести километрах отсюда. Говорит, не боялась их и не будет бояться. Так, Хельга?

— Так,— спокойно ответила девушка.

Именно тогда та, из песни «Каховка», и Хельга — не в шинели, а в коротком потертом пальтишке, в красной в клетку шерстяной косынке — объединились для меня в одну.

Хорошая была у нас конференция, и вся неделя прошла в дружной работе, потому и запомнилась надолго. В Таллин я уезжала поездом, ребята провожали меня до станции на двух санях, пели. И вдруг из-за деревьев раздались выстрелы. Мы прижались к днищам саней, лошади помчали.

— Все целы?— кричит Оксар.

— Кажется, все!— кричим в ответ. Почему-то эти сухие щелчки не произвели особого впечатления. Может быть, потому что нас много было, а их — это уже было известно — мало: не то трое, не то пятеро. Только долго не найти было в глубине болот, в гуще мхов засасывающие следы их подземного логова.

Села я в поезд, в безопасное купе, уехала в безопасный город. А ребята помахали на прощание и отправились на своих санях домой. Сквозь лес, под выстрелы. Хотя в тот раз в них больше не стреляли.

Двадцать три года прошло с тех пор, и за эти двадцать три года по журналистским заданиям я не раз вдоль и поперек проехала Эстонию и бывала в других, далеких краях. А в Вериора как-то не пришлось.

2

Вечером позвонили из редакции: «Знакомо вам в Эстонии такое место — Вериора?» «Знакомо». «И совхоз «Вериора» знаете?» «В совхозе не была». «У них хорошая оплата труда, много средств из бюджета выделяется на материальное поощрение. Надо съездить, узнать».

И снова день на исходе зимы и дорога через заснеженный лес. В низинах между холмами, там, где были когда-то кочкарники, под рыхлым тающим снегом угадываются ровные пашни с длинными гривками борозд. За поворотами по-весеннему дымящегося асфальта, там, где надо быть бревенчатым, под соломенными крышами, хуторам, все попадаются незнакомые дома — белые, каменные, с яркими цветными занавесками на окнах, построенные с чисто эстонской аккуратностью. У кромки лесов — длинные, тоже новые и белые здания ферм. Знакомые и незнакомые места. Узнаю только лес, он ведь мало меняется за два десятка лет, если его берегут.

Вот и въезд в мрачноватый, как тоннель, старый ельник, не доезжая которого нам с дедом те трое повстречались. На стволах прибиты светло-желтые домики и кормушки для птиц — лесники заботятся. А слева дом, где жил тогда председатель сельского кооператива и где я под крылышком хозяйки безбедно квартировала неделю. Дом сменил хозяев, обзавелся новой крышей и зелеными наличниками. Впереди справа — школа, тоже с той поры, деревянная, с надстройками, выкрашенная светло-коричневой, любимой в этих местах краской.

Но еще не доезжая до бывшего волостного центра, я увидела белый городок в лесу. Большие окна домов с одной стороны смотрят на шоссе, на открытое поле, на бег облаков. А с другой — заглядывают в глубину леса, и по тому, что форточки открыты, видно, как тепло в комнатах, наверное, легко дышится в них хвойным и снежным воздухом. Лугами, зигзагами и параллелями уходят в лес лыжни, и разгоряченные ребятишки в пестрых куртках мелькают среди стволов. Уютный этот городок в лесу, он стоит на том самом месте, откуда нас тогда обстреляли, похожий на лесной курорт, городок совхоза «Вериора».

Интересные бывают в жизни совпадения. В конторе совхоза идет совещание. Ведет его директор Юлиус Пунисон. Обсуждаются итоги прошлого года, называются цифры бухгалтерского отчета. Хорошие итоги: урожай зерна — 31,5 центнера с гектара, удои — 3 тысячи литров, зарплата рабочих в среднем без премии — 109 рублей в месяц. На премии израсходовано...

Но я вдруг перестаю слышать слова директора. Мне никак не отделаться от прошлого, и кажется странным, как судьбы людские, мужество тогдашних моих сверстников, мальчишек и девчонок, их вера в новую жизнь и в новый труд уложились в эти краткие, не всякому горожанину понятные цифры урожая, удоев, зарплаты. Пытаюсь вспомнить, а как тогда было, на тех заплаточных песчаных полях — островках среди болот и лесов? Кажется, по 6 центнеров зерна, то есть в 5 раз меньше, молока — по 800 литров, почти в 4 раза меньше... Да и как было учесть удои и урожаи в единоличных хозяйствах, как оценить труд человека в единоборстве со скудной землей?

— Вы интересовались премиями, товарищ корреспондент?— снова слышу директора.— На премии мы израсходовали большую сумму, так что в среднем каждый рабочий получил к концу года не меньше 300 рублей сверх зарплаты. Многие же и того более. А фонды для этого у нас быстро выросли после повышения закупочных цен на зерно, лен, семена клевера. И, разумеется, от продуктов животноводства... У нас прекрасно работают молодые образованные специалисты...

— А старожилов, кто помнил бы сорок шестой год, нет ли среди вас?— не совсем впопад спрашиваю я.

— Почему же нет? Вот хотя бы бригадир второй полеводческой бригады Рихард Цимм.

Знакомимся.

— Вы Оксара помните?

— Да! Был моим другом. А вы знали его?

Рассказываю. И нас с Циммом захватывает поток воспоминаний.

Он был чуть постарше Цимма — Оксар. А детство у них было одинаковое, как у всех батрацких мальчишек. В семь лет их отдавали пастухами к кулакам, а когда исполнялось шестнадцать, хозяева оглядывали — достаточно ли плечист и мускулист, может ли без устали от зари до зари махать хозяйской косой на хозяйском лугу — и брали в батраки.

— Не знаю, как Оксару, а мне денег не платили,— рассказывает Цимм,— работал за то, что было место в баньке для спанья, да за еду. Оксар после войны комсоргом стал, а мне Советская власть дала двенадцать гектаров земли — часть владений моей бывшей хозяйки. И горд я был оттого, что сам хозяином стал, и трудно мне было, потому что понимал — не

осилю. Вступил в колхоз. Но Оксара к этому времени уже не было в живых. Бандиты еще тогда, в июне сорок шестого, подкараулили его в субботу, когда он из бани выходил. А мы все в кино были. Финками зарезали да еще и стреляли! Бандитов долго искали, нашли в бункере. Они к тому времени обросли волосами, человеческий вид утратили. Судили их, конечно. А имя Оксара найдете на памятнике.

Памятник поставлен за школой. Из-под снега проступают сухие головки прошлогодних цветов. Рассказывают, что школьники каждую весну сажают цветы, такие, которые цветут до поздней осени. На белой доске, врезанной в гранитную глыбу,— двадцать имен. Парторги, рядовые коммунисты. Беспартийные новоземельцы. И комсорг волости Вериора Федор Оксар среди них.

Кем бы он стал? Партийным работником, ученым, агрономом? А скорее всего, наверное, с его тягой к земле и людям, стал бы он вот таким бригадиром полеводства, как приятель его, Рихард Цимм.

Нет Оксара... Прошумело с тех пор сколько весен... Цимм женился на хорошенькой синеглазой Хельме и незаметно стал дедом — у их дочери Сирье растет тоже дочка, добродушная толстушка Моника. Цимм, с детских лет почти безвозмездно обрабатывавший чужую землю, стал в совхозе отличным специалистом социалистического земледелия. Наверное, стал бы таким и Оксар.

А Юлиус Пунисон, директор совхоза, вместе со мной зашедший в дом к Цимму, пытается вернуть меня на стезю редакционного задания.

— Рихард, ты сколько премии в прошлом году получил? Семьсот рублей, кажется?

— Что? Премия? Нет, не семьсот. Я тысячу к концу года получил.

И вдруг Цимм засмеялся:

— Я, понимаешь ли, от этой премии в данную минуту еще очень далеко, я только начал рассказывать, как вступил в колхоз, как мы стали наши пески и болота в пашни...

Потом мы осматривали дом Цимма. Он строил его сам. Дом деревянный, снаружи облицован кирпичом. В комнатах домотканые ковры, много цветов, чисто, тепло, уютно, жаворонком щебечет Моника. И в гараж повел нас Цимм, показал бирюзового цвета «Москвича». И мотоцикл. «Москвич» — свой, а мотоцикл — совхозный, средство, так сказать, производственного передвижения. И еще раз мы вспомнили Оксара. Цимм тяжело вздыхает... Не дожил друг, не узнал, что он, Цимм, батрак, стал вот так хорошо жить и справляется с большой организационной работой. Оксар очень ценил в людях организаторские способности.

Потом мы подумали, что надо бы поискать Хельгу Киндзико. Она вышла замуж, сменила фамилию, а фамилии-то Цимм и не помнит. Но у школы мы встретили Эне Йыгер, девочку с простой короткой биографией: «Родилась здесь, учусь здесь, в школе весело». И мы решили, что, наверное, где-то в другой школе, в другом совхозе совершенно так же рассказала бы нам о себе дочь Хельги. Пусть вот так коротко и ясно говорит о себе настоящее, решили мы...

ПЕРВАЯ

Евгений КАЦМАН,
член-корреспондент Академии художеств СССР,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Каждое утро с восходом солнца, становясь к мольберту в моей мастерской, я думаю, что вот так же начинают день все советские художники. Они готовятся достойно встретить великий праздник — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. И мне отчетливо представляется грандиозная выставка, на которую будут собраны в дни юбилея лучшие произведения, над которыми мы, художники, трудимся сегодня.

И невольно вспоминается затем одна выставка, участником которой мне выпало счастье быть 46 лет назад.

...1923 год. Конец лета. Газеты и расклеенные по Москве объявления оповещают москвичей, что в Доме крестьянина на Первой сельскохозяйственной и кустарнопромышленной выставке СССР открыт «Уголок имени В. И. Ульянова-Ленина».

Невелика была выставка по размерам. Список участвовавших в ней художников занимал всего несколько строк. Да и готовились участники к ее открытию не годы и даже не месяцы. Помогали ее созданию сестры В. И. Ленина — Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы. Когда все уже было готово к открытию, приехала в Дом крестьянина Надежда Константиновна Крупская. Выставка ей понравилась. Приезжала Крупская и потом, когда уже шли в «Уголок Ленина» посетители. Она внимательно следила, чтобы ничего не меняли, не ухудшали экспозицию. У Надежды Константиновны была удивительная зрительная память. Я имел случай убедиться в этом. В «Уголок В. И. Ленина» я представил написанный мною специально для этой выставки портрет Владимира Ильича Ленина, который назвал: «Их карта будет бита». Мне хотелось передать в картине гениальность Ленина-стратега, в самые тяжелые для Республики Советов дни видевшего победу народа. Так вот, этот портрет спустя несколько дней после открытия выставки неожиданно убрали из экспозиции по чьему-то неведомому распоряжению... Надежда Константиновна в один из своих первых приездов сразу же обратила внимание на отсутствие портрета и очень просила, чтобы он был водворен на место. Едва она уехала, как портрет снова сняли со стены. Однако и в следующий свой приезд Крупская заметила «недостачу». И опять просила администрацию вернуть портрет в экспозицию, где с того дня он находился до самого закрытия выставки...

Экспозиция «Уголка В. И. Ленина» была хоть и небольшая, но насыщенная, содержательная, драгоценная. Подлинные документы, первые издания книг и статей Ильича разных лет, революционные листовки, издания первых марксистских кружков, фотографии, страницы социал-демократических и большевистских газет, ставшие теперь реликвиями, свидетельствовали, рассказывали об истории революционного движения в России. И их скупой, деловитый, проникнутый духом борьбы рассказ дополняли наши картины, созданные художниками-ахрровцами.

Тридцать пять живописных полотен! Под ними значились такие имена, как М. И. Авилов, П. И. Котов, А. В. Моравов, В. Н. Яковлев, Н. Б. Терпсихоров, Г. К. Савицкий, В. В. Мешков, Б. В. Иогансон... Имена будущих членов Академии художеств СССР, выдающихся мастеров советского изобразительного искусства.

Выставил три работы наш любимый учитель — Н. А. Касаткин. Передвижник. Ахрровец. Художник, исключительный уже потому, что все свое творчество посвятил рабочему классу. Можно считать участником выставки и Б. М. Кустодиева, так как репродукция с его холста «Похороны павших 9-го января 1905 года в Петрограде» тоже экспонировалась.

Нельзя сказать, что в отношении мастерства исполнения все картины, вошедшие в экспозицию «Уголка В. И. Ленина», были на достойном уровне. Сказались сжатые сроки подготовки. Однако не это важно. И даже не то, что большинство картин, безусловно, представляло собой действительно художественные произведения. Важно то, что, на мой взгляд, именно эта небольшая выставка, созданная при участии членов АХРР,— первая в истории художественная выставка, посвященная жизни и деятельности великого Ленина, явилась провозвестницей путей развития советского изобразительного искусства на целые десятилетия вперед, вплоть до нынешнего дня. И именно сегодня особенно удивительно и радостно думать, какие глубинные и знаменательные ассоциации связывают выставку с историей страны и современностью.

Вся страна отметила 50-летие первого ленинского субботника. А ведь именно в экспозиции «Уголка В. И. Ленина» была выставлена картина ахрровца А. Соловьева «Ленин на субботнике». П е р в а я у нас картина на этот великий сюжет!

В экспозиции было полотно В. Мешкова «Ленин держит речь перед войсками, уходящими на польский фронт»... И при взгляде на репродукцию его, помещенную в каталоге выставки, в моей памяти встает множество других полотен, где советские живописцы, каждый по-своему, но все вот именно так — над колышащимся людским морем, над алыми стягами — запечатлели знакомую фигуру вождя. Решительная ленинская поза. В художественном образе воплощен неукротимый темперамент Ленина-борца, Ленина-оратора.

В другом зале экспонировалась картина П. Шухмина «Ильич принимает крестьянских ходоков»... Сколько потом бесед Ленина с ходоками из бесчисленных русских деревень запечатлели наши художники!..

И вот так почти каждая работа, которая теперь вспоминается мне из «Уголка В. И. Ленина», стала прообразом целой темы, вот уже сколько лет разрабатываемой нашим искусством. Потому что ленинские дела, каждый день Ленина, каждый эпизод из его жизни неисчерпаемы.

Выставка пользовалась громадным успехом. С первых же дней ее открытия небольшое здание Дома крестьянина едва справлялось с наплывом посетителей. Беспокоились, выдержат ли перекрытия. Рабочие, крестьяне, приехавшие тогда на первую в нашей стране сельскохозяйственную выставку, толпились у витрин с документами. Задерживались перед картинами, с удовлетворением отмечая в них сходство с жизнью. Часто тут же, в залах выставки, возникали короткие митинги, на которых люди выражали свою горячую любовь к Ильичу!.. Совершенно закономерно, что одним из первых публичных выступлений ахрровцев перед широким зрителем стала выставка, посвященная Ленину. Потому что то действительно новое, что внесло в культуру всех времен и народов молодое советское искусство, было не футуристические, супрематические кривлянья формалистов всех толков и мастей, не «черные квадраты», отражавшие конвульсии капитализма, а небывалые, невиданные темы. Эти темы: будни, победы, труд, подвиг, чаяния, устремления победившего пролетариата и крестьянства — подарила искусству революция!

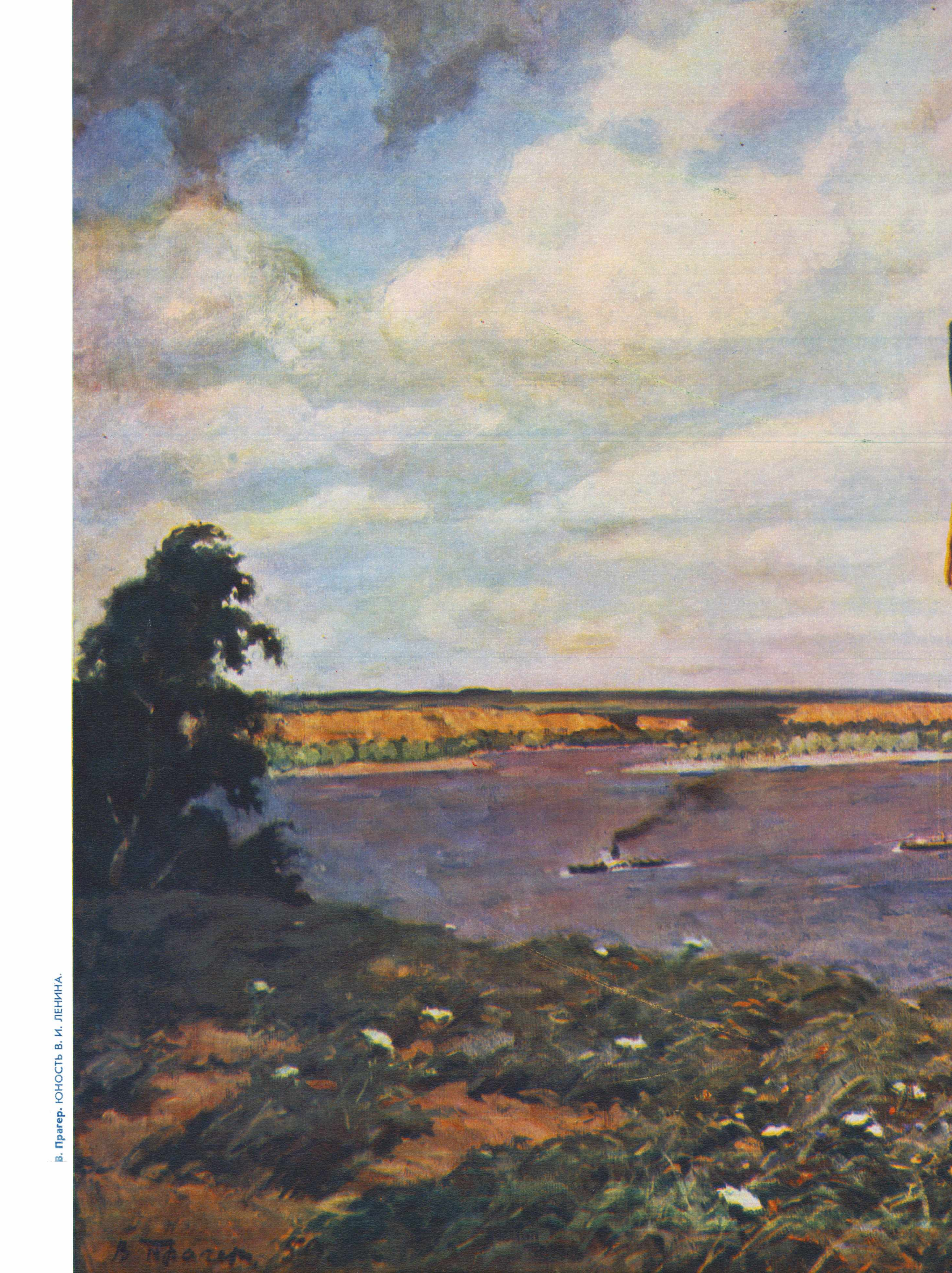
А. Герасимов. В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

И. Пархоменко. В. И. ЛЕНИН В ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ

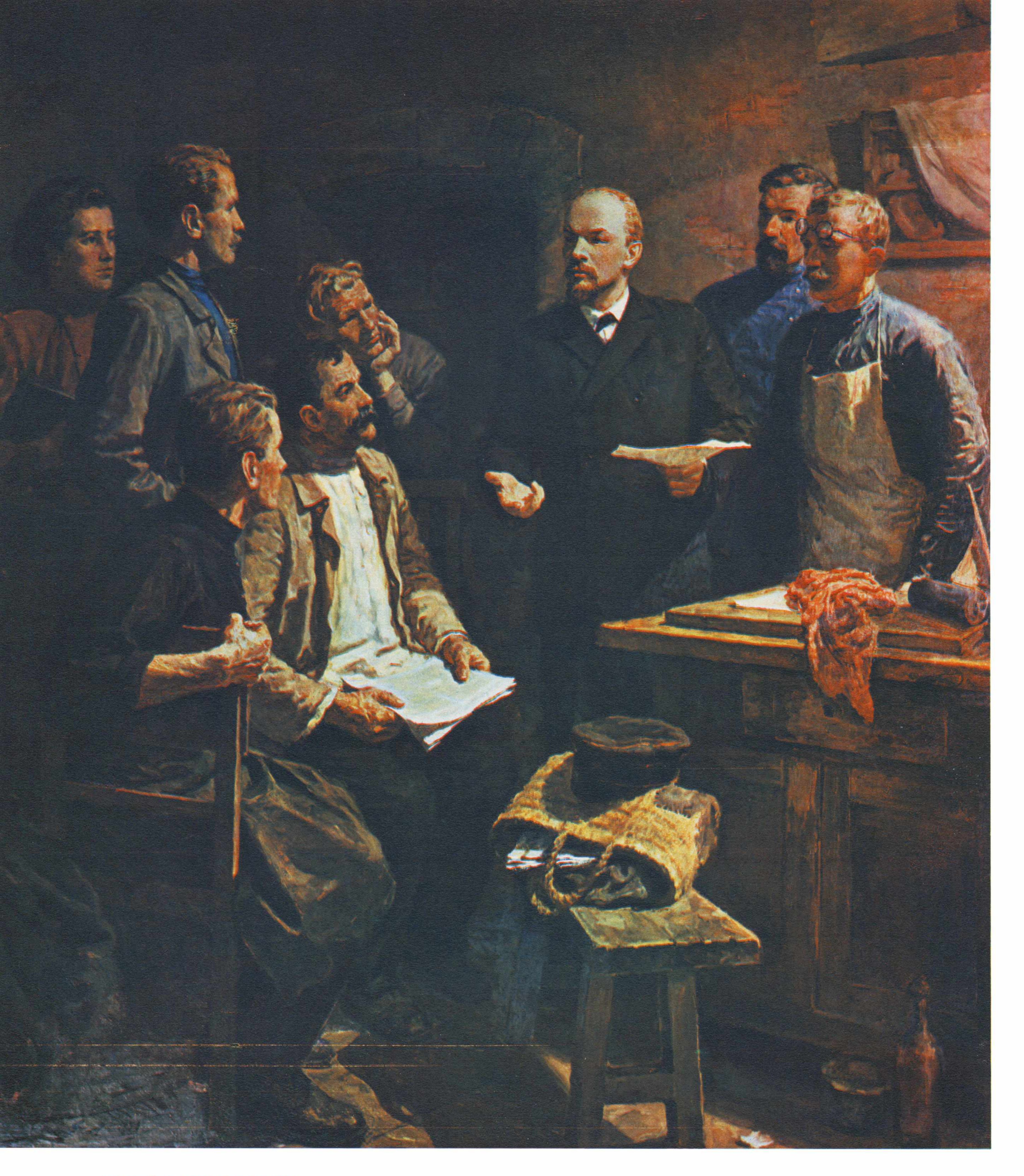
П. Белоусов. «МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ».

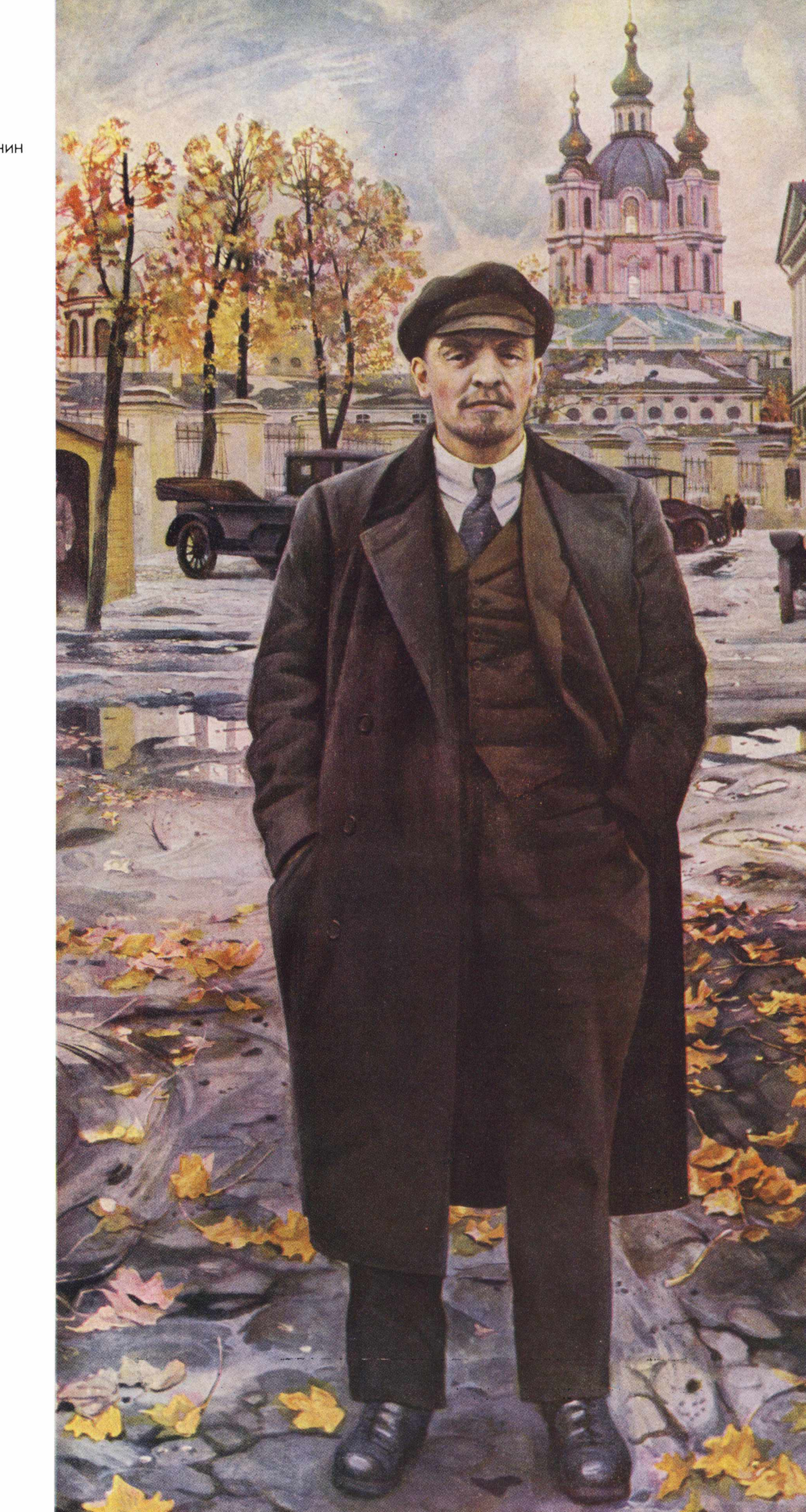
В. Прагер. ЮНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА.

Ф. Голубков. ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА.

И. Бродский. В. И. ЛЕНИН

В. Нечитайло. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ

Маршал Советского Союза Ф. ГОЛИКОВ

Видеть Ленина, слышать его мне за свою жизнь довелось только раз. Это было в марте 1919 года в Питере.

В ту пору мне шел девятнадцатый год. Я учился на военно-агитаторских курсах, на которые прибыл из-под Перми, с фронта.

До этого дальше своего уездного города Камышлова и тех мест, где проходили фронтовые дороги полка Красных орлов, в котором я служил, нигде не бывал.

Нельзя сказать, что встреча с Лениным для меня и для большинства моих однокурсников была внезапностью.

И в идейном и в политическом отношениях, и душой и сердцем, всеми своими мечтами и помыслами мы, бойцы молодой Красной Армии, находились вместе с ним всегда.

Впервые о Владимире Ильиче я услышал шестнадцатилетним гимназистом. Сразу же после Февральской революции и возвращения Ленина из-за границы о нем заговорила вся Россия. Через год я был принят в члены РКП(б) и стал работать в редакции камышловской уездной газеты «Известия» в должности заведующего конторой.

Наша газета была боевым партийным органом. В борьбе за линию партии она основывалась на выступлениях Ленина. Их публикация являлась главнейшим и самым желанным делом коллектива редакции.

Помню, как мы печатали статью Ленина «Очередные задачи Советской власти». Из-за малого формата газеты статья не уместилась в одном номере, и на это потребовалось несколько номеров. Выход каждого из них с нетерпением ожидали и мы — работники редакции — и наши читатели.

Позже, уже на фронте, в трудные дни отхода Красной Армии через Уральские горы, в жестоких боях с врагом мы только и жили Лениным. Вера в него, надежда на него увеличивали наши силы, стойкость, мужество и убежденность в окончательной победе.

Мы знали, какое громадное внимание уделял Ленин укреплению Красной Армии с первых же дней ее рождения, какую помощь оказывал он ей, как радовался победам. И уже в восемнадцатом были одержаны первые крупные победы на Волге при освобождении от белогвардейских банд Казани, под Симбирском и Самарой.

Счастье победы пришло и в наш Первый крестьянский коммунистический полк. Осенью того же 1918 года за выдающийся боевой успех под Нижним Тагилом одним из первых в Красной Армии полк был награжден Красным знаменем ВЦИКа и приказом командования наименован полком Красных орлов.

Никогда не забыть волнений, страшного беспокойства, горечи и негодования, охвативших всех нас в связи с покушением на жизнь Ильича 30 августа 1918 года. Но мы вместе со всем советским народом не теряли надежды, что Ильич останется жить...

Питерские военно-агитаторские курсы — одни из первых в Красной Армии. Именно они послужили основой нынешней Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

Мой набор был вторым и таким же краткосрочным, как первый. Я учился лишь полтора месяца. Затем в числе других добился досрочного экзамена, чтоб побыстрее попасть на фронт.

Тогда у нас не было учебников. В то же время обширная и разнообразная программа предусматривала научить курсантов главному: марксистскому пониманию происходящих в мире и в нашей стране революционных событий, пониманию программных задач нашей партии и Советской власти на ближайший период. Ну, и, конечно, основам строительства Красной Армии.

Нашими учебниками были первоисточники, в основном труды Ленина «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Империализм, как высшая стадия капитализма». У Энгельса мы учились материалистическому пониманию истории. Проштудировали «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Познакомились с книжкой Каутского «Экономическое учение Карла Маркса».

Мы занимались в период бурных революционных событий в Европе — в Германии, в Венгрии. Перед нами вставала заря мировой пролетарской революции...

Встреча с Лениным произошла 13 марта 1919 года, во время митинга в Народном доме. Помещение было переполнено. От нас там была группа курсантов, в том числе и я.

Нам казалось, что мы расположились очень близко к Ильичу, рядом с ним. Этому, видимо, содействовали размеры помещения, яркое освещение, отличная слышимость. Да и зрение у нас было совсем молодым. Но главное заключалось в нашем психологическом состоянии, в нашей настроенности, в наших порывах.

Ленин говорил о текущем моменте: о задачах и о деятельности рабоче-крестьянского правительства. Он обрисовал внутреннее и внешнее положение Советской страны и обстановку на фронтах, сказал о борьбе с голодом, о победах Красной Армии на Дону, о помощи республике со стороны рабочего класса других стран, о значении I конгресса Коминтерна.

Простота, каждый жест естествен, каждое слово доступно и доброжелательно — таким я увидел Ильича в первый и единственный раз в своей жизни.

Никаких проявлений высокого положения и власти, которыми он был облечен. Никакой позы в манере говорить и держаться. Никакого менторства, никаких поучений. Но его горячий призыв брал за душу, каждое слово проясняло сознание, открывало огромные дали и горизонты. И его убежденность в правоте и в правильности избранного пути, его твердая и несокрушимая вера в победу, его решительность и воля передавались замершей аудитории.

Прошло пятьдесят лет с тех пор.

Я прожил немалую жизнь в рядах Советской Армии за эти полвека. Всякое бывало: трудности и успехи, тяжкие испытания и победы, огорчения и радости.

Словом, есть о чем вспомнить, если оглянуться на пройденное. И все-таки самым ярким среди всего пережитого был и остается тот день 13 марта 1919 года, заполненный до отказа зал Народного дома и фигура Ильича на трибуне — его слова, его жесты, его удивительное, прекрасное лицо.

Николай ПОЛИВИН

У заветного камня

Здесь,
Где камень
С горькими словами
«Ранен Ленин»,
Нынче белый снег.
И стоит
С надежными друзьями
Возле камня
Русский человек.
Командир огромного завода,
Светлый ум.
Красив... Сажень в плечах.
Коммунист
И верный друг народа.
Тихо говорит
Про Ильича:
«Это было здесь...»
Фонарь бессонный
Видит сквозь рассеянный туман:
У ворот завода Михельсона
Коброй
Притаилася Каплан.
ОН идет...
И подле друга нету...
ОН во власти завтрашней мечты...
И зрачки
И дуло пистолета
Злобою одною налиты.
На курок
Ложится палец тонкий.
Дрогни!
Нет,
Холёный палец лют.
Этот палец
Мог бы и в ребенка.
Вот такие
В нас и нынче бьют.
Выстрел!..
Кровь...
И все вокруг в смятенье.
Топот ног,
Друзья бегут, спешат...
— Ленин!
— Ленин!!
— Ранен, други,
Ленин!!!
— Как могла ты,
Подлая душа?!
А она стоит,
Бледна и хила.
Страх в зрачках
И радость
В глубине...
Это было,
Было!
Было!!
Было!!!—
Все кричит
Неистово во мне.
Словно кратер,
Дуло пистолета —
В грудь России...
Голубеет снег.
«Мы вовеки
Не забудем это»,—
говорит хороший человек.
«Здесь...»
И мы,
Печаль свою не пряча,
Поклялись вождю душою всей:
В нашей жизни
Трудной и горячей
Защищать от выстрелов друзей!

Красногорск,
Московской области.

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Зн

Я сижу в холле отеля «Беролина» и нещадно корю себя. Как же я упустил возможность повстречаться с ним еще в Москве, посмотреть его дом, шахту, познакомиться со страной мансфельдских рудокопов до того, как увижу все это в натуре! Оказывается, он приезжал в Москву вместе с постановщиками немецкого художественного фильма «Знамя Кривого Рога». Он — это один из героев фильма, шахтер Отто Брозовский, и узнал я об этой упущенной возможности здесь, в холле берлинского отеля, от человека, незнакомого мне...

В холле шумно и многолюдно. В баре за чашкой кофе и рюмкой коньяку встречаются деловые люди и влюбленные парочки. В центре зала толпится неистовое племя туристов в ожидании автобуса на Дрезден. Девушка из сервис-бюро уже двадцать минут терпеливо что-то объясняет американцу, увешанному кино- и фотокамерами, уточняющему маршрут путешествия по республике. Я тоже уточняю маршрут, но в порядке самообслуживания — на столике разложена карта-путеводитель по ГДР. Путешествуя по карте, я за эти двадцать минут побывал и на севере и на юге республики.

Мою поездку прервал невысокий, сухощавый человек с портфелем в руках. «Я вам не помешаю? Разрешите?» «Пожалуйста».— И я стал складывать карту. «Нет, нет, зачем же... Я вот тут, с краю. Выпью кофе, пока не придет мой коллега. Гость из Польши».— Человек бросил взгляд на карту с русскими названиями городов, посмотрел на меня и уже по-русски спросил: «Вы из России? Журналист? О, то есть приятно... Имею честь — инженер Ганс Рихтер».— И, пригубив чашку кофе, умолк. А потом спросил: «Вы давно в Берлине? Лишь несколько дней? Мне будет интересно знать ваше мнение. Газеты сообщали, что недавно в Москве показывали наш фильм «Знамя Кривого Рога», что он тепло встречен. Вы видели эту картину? Нет... Очень сожалею. Да, так оно есть—предотъездные хлопоты. У меня тоже бывает...»

Инженер сочувственно кивает головой, но на лице его я улавливаю выражение некоего упрека, вероятно, справедливого. И, словно чувствуя неловкость за этот упрек,— я все же гость! — собеседник спешит объяснить, почему инженер Ганс Рихтер столь дотошен по части «Знамени Кривого Рога». Это его юность. Сейчас он работает в Берлине, но вся жизнь Рихтера была связана с горняцким краем, с Мансфельдской землей, где еще в пору крестовых походов прапрапрадеды его закладывали первые шахты. О здешних горняках испокон веков говорили: бунтари!

— Вот и тогда, в двадцатые годы, — вспоминает инженер. — Я мальчишкой был, но помню, как отец, шахтер...

Ганс Рихтер еще раз пригубил кофе и улыбнулся:

— Нет, не стану рассказывать. Обязательно поезжайте к нашим горнякам, сами посмотрите, повстречайтесь с Отто Брозовским. Он расскажет, как это было. И про фильм и как вместе с режиссером в Москву летал.

...Мы не знали ни улицы, ни номера дома, в котором он живет. Но, как и следовало ожидать, адрес их известен тут всем. Едва мы въехали на окраину Гербштедта, как сразу же нашлись добровольцы-проводники, готовые проследовать вместе с нами на одну из тихих, безлюдных, спускающихся под гору улочек, где и стоит небольшой, типично немецкой постройки, каменный домик под островерхой черепичной крышей. Тут живет уже третье поколение славной шахтерской семьи Брозовских.

С этого, собственно, и начался наш разговор с продолжателем рода — Отто-младшим. Высокий, широкоплечий, с не по возрасту— ему за шестьдесят — молодыми, даже несколько озорными глазами, он радушно принимает гостей и, приветливо улыбаясь, говорит:

— Начинать надо, вероятно, от печки...— И смеется.— Так меня учили в Москве. А печка — вот этот дом. Здесь родился мой отец, которого тоже звали Отто, здесь родился я, здесь родились мои сыновья, внуки. Здесь и хранился красный стяг.

В 1920-м отец определил Отто в школу, где учили столярному делу. Однако со школой пришлось проститься, так и не закончив ее. Учителю Рашке не понравилось, что сметливый Отто задает ему много колючих вопросов, не имеющих ничего общего со столярным мастерством. Это были вопросы о жизни богатых и бедных, вопросы, будоражившие умы молодых парней Гербштедта, объединившихся тогда в ячейку недавно созданного комсомола. Сперва учитель лишь зло цыкал на Отто— «не твоего ума дело, паршивец»,— а когда узнал, что ученик причастен к комсомолу, рассвирепел: «Вон отсюда!»

В тот вечер у отца и сына был большой разговор, разговор коммуниста и комсомольца. Отец, конечно, не осуждал Отто, хотя и был премного огорчен: ему так хотелось, чтобы хоть один из его сыновей не корпел бы всю жизнь под землей, не глотал бы едкую медную пыль. Но если кто-нибудь повнимательней в те дни присмотрелся к Брозовскому, то заметил бы, что он гордился ершистым Отто: «Каков, а!»

Старый шахтер решил все же попытаться переубедить учителя: «Господин Рашке, нет ведь большой беды в том, что мальчишка иногда ходит на комсомольские собрания и задает трудные вопросы». Но тот был непреклонен: «Забирай мальчишку к себе, под землю. Пусть там и ищет ответы на свои дурацкие вопросы...» Отец больше ни слова не сказал учителю, только в глазах его метнулись искры, от которых Рашке стало не по себе. «Ну, ну, ты не очень-то»,— огрызнулся Рашке. Отто усмехнулся: «Я же тебе ничего не сказал. Но когда-нибудь мы продолжим наш разговор».

На семейном совете было решено отдать Отто в школу шахтеров. Будет работать и учиться. Тяжко? Да, конечно. Но так уж, видимо, Брозовским на роду начертано. Отто-младший спустился под землю и начал одновременно учиться в шахтерской школе. Он несказанно горд. Теперь шахтеры и его тоже важно приветствуют на улице многозначащим словом «Глюкауф»: традиционное горняцкое пожелание — счастливо подняться из шахты наверх...

И снова беда. Однажды по какому-то делу группу учеников вызвали к директору. Представ пред «светлыми очами», Отто забыл, что на лацкане его потертой куртки — комсомольский значок. Директор грозно посмотрел на мальчишку, на значок и гаркнул: «Немедленно сними эту пакость. И чтобы...» Он не закончил. Отто прервал его: «Я готов, господин директор, снять этот красный значок, если вот он,— и Отто ткнул пальцем в юношу, стоявшего рядом,— снимет свой голубой значок». Это была эмблема националистической монархической молодежной организации.

Отто не снял красную звездочку. И все повторилось сначала. Если не считать того, что вслед за исключением из школы последовало и увольнение с работы.

Уволить парня уволили, а кто встанет на его место? В ту пору хозяевам было не так легко найти людей на адски тяжелую работу под землей: ползая на животе или карабкаясь на коленях, шахтеры тянули по узкой щели большие вагонетки, доверху груженные рудой. Городок находился от шахты в семи километрах. Выходили из дому на рассвете, возвращались вечером. И Мансфельдская акционерная компания была весьма встревожена проблемой рабочей силы — люди из Гербштедта предпочитали уходить в батраки. Это тоже не сахар, но все же... Так получилось, что Отто снова взяли на работу. Но ненадолго.

Юноши на шахте получали почти в два раза меньше взрослых. Долго они терпели, а в двадцать четвертом молодежь решительно заявила: «Баста! Требуем равной оплаты!» Началась забастовка. Акционеры ответили контрударом: «Еще меньше платить будем!» Осмелели — видимо, полегче стало с рабочей силой.

— Я тогда был членом стачечного комитета,— вспоминает Отто.— А возглавил нашу забастовку Отто Гоче. Да, да, он самый — нынешний секретарь Государственного совета ГДР. Наш, мансфельдский, из шахтеров, комсомольским вожаком был. К нам, молодым, тогда присоединились и пожилые. Вместе с отцом мы ходили к управляющему Цир Фогелю, чтобы предъявить свои требования. Отец от имени объединенного Совета рабочих коммунистов и социал-демократов, а я по поручению комсомольцев. Вначале Фогель и разговаривать с нами не стал. Мы с шахты, да в свою пивную. Была у нас такая, давно облюбованная, стены ее — свидетели бурного кипения страстей, яростных споров коммунистов и социал-демократов. Но в тот день обошлось без споров. Решение — единодушное — продолжать забастовку. И победили. Хотел было Фогель семнадцать самых активных молодых стачечников уволить, но мы снова объявили забастовку. Фогель сдался, однако троих членов стачечного комитета все же не взял на работу. И меня среди них. В ту пору наш край бурлил, часто гремел грозный шахтерский голос. Во главе стояли коммунисты. К тем временам и восходит история знамени Кривого Рога.

Как докатилась молва о забастовках шахтеров Мансфельда до Кривого Рога, точно никто сказать

АМЯ, КАК БОМБА

не может. Так или иначе, но весть про забастовки братьев по классу была принята советскими шахтерами близко к сердцу. И нежданно-негаданно приходят к немецким рудокопам посылки из Кривого Рога с горохом, рисом, мукой. Посылки были тем более ценны, что и советские горняки жили в ту пору не ахти как припеваючи — страна только-только на ноги становилась.

— Мы это хорошо знали,— продолжает свой рассказ Отто-младший.— Отец — он был секретарем партячейки КПГ — созвал коммунистов, положил на стол посылку и сказал: «Смотрите и запомните на всю жизнь. Это не школа, а высшая академия пролетарского интернационализма». Человек он был суровый, а тогда, приметил я, дрогнул голос отца и слеза покатилась. Я тоже на собрании был. Меня уже в партию приняли.

Так началась дружба шахтерского Кривого Рога с Мансфельдским краем немецких рудокопов. В 1928 году украинские шахтеры с рудника «Дзержинский» решили в честь 11-й годовщины Октября послать немецким товарищам красное знамя. Ящик со знаменем путешествовал сперва по легальным, а потом и нелегальным каналам целый год. И случилось так, что в Гербштедт он прибыл в канун другого большого праздника — 22 апреля 1929 года, 59-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина.

...Митинг на Рыночной площади. Шахтеры пришли с семьями. Грузовик превращен в трибуну. Торжественно звучат слова оратора, гостя из Берлина. Он держит в руках знамя советских горняков и обращается к секретарю партячейки шахтеров Отто Брозовскому: «Сегодня, в день рождения вождя мирового пролетариата Ленина, мы вручаем тебе это знамя, которое является символом солидарности советских и немецких рабочих. Клянись, что сохранишь это знамя!» И над притихшей площадью гремит голос коммуниста Брозовского: «Клянусь! Я буду беречь его до тех пор, пока будет биться сердце». Где-то совсем рядом стояли его жена Минна, их дети. И они вслед за мужем и отцом повторяли: «Клянусь!» Брозовские не подозревали тогда, какое напряжение сил потребуется от них, чтобы выполнить эту свою клятву.

— Знамя стояло вот здесь.— Отто показывает на темный угол комнаты.— Раньше тут была спальня родителей... Каждый раз, когда правительство по тому или иному поводу обрушивалось на компартию, к нам в дом приходили с обыском: где знамя? И каждый раз мы что-то придумывали, что-то объясняли, стараясь даже не смотреть в ту сторону, где был тайник. Прятали в разных местах, даже в кирхе. Но каждый раз, когда шахтеры Гербштедта выходили на демонстрацию, над их колоннами неизменно развевалось невесть откуда появившееся красное знамя Кривого Рога. Вы, конечно, представляете, какое это вызывало бешенство у тех наших горожан, что уже щеголяли в коричневых рубашках со свастикой. А потом наступил февраль тридцать третьего года. Горел рейхстаг. Отец услышал об этом по радио. И первое, что сделал,— запрятал знамя подальше. А потом было кровавое воскресенье в Гербштедте. Фашисты ворвались в Турнхолл, где шло собрание антифашистов. Началось побоище. Троих убили, многих ранили... Мы перешли на нелегальное положение. Смотрите.— И Отто протянул мне партбилет отца, книжечку в красной обложке. Последний взнос помечен февралем 1933 года. С тех пор учет уплаты членских взносов вели уже по-другому, конспиративно.

16 марта 1933 года в Гербштедте были арестованы все активисты компартии. Как только Брозовского увезли в тюрьму, Минна закопала алое полотнище в землю.

Наутро Отто вместе с матерью вызвали в полицию. «Где красное знамя из Кривого Рога?» Они ответили, что понятия не имеют о Кривом Роге. Хотя вообще-то им известно, что есть красное знамя, которое передается из одной шахтерской бригады в другую, тому, кто лучше работал...

Как это ни странно, им поверили и отпустили домой. Через год вернулся отец и в первый же вечер, когда вся семья была в сборе, спросил: «Где знамя?» «Надо искать более надежное место,— заявил Отто-старший — гитлеровцы не успокоятся, пока не найдут эту реликвию». Его тоже допрашивали: «Скажи, где это знамя?»

Спрятать, спрятать подальше! А куда? И тут выручили... кролики, которые исподволь прогрызли в глиняной стене довольно большое углубление. Брозовские обрадовались, словно нашли бесценный клад. В ту же ночь алый стяг был запрятан в неожиданно найденный тайник. Запрятан на долгие годы. Долгие и тяжкие.

Сначала Брозовских не взяли на войну — медь ценилась дороже пушечного мяса. К тому же у отца еще в первую мировую войну была сильно повреждена рука. Но бунтарский нрав Отто-младшего опять принес беду — он сказал начальнику шахты, махровому фашисту, все, что думал о нем. Душевный этот порыв стоил ему многого. Им занялись было эсэсовцы, потом отправили в солдаты. Сына — в солдаты, отца — в концлагерь, а мать снова потащили в гестапо, предварительно перевернув дом вверх дном: искали знамя. Они били старую женщину и угрожали ей: «Пока этот красный лоскуток не заполыхает на костре, ты будешь гнить в нашем подвале». Для Брозовских знамя советских горняков стало символом сопротивления тельмановцев гитлеровцам. Для гестаповцев это была бомба, готовая взорваться в любую минуту, в любом месте. Минна осталась верной клятве Брозовских. Тогда гестаповцы пошли на очередную, привычную для них подлость. Минну выпустили на волю и под видом коммуниста подослали к ней шпика. Он стал уверять, что действует от имени подпольного комитета, решившего перепрятать драгоценную реликвию в более надежное место. Но не так-то легко было обмануть боевую подругу старого коммуниста, опытного конспиратора. Она изобразила на лице полное недоумение: «О каком знамени ты говоришь? Ах, об этом самом... Так тут до тебя приходил какой-то человек в дождевике и кепке. Он тоже говорил, что от подпольного комитета, и попросил знамя. Я ему отдала его. Кто он, где он? Откуда я знаю. У меня есть другие заботы...»

— Снова начались аресты, обыски... А потом... Потом была весна сорок пятого, и было вот это...

Отто показывает мне репродукцию с картины. Тяжело опираясь на палку, шагает седовласая Минна. Рядом — крепкий, не сломленный тюрьмами и концлагерями старый коммунист, шахтер Отто с внуком на плече. И дети, бережно несущие развернутое — смотрите, любуйтесь! — Криворожское красное знамя. Сейчас Брозовские торжественно вручат его советскому коменданту Гербштедта.

На стол легло еще несколько фотографий, документов, писем, воскрешающих события той поры. А к тому времени в доме появился гость—секретарь парткома рудного комбината Вилли Вольф. Теперь уже он показывает и рассказывает.

...Брозовские сняты среди советских офицеров на фоне все того же знамени.

...Апрель 1964 года. Гости из Кривого Рога в Гербштедте. Возле алого стяга Евфросинья Васильевна Барбаш, Филипп Сергеевич Басс. Они были среди тех, кто в 1928 году снаряжал знамя в долгий, трудный и опасный путь.

— А теперь обращаю ваше внимание вот на эту фотографию,— говорит Вилли Вольф.—Наша Минна... Мансфельд торжественно отмечал ее восьмидесятипятилетие... Советский генерал Якубовский приехал к ней тогда с подарками. Вот он рядом с ней. А Отто уже не было среди нас, он умер в сорок седьмом. Весь край хоронил. Долго на краю могилы стоял гроб. Много было душевных речей. Всё вспомнили. И про то, как первую партячейку создавал, и про тайные листовки, написанные им, и про то, как после войны сын рабочего класса помогал крестьянам новую жизнь строить. Это был коммунист-борец.

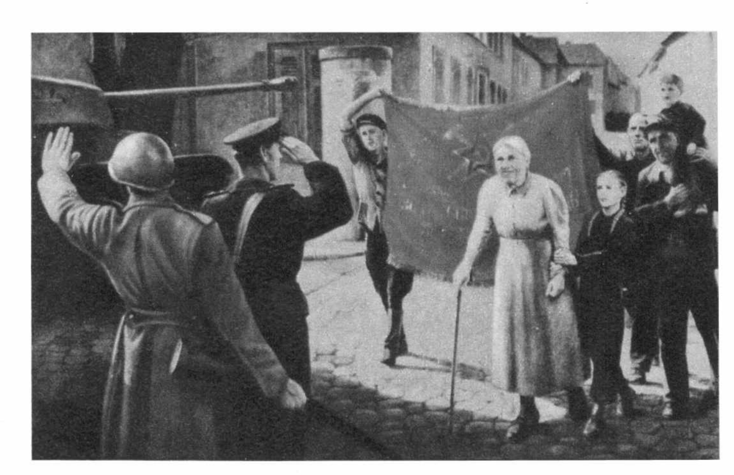
Вилли Вольф умолк. И в комнате стало тихо, как это бывает от сознания невосполнимой потери. Потом Вольф, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Где-то я прочел, что иногда и мертвые бывают живыми... Отто не умер, он живет в делах и сердцах людей шахты его имени, тех членов партии, которых воспитал. У нас на комбинате двадцать две тысячи рабочих и каждый третий — член СЕПГ.

Потом секретарь рассказывал, как горняки готовятся к 22 апреля — годовщине со дня рождения В. И. Ленина:

— У нас этот праздник будет особенно торжественным. Ровно сорок лет назад нам вручили знамя Кривого Рога. Снова, как и тогда, под этим знаменем соберется на площади наш горняцкий народ. Будем отчет держать, как мы поленински социализм строим. А в центре почетное место займут почетные гости. Ждем их...

Я не спросил тогда, о каких гостях речь идет, только догадывался. Но когда готовился к печати этот номер, я позвонил в Криворожский горком партии. Мне сообщили: «Отправляем делегацию в ГДР, к горнякам Мансфельда, на сорокалетие со дня вручения нашего знамени».

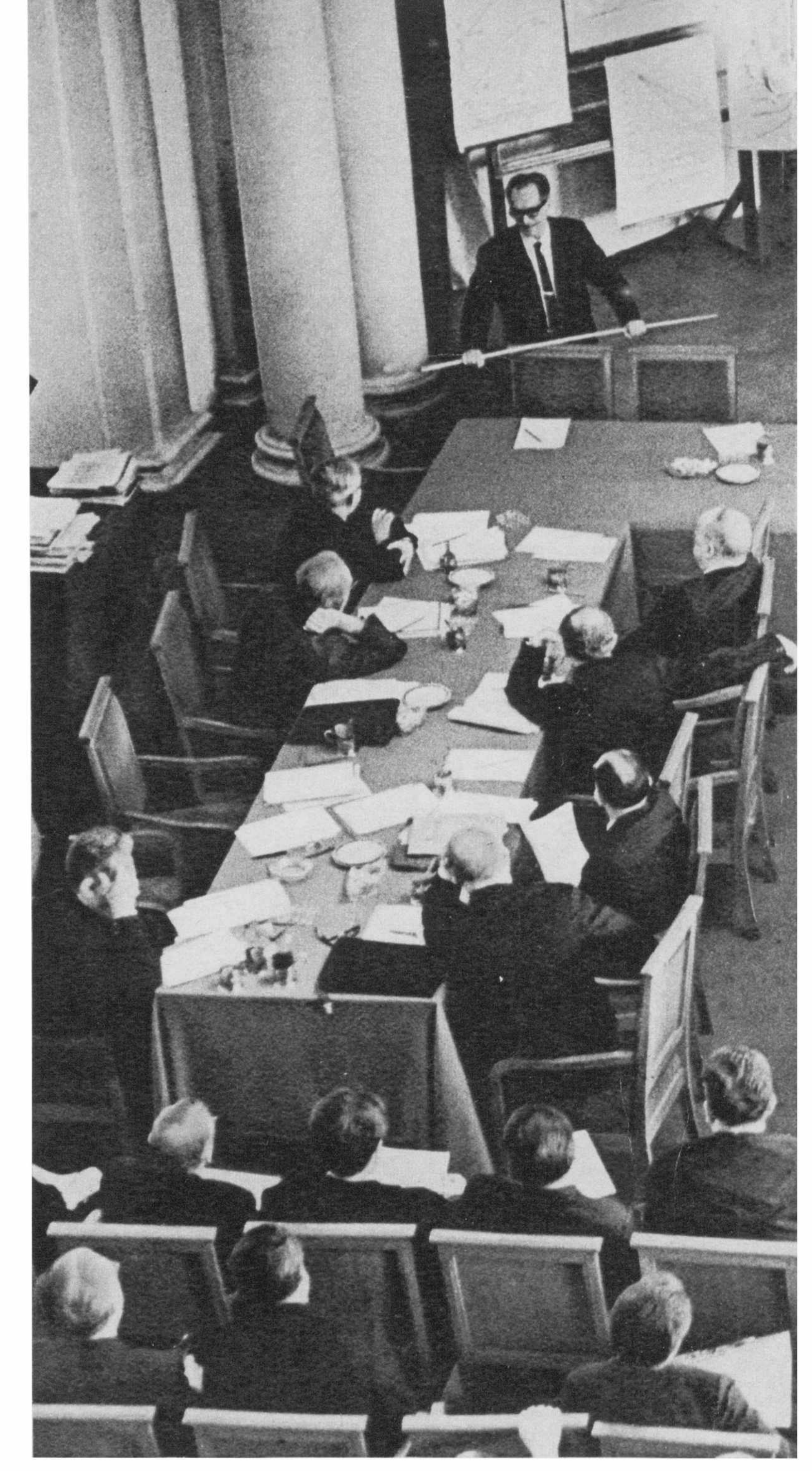

Картина художника Котэ.
Семья Брозовских торжественно передает тайно сохраненное ими знамя советских горняков военному коменданту Гербштедта.

Идет заседание Президиума Академии наук СССР.

Фото Л. Шерстенникова.

Ордена Ленина

Президент Академии наук СССР,
дважды Герой Социалистического Труда,
академик М. В. КЕЛДЫШ

Награждение Академии наук СССР высшей наградой — орденом Ленина — большой праздник советской науки, большое волнующее событие. Оно волнующе не только потому, что партия и правительство так высоко оценили деятельность Академии наук, деятельность наших ученых, но и потому, что еще раз напоминает нам о той высокой ответственности, которую мы несем перед страной, о том значении, какое приобрела наука сегодня в коммунистическом строительстве. Оно напоминает нам о тех дальнейших усилиях, которые мы должны приложить, чтобы все, что может дать наука, направить на благо нашего народа, на благо Родины.

Советская наука создана народом.

За 50 лет выросли академии в союзных республиках. Только потому, что наша партия, наш народ создали все условия для научно-технического прогресса во всей стране, советская наука смогла дать столь плодотворные результаты.

Партия и лично Владимир Ильич Ленин всегда считали, что наука—один из основных рычагов строительства самого справедливого, коммунистического общества.

Я должен сказать, что все мы понимаем то особое значение, которое приобретают научные исследования сейчас, ибо темпы технического прогресса во всем мире увеличиваются и дальнейший прогресс невозможен без новых открытий, без того, чтобы все, что дает природа, все, что она содержит в своих тайниках, направить на службу человечеству.

Мы, ученые, всегда должны помнить, что не может быть науки, оторванной от жизни; и это положение нигде не является таким верным, как в нашем социалистическом обществе, которое предоставляет все возможности для развития научных исследований и которое больше, чем какое-либо другое общество, направляет науку на служение народу, во имя прогресса всего человечества.

«...ТОЛЬКО СОЦИАЛИЗМ ОСВОБОДИТ НАУКУ ОТ ЕЕ БУРЖУАЗНЫХ ПУТ, ОТ ЕЕ ПОРАБОЩЕНИЯ КАПИТАЛУ...»

«...ВСЕ ЧУДЕСА ТЕХНИКИ, ВСЕ ЗАВОЕВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СТАНУТ ОБЩЕНАРОДНЫМ ДОСТОЯНИЕМ, И ОТНЫНЕ НИКОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УМ И ГЕНИЙ НЕ БУДУТ ОБРАЩЕНЫ В СРЕДСТВА НАСИЛИЯ, В СРЕДСТВА ЭКСПЛУАТАЦИИ».

В. Ульянов (Ленин)

вряд ли смогу это сделать точнее и непосредственнее, чем отображено в отчете Академии наук за 1923 год. «Владимир Ильич,— говорится в этом документе,— с присущей ему энергией и отзывчивостью принимал личное участие в тех мерах, которые были срочно намечены правительством, и постоянно, с неослабным вниманием среди громадных своих работ он сознательно уделял время заботам о науке, твердо веря в ее громадное значение для жизни. Заботы эти были и о науке вообще и об отдельных научных учреждениях».

Владимир Ильич проявлял величайший такт и осторожность по отношению к старой, дореволюционной интеллигенции, считая необходимым максимально привлечь ее на сторону революции. «Мы хотим,— говорил он,— строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой... Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем».

Владимир Ильич прекрасно понимал, что это учреждение — старейший научный центр страны, почти двести лет проработавший в условиях царского режима, нельзя одним ударом преобразовать на социалистический лад. Но в то же время В. И. Ленин привлекал ученых Академии наук к разрешению важных народнохозяйственных проблем. «Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России»,— писал Владимир Ильич в своем «Наброске плана научно-технических работ», сыгравшем большую роль в дальнейшем развитии Академии.

Уже в 1918 году в Академии наук были организованы Институт физико-химического анализа и Институт по изучению платины и других благородных металлов. Новые отделы, связанные с нуждами молодой Советской республики, были созданы при комиссии по изучению естественных производительных сил страны. В этом же году была основана Социалистическая Академия общественных наук.

Владимир Ильич Ленин пристально следил за развитием науки в стране, двери его кабинета были открыты для ученых. Так, в конце 1919 года по его инициативе Совнарком принял решение «Об улучшении положения научных специалистов», направленное на улучшение бытовых условий ученых. В январе 1921 года за его подписью был издан декрет «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников». В. И. Ленин высоко ценил и поддерживал крупнейших деятелей русской науки, честно служивших своему народу.

В январе 1921 года Владимир Ильич лично встретился с руково-

Главный ученый секретарь Президиума АН СССР Герой Социалистического Труда академик Я. В. ПЕЙВЕ отвечает на вопросы нашего корреспондента Виктора Поповкина.

— Известно, что с первых же дней Октябрьской революции Владимир Ильич Ленин проявлял величайшую заботу о промышленном и научном потенциале страны, что уже в апреле 1918 года им был составлен знаменитый «Набросок плана научно-технических работ», где говорилось об Академии наук. Какие наиболее характерные факты или события вы могли бы напомнить из этого периода становления новой, социалистической академии первого в мире Советского государства?

— В 1917 году весь штат Академии составлял немногим более двухсот человек. Нет необходимости рассказывать о всех материальных и организационных трудностях того времени. Однако именно благодаря личному участию Владимира Ильича Ленина Академия наук заняла достойное место в мировой науке.

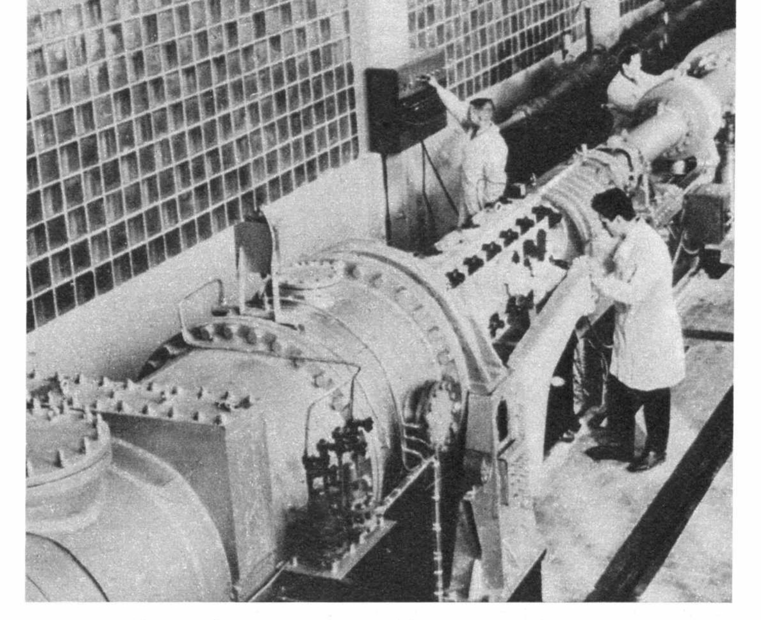
«Нет сомнения, что как в Англии, так и в других странах Академию наук СССР считают одной из величайших академий во всем мире». Эти слова были сказаны еще в 1925 году известным английским ученым Томсоном, приехавшим в молодую Советскую республику на празднование 200-летнего юбилея Российской Академии. Не менее восторженно высказался тогда и член Норвежской Академии наук профессор Фогт: «Можно смело сказать, что никто из приехавших сюда не ожидал быть свидетелем такого успеха и такого прогресса... Ваша Академия наук проводит огромную мировую работу».

Вполне вероятно, что неожиданным и новым для многочисленных иностранных гостей (а для юбилейного приветствия прибыло 130 ученых из Англии, Австрии, Германии, США, Франции и других стран) было такое явление, как признание революционным пролетариатом Академии наук своей, народной. «Прошедшие через революционные бури, мы в самые тяжелые и напряженные дни стремились к знанию, стремились к учебе, стремились к уничтожению доставшихся нам от веков барства и угнетения невежества и темноты. Устраняя капиталистические преграды для научной мысли, мы глубоко убеждены, что Всесоюзная Академия наук в третьем своем столетии закрепит твердый нерушимый союз науки и труда и тем самым ускорит построение нового общества»,— так говорили в своем приветствии, воспринимая этот юбилей Академии как праздник всего народа, представители фабрик и заводов Петроградского района Ленинграда.

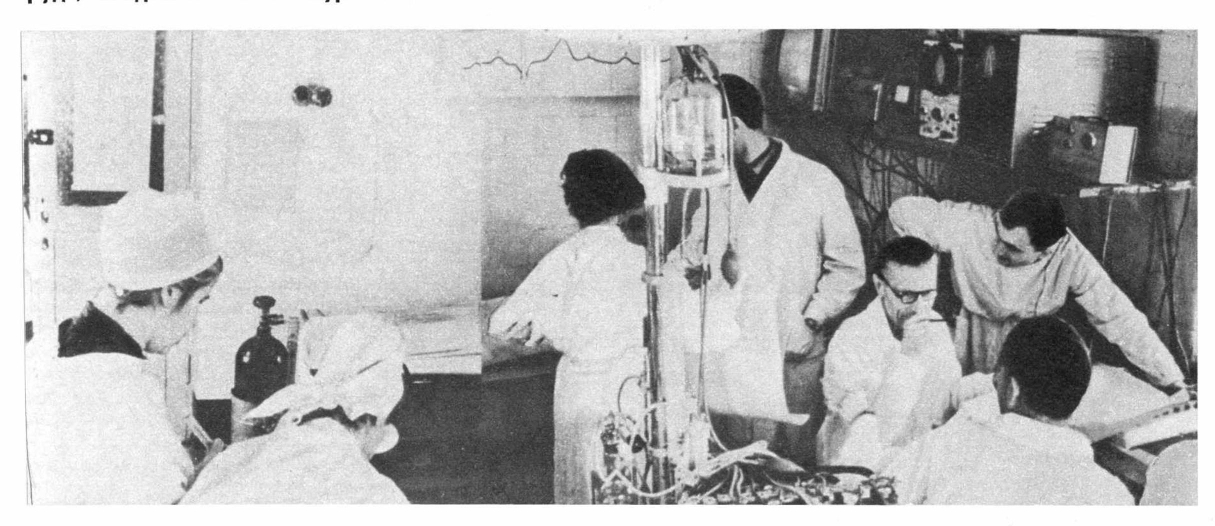
Вы извините меня за столь частое цитирование, но язык истории — это язык документов. И я думаю, нет нужды присовокуплять что-то к образному и искреннему языку времени. И потому, если я хочу сказать о роли В. И. Ленина в становлении советской науки,

В лаборатории директора Института физиологии растений Академии наук СССР Героя Социалистического Труда, академика А. Л. Курсанова.

Новосибирск. Академгородок. Сотрудники Института теоретической и прикладной механики изучают вихревые движения потока в сверхзвуковой аэродинамической трубе.

Институт кибернетики Украинской Академии наук. Здесь ведет исследования всемирно известный хирург, лауреат Ленинской премии, профессор Н. М. Амосов.

Фото А. Гостева, В. Лещинского, М. Начинкина.

дителями Академии — вице-президентом, академиком В. А. Стекловым и непременным секретарем Академии С. Ф. Ольденбургом, обсудив с ними вопросы по организации научно-исследовательских работ в Советской республике. «В истории советской науки это наше свидание, Ленина и представителей науки, останется навсегда памятным,— писал позднее академик Ольденбург.— Благодаря личному участию Владимира Ильича 1920—1921 годы стали поворотными годами в истории нашей советской революционной науки».

— Академию наук по праву можно назвать сегодня штабом советской науки. Успехи несомненны и общеизвестны. И ясно каждому — короткому пересказу они не поддаются. И все-таки расскажите, пожалуйста, о наиболее интересных и значимых работах в науке сегодняшнего дня.

— Рассказать, будучи ограниченным рамками небольшого интервью, очень трудно. Поэтому назову лишь несколько наиболее практически наглядных работ, выполненных недавно.

В минувшем году больших успехов добились ученые в самых различных отраслях науки и техники, и в том числе в области физики элементарных частиц, в полупроводниковой и лазерной технике, в микробиологии и физической химии, в космических исследованиях, в математических и общественных науках.

Так, в Институте кристаллографии совместно с Физическим институтом АН СССР разработаны методы получения кристаллов рубина, обладающих существенно повышенной оптической однородностью и долговечностью. Эти новые кристаллы, используемые в создании квантовых генераторов, позволили повысить КПД и в три—пять раз уменьшить расходимость лазерного луча. Что означает это достижение, нетрудно себе представить.

Известно, что в сочетании с микроскопом лазерный луч, будучи сфокусирован в тончайшую (до микрона и меньше!) «иглу», обладающую колоссальной энергией, способен выполнить любую, самую тонкую ювелирную работу. Сварочные лазерные установки уже нашли достойное применение в микроэлектронике, в производстве транзисторов и в монтаже схем, где приходится сваривать «несовместимые» металлы и полупроводники и тончайшие пленки материалов. Уменьшение расходимости лазерного луча означает, что в руках глазного хирурга может появиться еще более совершенный и искусный «скальпель», позволяющий уже сегодня производить операции, недавно еще неведомые,—на сетчатке глаза. Многоканальные линии связи на таких лазерах смогут передавать еще более насыщенную информацию, как на Земле, так и в Космосе, связывая уходящий к иным планетам корабль с оставшейся на околоземной орбите станцией.

В Физическом институте АН СССР с применением нагрева с помощью луча лазера получена плотная плазма с температурой около 20 миллионов градусов, в которой зарегистрированы нейтроны.

В квантовой электронике получены и другие интересные результаты. Новые типы химических лазеров созданы на основе открытых в Институте химической физики АН СССР цепных химических реакций с энергетическим разветвлением. Разработан новый тип и полупроводникового лазера — так называемого «излучающего зеркала».

В 1968 году непрерывно работала система дальней космической радиосвязи «Орбита», введенная в действие к 50-летию Октября. Сейчас она обеспечивает ретрансляцию телевизионных передач для всей территории Советского Союза. Продолжает работу и метеорологическая система «Метеор», пополняясь новыми искусственными спутниками Земли.

Крупнейшая автоматическая научная лаборатория «Протон-4», работающая на орбите искусственного спутника Земли, проводит изучение частиц сверхвысоких энергий в космических лучах.

Продолжалась отработка процесса автоматической стыковки кораблей на орбите. Запуск и полеты управляемых космических кораблей серии «Союз» ознаменовались четкой и слаженной работой в Космосе опытных летчиков-космонавтов Г. Т. Берегового, В. А. Шаталова, Б. В. Волынова, А. С. Елисеева и Е. В. Хрунова. Впервые была произведена стыковка кораблей с космонавтами на борту и создана обитаемая космическая научная станция, осуществлен переход двух космонавтов в открытом Космосе из одного корабля в другой.

Помыслы ученых вновь устремлены к нашей загадочной сестре по солнечной системе — к окутанной дымкой неизвестности Венере. Первая научная лаборатория опустилась в плотных слоях атмосферы Венеры в октябре 1967 года и произвела измерения ее физико-химических параметров. Сегодня к планете нацелены две новые автоматические станции — «Венера-5» и «Венера-6».

В Космосе у нас, конечно, еще очень много дел, много нерешенных проблем. Однако не нужно забывать, что Земля наша пока единственно надежный фундамент, с которого человечество стартует в неизведанный Космос. Много сделали советские ученые для изучения тайн своей планеты.

Прогноз землетрясений — проблема огромной жизненной важности. Институт геофизики и инженерной сейсмологии АН Армянской ССР на основе наблюдений в районе эпицентра Зангезурского землетрясения прошлого года установил, что существует связь между возникновением повторных толчков и изменением магнитного поля Земли. Получена запись интенсивного изменения магнитного поля Земли, предшествующая появлению повторных толчков. В Институте физики Земли АН СССР получены первые результаты по предсказанию локальных землетрясений на основании изменений удельного электрического сопротивления поверхностных слоев Земли. Нужно учесть, конечно, что это пока предварительные результаты. Исследования продолжаются.

Интенсивно ведутся работы по разработке новых методов геофизической разведки, изучается гравитационное и электромагнитное поле Земли.

Немало делается и в области микроэлементов, в обогащении и восстановлении исконных сил Земли, которым в итоге обязано все живое на нашей планете.

Большие успехи достигнуты и в области прямого преобразования тепловой энергии в электрическую. Создается уже опытно-промышленная электростанция с МГД-генератором, обладающим мощностью 25 тысяч киловатт.

Последние работы в биологии, физиологии, биохимии и медицине позволили нам существенно продвинуться в понимании жизненно важных явлений в живой природе и прежде всего в природе человеческого организма. Вплотную подошла наука к проблеме управления наследственностью. Проведен уже ряд важных работ по биосинтезу белка и нуклеиновых кислот.

Бич современного человечества — сердечно-сосудистые заболевания и рак. Причины и методы борьбы с ними исследуются сегодня уже в истоках, на молекулярном уровне. И можно смело сказать, что биология занимает все более ведущее положение, находясь на переднем фронте науки в тесном содружестве с такими самостоятельными дисциплинами, как физика и химия.

ВСЕГДА В ПУТИ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. КОЖЕВНИКОВА

Весной 1942 года в одной из центральных газет среди фронтовых корреспонденций, боевых сводок, вестей из оборонного тыла был опубликован маленький рассказ Вадима Кожевникова. Скорее даже фронтовая зарисовка, эпизод, пришедший из гущи событий на газетный лист. Писатель рассказывал о солдатах-разведчиках, получивших трудное боевое задание. Оно было выполнено, но солдаты не вернулись. Их ждали, а потеряв надежду, собрали митинг, чтобы достойно почтить память героев. И вот выходили вперед товарищи погибших и говорили то, что о них знали. Так постепенно раскрывалась истинная сущность героев, которые долго были здесь рядом со всеми, мужественно и спокойно делали свое воинское дело — просто, незаметно, как нечто само собой разумеющееся. И надо было только на все ими совершенное оглянуться, чтобы в полной мере понять этих людей.

А разведчики вернулись. Запыленные, грязные, измученные, пришли они к разгару митинга, стояли позади и долго прислушивались: о ком же это так хорошо говорят, кто эти прекрасные, героические люди? И в смущении услышали свои имена. Было им и смешно и неловко, и удивлялись они и не знали, что им делать, пока их не увидели и не бросились обнимать.

В этом маленьком рассказе сжато, но явственно отразились все особенности художнической манеры Вадима Кожевникова: его глубокий интерес к «труженику войны», к рядовому участнику исторических событий; его понимание героизма как ежедневного, ежечасного подвига; лиризм и добрый юмор, которыми овеяны именно те страницы, где повествование обращается к раскрытию высоких взлетов человеческого духа.

Самая сильная сторона творчества Вадима Кожевникова, бесспорно, в его умении разглядеть, понять и перенести в литературу новые жизненные ситуации, новые взаимоотношения между людьми. Герои писателя, как и события, так же всегда взяты им из самой гущи жизни — сегодняшней, быстротекущей, непрерывно изменяющейся. Пристрастное внимание художника к «дню летящему» — характерная его черта.

Вадим Кожевников принадлежит к тому поколению советских писателей, которое мужало не на фронтах гражданской войны, а в кипении грандиозных строек первой пятилетки, когда создавалась мощная социалистическая индустрия. По комсомольской мобилизации В. Кожевников работал на строительстве краматорского завода, начав в бригаде бетонщиков; в Подмосковном угольном бассейне, куда комсомольцы были брошены на прорыв, а затем, позднее, уже как газетчик от «Комсомольской правды» участвовал в строительстве Кузнецкого комбината, отвечал за доставку стройматериалов и оборудования.

Жадно стремились в те годы молодые художники, сверстники Вадима Кожевникова, как и он сам, на строительство гигантских заводов, в орошаемые пустыни, на осваиваемый Север: они хотели все видеть, ко всему быть причастными. Тогда-то и писал Леонид Леонов в Сорренто Горькому: «Перестройка идет такая, каких с самого Иеремии не бывало... Все вокруг трещит, в ушах гуд стоит...» Но для осуществления планов великого строительства требовались миллионы человеческих рук — трудовых, умелых, неутомимых. Отсюда интерес писателей 30-х годов к **рядовому** участнику невиданного переустройства жизни. Вот почему героями ранних рассказов Кожевникова становятся машинист заводского паровоза-кукушки, развозящий ковши с металлом («Гудок»), скромный кубовщик на Краммашстрое — он всего-навсего должен обеспечивать кипятком бараки («Кипяток») или мастер кладки фабричных труб («Сорок труб мастера Чибирева»), а в одном ряду с ними юноша-рабфаковец, ставший выдающимся изобретателем — ему принадлежит открытие нового принципа скорострельного автоматического оружия («Мальчик с окраины»).

Рождение нового человека, его становление в реальной жизни волновало воображение советских художников. В том же письме к Горькому Леонид Леонов отмечал, что в «некий величественный ряд» выдающихся личностей прошлых веков «встал исторически новый человек, пролетарий ли? не знаю,— новый, это главное. Конечно, истоки в пролетариате. Вот и требуется отыскать формулу его, найти ту философическую подоплеку, благодаря которой он встал так твердо и, разумеется, победит». Вот эту «формулу» нового характера искал и Вадим Кожевников. Смысл и сущность ее раскрывались для художника в трудовом подвиге человека, ставшего созидателем нового мира.

Новый этап в творчестве писателя неразрывно связан с грозовыми годами Великой Отечественной войны, с боевой работой в газете. Еще в начале тридцатых годов Кожевников стал разъездным корреспондентом «Комсомольской правды». С первых же дней войны он — в одной из фронтовых газет, а затем с 1943 года делается собкором «Правды». Всю войну писатель провел на самых горячих участках фронта, проделав вместе с Советской Армией тяжкий и героический путь, начав его в Подмосковье и дойдя до Берлина.

На фронтовых дорогах, на переднем крае, в периоды крупных сражений и в редкие дни затишья наблюдал художник своего главного героя — советского человека в его непрестанном ратном подвиге. Целая галерея рядовых «тружеников войны» проходит в рассказах Вадима Кожевникова этих лет. Герои его предстают как дельные, решительные и умелые люди, не теряющиеся ни в каких обстоятельствах, смело и спокойно свершающие свои подвиги. Все они знают, за что сражаются, и это — главное в их духовном облике. Таковы разведчик Захар Сипягин (из одноименного рассказа), связной Алексеев («Поединок»), пулеметчик Гладышев («Мера твердости»), снайпер Егор Чекарьков («Воинское счастье») и многие другие персонажи военной новеллистики писателя.

Еще одну важную черту выявляет Вадим Кожевников в своих героях — это глубокую их человечность. Беспощадность борьбы с фашизмом их не ожесточает, тяжкие испытания не заглушают в их душах того животворного гуманистического начала, которое присуще новому, социалистическому человеку. Глубоким лиризмом был овеян рассказ «Март — апрель» (1942), в котором автор показал и жизненную силу, и душевную чистоту, и несокрушимую идейную убежденность двух советских людей — разведчика Жаворонкова, сильного, молчаливого человека, и радистки Михайловой — нежной и стойкой девушки. Все рассказы военных лет, собранные позднее писателем в книги «Тяжелая рука», «Труженики войны», «Март — апрель» и другие, объединяет эта сила жизни, это неприятие всего, что противостоит человечности, это несокрушимое стремление и уверенность в победе над фашизмом, все столь характерное для героев Кожевникова.

В послевоенные годы писатель обращается к историческим истокам этого нового характера, который предстал ему столь многообразно в тяжких испытаниях войны. Вадим Кожевников пишет роман «Заре навстречу» (1956—1957), где обращается к первым годам Октябрьской революции, к периоду борьбы за установление Советской власти в Сибири. Но если тема эта в советской литературе разрешалась как тема **ломки, разрушения** старого мира, как тема вооруженной борьбы, то писатель находит свой особый поворот — он повествует **о строительстве** нового мира. Ведь большевики принялись за него с первых же дней революции. Автор сам вышел из семьи старых большевиков, сам, подобно герою его романа мальчугану Тиме Сапожкову, видел, как начинался повседневный **созидательный** труд революции в глухих, «медвежьих» углах Сибири. Тиме Сапожкову предстает как бы прозаическая, деловая, будничная сторона революции, но постепенно ему открывается **реальная** поэзия этих героических будней.

Роман «Заре навстречу» как бы подводил итог целому периоду творческих размышлений писателя над сущностью и над истоками нового характера, возникшего в самой гуще народной.

Третий период в творчестве Вадима Кожевникова связан с новыми его поездками по стране. Поездки эти были многообразны, но стержневой проблемой, вокруг которой копились художнические наблюдения, была проблема изучения сегодняшней жизни рабочего класса.

Писатель побывал на крупнейших объектах строительства нашей нефтяной промышленности, на строительстве магистральных газопроводов. Так, Вадим Кожевников побывал в Тюмени, где были открыты новые месторождения нефти и газа, на стройке Сибирской трансконтинентальной газовой магистрали. Богатые наблюдения дали ему поездки и в Заполярье, на Норильский комбинат, и в Узбекистан, на полиметаллический комбинат. Целый цикл произведений возник на основе новых жизненных материалов, собранных писателем, новых характеров, увиденных им на стройках пятидесятых-шестидесятых годов. Таковы роман «Знакомьтесь, Балуев» (1959 г.) и примыкающие к нему идейно и хронологически рассказы и повести («Товарищ Елкин», «Водолазы», «На Дальнем Севере», «Бухта Полярная», «Монтажники», «Трасса» и другие). Характерной чертой новых героев писателя является их высокий интеллектуальный уровень. Они умельцы высокого класса, художники своего дела, люди, ищущие новых путей в труде. Всем им присуща, как и прежним героям Кожевникова, готовность к подвигу. И она всегда сочетается у них с трезвой — по-рабочему — оценкой ситуации, а также со спокойствием и решимостью — качествами, воспитанными у многих из героев писателя той фронтовой солдатской жизнью, через которую они прошли.

Строитель магистрального газопровода Павел Балуев — это и смелый, талантливый производственник и знаток «человеческих душ», умеющий объединить вокруг любимого им дела разных, ничем не схожих людей, дать простор проявлению их индивидуальных особенностей. Близки к Балуеву духовно и герои последних повестей Вадима Кожевникова — «Петр Рябинкин» (1968 г.), «Особое подразделение» (1969 г.). В этих двух произведениях писатель вновь связывает дни мира и дни войны, показывая, как в сражениях за советскую землю «закалялась сталь» нового человеческого характера. «Война учила Рябинкина не только бою, но и пониманию того, что среди рядовых нет рядовых людей. Каждый чем-то неповторимо особенный». Бывший слесарь Буков из повести «Особое подразделение» основу героизма ищет в «увлеченности и преданности своему делу». Но «дело» это герои Вадима Кожевникова понимают широко — и как личное, творческое и как общенародное дело для людей и во имя людей.

Недаром в романе «Щит и меч» (1963 г.), обращаясь к образу советского разведчика Александра Белова, показывая опасную и мастерскую его работу в гуще врагов, писатель дает как бы рентгеновский снимок фашистского «антимира». И здесь писатель по-новому подходит к теме столкновения двух миров. В литературе многообразно рассказано о фашизме — агрессивном и воинствующем, уничтожающем целые народы. Вадим Кожевников заставил своего героя пройти через все социальные слои фашистского общества, рассмотреть его, так сказать, «дома», изнутри. Советский человек увидел это страшное, уродливое общество, построенное фашизмом, общество, основанное на принципе «всеобщего поядения», свирепой конкуренции, где человек человеку — беспощадный враг. И герой романа с ненавистью и решимостью противостоит этому чудовищному общественному строю, антигуманизм которого проявлялся не только в столкновении с другими народами, но и раздирал его изнутри.

Все творчество Вадима Кожевникова — это утверждение победы социалистического человека, нового героя исторического процесса над безумным и бесчеловечным миром эксплуататоров.

Мы знаем Вадима Кожевникова не только как известного советского писателя, но и как общественного деятеля — он депутат Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР, редактор журнала «Знамя».

Л. СКОРИНО

А. СОФРОНОВ

НЕДЕЛЯ В ЕГИПТЕ

ЧТО РАССКАЗАЛ МНЕ «ТОВАРИЩ Н.»

Мы сидели в кабинете господина Хейкала, главного редактора «Аль-Ахрам», одной из самых популярных газет в ОАР.

Как и было условлено, в десять утра мы появились в кабинете Хейкала. Хейкал пытливо смотрел на нас. После нескольких общих слов он спросил:

— Вы не знаете, что сегодня произошло утром?

— Нет... Не успели еще просмотреть газеты.

— В газетах еще ничего нет....

В кабинет вошла помощница Хейкала и подала материалы с телетайпа. Хейкал профессиональным взглядом редактора пробежал страницу.

— Израильские самолеты вторглись в воздушное пространство Сирии. В десяти километрах от Дамаска они бомбили места, где расположены палестинские беженцы. Они всюду ищут палестинских партизан.

— Подробности?

— Пока неизвестны... Но был встречный бой.

— Есть потери?

— Подробности пока неизвестны,— повторил Хейкал.— Обождем.

Мы около часа беседовали с редактором «Аль-Ахрам», человеком энергичным, определенным во мнениях. Говоря о советско-арабских отношениях, он не без сарказма упомянул о попытках США поссорить арабов с Советским Союзом на палестинском вопросе. «Они делают все, чтобы испортить отношения Советского Союза с арабским миром»,— сказал Хейкал. В это время в кабинете снова появилась помощница Хейкала с сообщениями телетайпа. Хейкал впился глазами в текст. Глаза его заблестели.

— Три израильских самолета сбито,— сказал он.— Там был настоящий бой. Пострадало, как всегда, от этих израильских бандитов гражданское население. Ну, ничего... Наш народ оптимистически смотрит на свое будущее. В массе людей у нас отсутствуют пораженческие настроения. Мы уверены, что настанет час, когда восторжествует дело справедливости.

— Настоящие друзья никогда не оставляют друг друга в беде,— сказали мы, прощаясь с Хейкалом.

Естественно, находясь в Каире, я высказал египетским друзьям свою личную просьбу — устроить мне встречу с кем-либо из палестинских партизан, чтобы я мог побеседовать с ним.

Такая возможность была мне предоставлена. На квартире одного из египетских друзей мы встретились с еще сравнительно молодым человеком, очень серьезным и, как мне показалось, застенчивым. Я спросил его:

— Вероятно, я не смогу назвать ваше имя?

— Да... Не сможете... У нас присяга.

— Во время Великой Отечественной войны при встречах с партизанами мы чаще всего пользовались обозначением «товарищ Н.». Можно, я и вас обозначу так же?

— Пожалуйста... Как вам будет удобнее.

— Я бы хотел знать некоторые исходные, возможные для опубликования в советской печати данные об организации движения палестинских партизан.

— Я не думаю, чтобы вам была интересна вся история нашей борьбы. Поэтому я буду говорить, скорее, приближаясь к нашему времени. Итак, в 1917 году англичане оккупировали Палестину. Они вынашивали идею создания в своих интересах сионистского государства... Уже тогда палестинские арабы поднялись на борьбу за свои суверенные права. Борьба шла с переменным успехом. Но с 1947 года, когда ООН закрепила создание государства Израиль и сионисты начали преследовать и терзать арабское население, наш народ, снова поднялся на активную борьбу. У нас есть одна главная, коренная, генеральная задача — воссоздание родины. Этому мы посвящаем наши жизни. В борьбе за это мы готовы отдать наши жизни. Мы знаем, как вы безумно храбро сражались с фашизмом, так же мы сражаемся и готовы сражаться до полной победы с сионизмом. Мы знаем, что вы всем сердцем поддерживаете нашу борьбу. Вы не хуже нас знаете, что империализм и сионизм — это одно и то же. Они выступают против Советского Союза и социалистических стран. Международный сионизм порочит Советский Союз, сеет всякие провокации, утверждая, что у вас в стране антисемитизм. Впрочем, об этих провокациях вы знаете не хуже нас... Мы сейчас находимся в тяжелом положении. Мы ведем борьбу против иностранных оккупантов. Наши герои не жалеют своих жизней в этой борьбе. О нас распространяют различные гадкие версии. Но это неправда. Мы не против евреев. Мы уважаем их как людей. Мы добиваемся в палестинском государстве равенства арабов и евреев. Успех борьбы за такое государство зависит не только от нас. Если сионизм окажет окончательно губительное влияние на граждан Израиля, мы тогда не найдем общего языка. Если они будут утверждать, что могут жить в дружбе с арабами, мы готовы жить с ними бок о бок и дружить. Но если они будут продолжать стремиться к войне, мира не будет. Мы им такого удовольствия не предоставим. Нас иногда спрашивают: против чего вы боретесь? У нас очень простой ответ: мы боремся против сионизма и его происков.

Мой собеседник остановился и посмотрел мне в глаза. В его взгляде я чувствовал вопрос: в самом ли деле вам интересно все, что я здесь говорю? Я коснулся его руки и сказал:

— Если можно, говорите дальше. Нас все это очень интересует, все близко нашему сердцу.

Товарищ Н. застенчиво улыбнулся.

— К сожалению, некоторые, даже прогрессивные люди Европы из Франции, Италии, некоторых других стран не понимают и даже осуждают борьбу палестинских партизан. Поэтому у нас выработалась некоторая защитная реакция. Я расскажу вам о более конкретных фактах нашей борьбы. Она у нас очень многогранная. Наша опора — группки командос. Они успешно действуют на территории Израиля. Это самая настоящая партизанская деятельность. Вы знаете, как действуют партизаны?

— Знаю.

— Тем более... Наши партизаны уже провели много успешных операций против израильской армии. Это признано даже в прессе Израиля. В самом Израиле мы действуем во всех направлениях. Здесь годится все: и слова и действие. В одном случае взрыв склада горючего. В другом демонстрация против оккупантов. Такие демонстрации были в Газе, Халасе, Рафахе, Наблусе, Рамине, Альбире и многих других местах. Демонстранты строили баррикады. Студенты гранатами выводили танки из строя. Уничтожали оккупантов. В местечке Бир-зейт состоялась демонстрация. Двенадцать арабов было убито. Многие кровавые события произошли в Рамалле. Мы, по существу, ведем гражданскую войну партизанскими методами. Эта борьба продолжается, с каждым днем становясь сильней. Мы ведем большую работу по созданию баз внутри Израиля и поблизости от его границ. Мы не смогли бы вести борьбу, если бы не имели этих баз. Израильское правительство объявляло несколько раз об аресте различных групп — то в десять, то в двенадцать, то в пять человек. Это правда. Все эти группы принадлежали Фронту национального освобождения. Вместе с этим

Окончание. Начало см. «Огонек» № 15.

израильское правительство утверждает, что внутри страны нет ни наших партизанских групп, ни возможностей для их нахождения. В данном случае, впрочем, как и в большинстве случаев, правительство Израиля обманывает и себя и общественное мнение.

Конечно, наши люди живут не только в самой стране. Они живут и в других государствах. Но если они временно вынуждены жить вне отечества, разве это лишает их права бороться с врагами своего отечества? Когда вы сражались с немецким фашизмом, вы прибегали широко к партизанской борьбе. Ваши люди сражались в основном на родной земле. Но мы ведь знаем, что многие советские люди сражались в партизанских отрядах и в отрядах Сопротивления и во Франции, и в Италии, и в Югославии, и в Чехословакии. Где бы они ни сражались, они сражались с немецким фашизмом. Палестина не такая огромная страна, как Советский Союз. Нас выбросили с родной земли. Но мы находимся на границах Израиля. Мы видим своего врага. И пусть враг трепещет! Торжество его временное. Мы всюду. И за рубежами нашей родины и внутри нее. Конечно, в условиях нашей страны трудно скрыть большую группу вооруженных людей. Поэтому мы действуем мелкими группами. Мы опираемся на свои базы для переброски с одного в другое место. Мы осуществляем координацию действий как внутри страны, так и за ее пределами. Наш враг злобен, хитер и коварен. Поэтому мы рассчитываем нашу борьбу не на дни, а на годы. Как вы когда-то не давали ни одного дня покоя фашистам, так и мы не будем давать израильским агрессорам ни часу покоя. Для нас является примером героическая борьба алжирского народа. Если помните, базы алжирских партизан были на землях Марокко и Туниса.

Мы восхищаемся борьбой народов Южного и Северного Вьетнама. Их героическая борьба является для нас прекрасным примером. Какая бы ни была сейчас трудная ситуация, мы смотрим вперед оптимистически. С нами правда, значит, мы победим. Нашей задачей является мобилизация всего палестинского народа. Все арабские народы с нами. Они не только сочувствуют, но и активно помогают нам. Сам Израиль своими действиями, своим упорством помогает созданию невыгодной для него ситуации. Ведь каждому ясно, что ни египтяне, ни сирийцы, ни иорданцы не будут вечно мириться с потерей родных земель. Они надеются вернуть их. Израильские лидеры же выступают с сумасбродными заявлениями о создании огромного сионистского государства. Эти заявления заставляют думать народы арабских стран о постоянной угрозе сионизма.

Сионизм выдвигает дилемму — либо сражаться, либо погибнуть. Лидеры сионизма стараются убедить свой народ, что выхода нет — либо быть убийцами, либо быть убитыми. Ясно же, что такая идеология не имеет жизненной перспективы. Любой здравомыслящий человек отвергнет ее. Те, кто одурманен сионизмом,— мы уверены — в конце концов откажутся от него. А те, кто не откажется, будут прокляты не только арабскими, страдающими сейчас народами, но и народами всех стран. Мы уверены в этом, так как сионизм — это такой же источник войн, как и империализм.

Беседа длилась уже долго. Поскольку она происходила в арабском доме, то мы явно мешали проявлению египетского гостеприимства. К нам в комнату уже несколько раз заглядывали.

— Чтобы закончить, я хочу сказать вам еще вот что. Мы оптимисты. Исторические оптимисты. Не для того арабские страны сбросили империалистическую кабалу, чтобы сейчас попасть в кабалу к сионистам. Мы много работаем над воспитанием нашей молодежи. У нас созданы пионерские организации. Мы даем нашим детям хорошее образование и физическую подготовку. Многие из наших детей живут в лагерях палестинских беженцев. С первого проблеска сознания мы воспитываем их в духе того, что сионизм является их главным врагом. Вместе с этим мы воспитываем их на подвиге Сталинграда, на подвиге Вьетнама.

На этом и кончилась наша беседа с «товарищем Н.». По всем правилам международного этикета я бы должен был назвать моего собеседника «господином Н.», но я не смог этого сделать, так как он был партизаном, борцом за национальную свободу, а значит, моим товарищем и товарищем моих товарищей.

Каир. Набережная Нила.

ВСТРЕЧА С АНВАРОМ САДАТОМ

Во время одной из встреч в помещении Союза писателей ОАР Юсеф эс-Сибаи сказал мне:

— Только что позвонил Анвар Садат. Узнал, что вы находитесь в Каире, и сказал, что обязательно хочет повидать вас.

— Когда?

— Если можно, сейчас.

Мы сели в машину и отправились в газетно-журнальный комбинат, где в это время находился Анвар Садат. Я был очень рад предстоящей встрече. Еще с начала 1957 года узнал я Садата. После франко-англо-израильской агрессии вместе с миссией доброй воли Комитета азиатской солидарности прилетел я в Каир, и первым, кто помог в то напряженное время установить контакты с общественными организациями Египта, был Анвар Садат. Сам блестящий журналист, он в ту пору часто выступал в советской прессе. При встрече с Садатом я попросил его написать статью для «Огонька», и он выполнил мою просьбу. Тогда же он помог нашей миссии доброй воли встретиться с Гамаль Абдель Насером. Три часа мы беседовали с главой египетского государства. Высказали нашу просьбу о том, чтобы Каир стал местом проведения Первой конференции солидарности народов Азии и Африки. В конце очень интересной беседы Насер сказал нам: «Каир в вашем распоряжении. Считайте Каир своим домом».

В конце декабря того же года в Каире открылась Первая конференция солидарности народов двух могучих континентов. Председателем этой конференции был избран Анвар Садат. Много лет прошло с тех пор, и много встреч было с Анваром Садатом и в Каире, и в Конакри, и в Гаване, и в Москве. Осенью прошлого года состоялась еще одна встреча с Анваром Садатом в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, на которой были обсуждены вопросы подготовки и проведения Международной конференции в Хартуме в поддержку борьбы народов португальских колоний и юга Африки и Международной конференции в Каире в поддержку борьбы арабских народов против израильской агрессии.

...Мы вошли в большой, полукруглый по внешнему изгибу здания кабинет. Солнце било в широкие окна. С полдюжины телефонов сверкало под лучами. Но кабинет был пуст. Сибаи вышел из кабинета. А следом раскрылась дверь, и вошел Анвар Садат и еще несколько человек. Он представил каждого. Это были редакторы изданий, деятели Арабского социалистического союза. В это время зазвонил телефон, и Садат снял трубку. Ему что-то говорили, а он, словно в такт речи, кивал головой, изредка бросая одно-два слова. Затем он обернулся, приветливая улыбка осветила его энергичное лицо.

— Рад видеть своего брата в Каире. Это очень хорошо, что у нас такие тесные связи.

— Действительно, за эти годы пройден большой путь взаимного понимания и дружбы.

— Да, да,— сказал Садат.— Но мы теперь не просто друзья. Мы стали союзниками. Мы очень хорошо понимаем друг друга, наши страны стали очень близкими. Помните первую конференцию? Вашу делегацию возглавлял Шараф Рашидов. Мы очень успешно тогда работали и создали мощную организацию солидарности. Теперь мы уже видим плоды своей работы.

Снова зазвонил телефон. Садат снял трубку. Выражение озабоченности легло на его лицо. Он снова кивал головой. А потом вдруг разразился в трубку небольшой, но резкой речью. Затем повесил трубку.

— Извините... Готовимся обсуждать в Национальном собрании продажу Англией Израилю новых партий вооружения, в частности танков. Эти империалисты все на один манер. Израиль — империалистический клин в арабском мире.

Я видел, что Садат был захвачен многими вопросами.

— Много работы? — спросил я.

— О-о! — воскликнул Садат.

— Передайте наши сердечные приветы президенту Насеру. Как он себя чувствует?

— Президент чувствует себя очень хорошо. После лечения в Советском Союзе его здоровье очень окрепло... И работает сейчас вдвое больше.

Снова зазвонил телефон...

Мы попрощались с Анваром Садатом.

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ОДНОВРЕМЕННО В ДВУХ ЛАГЕРЯХ

Может быть, потому, что этот приезд в Каир был связан непосредственно с литературными делами, мы очень много общались с египетскими писателями. Уже в первый вечер мы оказались в обществе Абдурахмана Хамиси, большого нашего друга, разностороннего литератора, кинорежиссера и композитора. Мне очень хотелось повидать его, пожать ему руку, сказать сердечные слова утешения: в прошлом году летом от вспышки газа в квартире сгорела его жена, оставив двоих маленьких ребятишек. Мы были в его доме. Видно, что друзья не оставляют Абдурахмана одного. Мы прослушали на магнитофоне запись песен, посвященных погибшей подруге Хамиси.

Нас приглашал в гости Юсеф Идрис, один из самых талантливых прозаиков ОАР. Земляки называют его египетским Чеховым. Седой, но еще далеко не старый, с отличным чувством юмора, он рассказывал о своей работе. Мы несколько подискутировали, разойдясь во взглядах, о Льве Толстом и Достоевском. Я спросил, читал ли Идрис «Тихий Дон» Шолохова.

— Да... Но там много неоправданных жестокостей.

— На каком языке вы читали?

— На английском.

— Не лондонское издание «Путнам»?

— Да, кажется.

— Но вы знаете, что именно это издательство изъяло из «Тихого Дона» сто десять страниц текста, как раз те места, где Шолохов описывал интервенцию, белогвардейщину и многое такое, ради чего написан «Тихий Дон»?

— Неужели это может быть?

— Они много раз повторили это издание. И вводят в заблуждение читателей.

— Но тогда они негодяи?!

По этому вопросу мы не дискутировали, здесь у нас была абсолютно общая точка зрения.

...Мне уже однажды пришлось рассказывать об арабском, а точнее, палестинском поэте Муине Бсису. В августе прошлого года мы познакомились с ним в Дамаске, затем увиделись в Ташкенте на литературном симпозиуме. Прощались мы с ним уже в ноябре прошлого года в Москве. За время пребывания Муина Бсису в Советском Союзе наши переводчики перевели книгу его стихов. Сейчас эту книжку мы готовим для издания в библиотечке «Огонька».

На этот раз мы снова встретились с ним в Каире. Бсису переехал из Дамаска в Каир и в настоящее время работает в газете «Аль-Ахрам». Худой, высокий, очень нервный, он всегда, казалось, находится в состоянии творчества. За эту неделю не один раз он утром появлялся у меня в номере отеля «Нил» и читал новые стихи. Его гортанное, глуховатое произношение обладало магическим, завораживающим свойством. Чаще всего с Муином Бсису был Махер Асаль, семь лет проучившийся в Советском Союзе, по-моему, по гидрологической специальности. Он отлично переводил с арабского на русский и с русского на арабский.

Муин Бсису познакомил меня с интереснейшим человеком, его старшим другом, доктором Луисом Авадом. Автор многих литературоведческих работ о египетской, в том числе и современной, литературе, в настоящее время он работает в издательстве «Аль-Ахрам» советником по литературным вопросам. Муин Бсису должен был сделать интервью для газеты «Аль-Ахрам». По приглашению Луиса Авада мы отправились в его рабочее обиталище, находившееся за несколько кварталов от пирамид. Здесь было тихо, спокойно. Вокруг зеленели огороды. Поблизости синела вода канала. Словно в строю, стояли весенние тополя. Мы поднялись на четвертый этаж. Вошли в большой, заставленный книжными полками кабинет.

— Здесь я могу спокойно работать,— сказал Авад.— Я снял эту квартиру для того, чтобы писать. У меня есть квартира в центре Каира. Там живет жена. У нее пять собак и двадцать кошек. Для меня это слишком много. Детей у нас нет. Здесь тихо, и я могу работать.

Мы сравнительно быстро покончили с интервью. Это было тем более несложно, что от частого общения Бсису знал о том, что я думаю по тем вопросам, которые его интересовали.

А затем потекла беседа. Бсису очень любит поэзию Владимира Маяковского. Отлично знает его стихи.

— Знаете, какие строчки я больше всего люблю у Маяковского? «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» И еще: «Я волком бы выгрыз бюрократизм». Какой гигант! Согласны? Поэт должен быть однолюбом! Во всем и особенно в политике. Я знаю одного поэта. Он талантлив. У него хорошие стихи. Но он перестал быть для меня близким, потому что изменил тем идеалам, которые мне близки. Идеалам прогрессивным. Я могу понять обыкновенную проститутку. Даже можно полюбить обыкновенную проститутку... Все бывает в жизни... Но я презираю политических проституток. Нельзя стоять двумя ногами в двух лагерях. Нельзя одновременно сосать двух маток. Вы согласны со мной? — спросил он меня требовательно.

— По-моему, этой теме у нас с вами посвящено все интервью, Муин?

Муин засмеялся и махнул рукой.

Раздумывая о том, какие изменения произошли за последние годы в отношениях между советскими и египетскими, а скорее всего и с писателями подавляющего числа арабских стран, невольно приходишь к мысли, что наши связи стали значительно прочнее, конкретнее и менее официальными. На мой взгляд, в этом отношении большую роль сыграла Ассоциация писателей Азии и Африки, центр которой находится в Каире.

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩЕМ Н.

Я несколько колебался, стоит ли включать в эти записки рассказ о еще одной встрече в ОАР. Но поскольку она, во-первых, состоялась, во-вторых, произошла в Каире, то, собственно, почему я должен о ней умолчать? Друзья из советского посольства в ОАР сказали мне:

— Анатолий, тебя хочет видеть твой старый друг, с которым ты виделся двадцать семь лет назад в Брянских лесах.

— Кто?

— Советник нашего посольства Павел Ефимович Недосекин.

— Брянский партизан?

— Да.

Я задумался. Прошло действительно почти двадцать семь лет, когда я, военный корреспондент газеты «Известия», по разрешению командования вместе с корреспондентом «Красной звезды» полковником П. Крайновым 6 ноября 1942 года перелетел на самолете линию фронта. Самолет приземлился в расположении группы отрядов брянских партизан. Взял нас с собой в полет начальник штаба партизанских отрядов Брянщины, ныне уже покойный, товарищ Матвеев. Перед полетом он спросил меня:

— Готовы лететь?

— Готов.

— Все с собой взяли?

— Все... Только продовольствия нет... Сухарь один.— Я достал из кармана шинели большой твердый солдатский сухарь.

— Об этом не беспокойтесь. На праздник летим.

Самолет садился на партизанском аэродроме. Когда мы, промерзшие, высыпались из самолета и попали в объятия партизан, мы еще не очень ориентировались, где мы находимся. Только видели, как партизаны гасили костры вдоль посадочной дорожки.

В тот же вечер в землянке я спел песню, которую трепетно вез к брянским партизанам,— песню «Шумел сурово Брянский лес», написанную мною вместе с композитором Сигизмундом Кацем. Кац остался в расположении штаба фронта, а я, запомнив мелодию песни, привез ее, чтобы оставить, если она затронет души партизан.

И вот там и встретились мы с товарищем Н. двадцать семь лет назад. А сейчас уже в Каире он напоминал мне какие-то исчезнувшие с течением времени детали и события тех дней. И словно через тучи и облака, пробилось в памяти его молодое еще тогда, да молодое еще и сейчас, лицо — волевое, с твердостью в глазах, лицо человека, много, очень много повидавшего и испытавшего в жизни.

Товарищ Н., Павел Ефимович Недосекин, познакомил меня со своей женой, Евгенией Федоровной. И боже ж ты мой! До чего же интересна и сложна жизнь! На приеме в нашем посольстве в честь 51-й годовщины Советской Армии познакомились мы с ней, и как-то было странно видеть полную спокойствия и достоинства, но, кажется, совсем молодую женщину. Но ведь она же там тоже была?!. И в тот самый вечер, когда мы в землянке пели песни, и в том числе новую, только привезенную. И было ей всего восемнадцать лет, радистке «Стрелке», как она сама себя называла, вздыхая и улыбаясь, когда мы с широким кругом друзей сидели в каирской квартире Недосекиных.

— Он же за мной тогда, в это время, и начал ухаживать,— сказала Евгения Федоровна, чуть прищурясь, смотря на Павла Недосекина.

Много в тот вечер было воспоминаний о Брянских лесах, о друзьях, живых и ушедших, память о которых нетленна.

А уже где-то посреди ночи поехали мы к пирамидам. Они стояли, врезаясь в черное звездное небо, освещенные ослепительно белым светом луны. Павел Ефимович сидел за рулем. Евгения Федоровна рядом с ним. Мы объехали пирамиды. Остановились и вышли из машины. Гулкая тишина лежала над пустыней. Было свежо и прохладно.

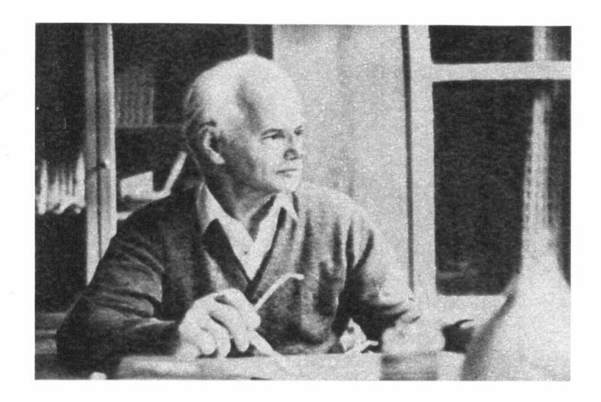
— Так вот где мы снова встретились, товарищ Н.,— сказал я Недосекину.— Далековато от Брянских лесов.

— А все потому, что мы верили в нашу победу.— Недосекин говорил чуть глуховато.— Потому что мы не жалели ни крови, ни жизни для нашей победы.

Накануне 8 Марта, уже в Москве, я смотрел телевизионную передачу о брянских партизанах. Партизаны и партизанки Брянщины просто и совсем не цветисто рассказывали о боевых буднях, о том, как они делали все, чтобы превратить в ад каждый час жизни фашистских оккупантов, вторгшихся в русские земли. Партизаны и партизанки сидели за столом и рассказывали о себе. Только одной партизанки не было с ними. На экране показали фотографию Евгении Федоровны Недосекиной, знаменитой партизанской радистки. Сама же Евгения Федоровна была в это время в Каире и занималась преподавательской работой.

Я с некоторой тоской улетал из Каира, потому что не успел из-за многих встреч, выпавших на одну неделю, вдоволь побеседовать с Недосекиными. Надеюсь, что это все еще будет впереди. Уж больно интересна их жизнь.

Каир — Асуан — Москва.

Степан ЩИПАЧЕВ

ВЕТЕР С ПОЛЕЙ

В ДЕРЕВНЕ

Все ближе деревня родная.
Дорога петляет в хлебах.
С колосьев пыльца ржаная
горчит у меня на губах.

А вот и деревня. Навстречу —
старушка. Наверное, с речки.

Мне «здравствуй» привычно
сказала,
топчась у своих сеней.
Не сразу, но мне показалось
знакомое что-то в ней.

Похожа и непохожа
на ту, на бедовую ту,
что многим парням на беду
всех девок была пригожей.

Ах, Лина Савёлкова! Вот как
мы свиделись... На столе,
на чистой скатерке — не водка,
а свежий пшеничный хлеб
да крынка со льда и стакан,
туманом подернутый от молока.

Глядим друг на друга, а время
летам нашим знает счет.
Едва ли кого в деревне
узнать я смогу еще.

СТАРЫЕ НАЗВАНИЯ

Чёрданцы — это названье
деревни
той, что у края лесной тишины.
Дух земляничный и сумрак
древний
в этом названье соединены.

Предки тут, видно, ценили слово,
если назвали село:
Черная Корова.
Так бы такое на слух не легло.

Есть и село Травяное
там в травяных местах,
где в комарином зное
пчелы тяжелые на цветах.

Пусть, как из прошлого вести,
входят они простотой своей
к нам в электрические созвездья,
в будущее родных полей.

СТРОЧКИ, СЛОЖИВШИЕСЯ ВО СНЕ

В сумке дорожной стихи да хлеб.
Плащ перекинут через плечо.
Раннее утро. Заря еще,
словно знамя в чехле.

РЖЕТ ЖЕРЕБЕНОК

На плато
в травяных лугах
ржет жеребенок,
быстрый, на длинных ногах.

Ноздри трепещут,
от ржания сладко до дрожи.
Ветер
гривку
ерошит.

Подъехал табунщик,
руку не снял с луки.
Он любит,
как ржут стригунки.

Солнце ушло за горы,
за день, видать, устает.
Ржет жеребенок,
воздух ноздрями пьет.

Нет дела ему,
что родился он в веке моторов,
что кони в диковину будут
скоро —
ржет,
и заря из прохлады теснин
перекликается с ним.

ПРОСЬБА

Собаку задавили
у кромки дорожной.
Шоферы,
будьте осторожны!
Из города едете
или в город,
в поселках
сбавляйте скорость.
Вас
мальчик и девочка просят
об этом,
мальчик и девочка,
Трезора похоронившие
за кюветом.

О ТЕБЕ

Ты не из слабых вовсе,
и все же в руках немота
от стирок и от авосек...
Уборка. Пышет плита.
Двое ребятишек,
Муж непутевый — пьет.
Стала характером тише.
Случается — бьет.
С работы придешь —
не прической
занята будешь ты:
в воде холодной и жесткой
пальцы — до ломоты.
Есть выходные. Знаешь —
в календаре они.
Ты же, как заводная,
и в выходные дни.
Твои красивые ноги
в очередях устают.
Тридцать тебе с немногим,
а сорок дают.
Быт. Он бездушен часто,
и ноша его нелегка,
а женское счастье,
как стебелек цветка.
Думать об этом грустно.
От чада на кухне мгла.
Прядку волос темно-русых
рукою от глаз отвела.
Моешь картошку, режешь
капусты тугой кочан.
Только смеешься все реже,
плачешь по ночам.
На табуретках корыто.
Стирка опять до полдня́.

Глядят с иностранных открыток
красавицы на меня.
Сняты то сидя, то стоя.
Прически — волной.
Они для меня не стоят
улыбки твоей одной.

ЗИМИНКИ

Сотруднице отделения связи

Я попросил конвертов, марок.
Ты улыбнулась мне слегка,
видать, узнала старика.
Ты выглядишь еще нестарой:
тебе не дашь и сорока.
И все же, все же сколько их,
зиминок в волосах твоих!

ЯБЛОНИ

Вокруг на километры
раскинулись сады.
Тут ветер, осторожней —
недолго до беды.
На шаткие подпорки,
на забор, на тын
навалились яблони
телом золотым.
В сушь грозо́вым ливнем
жажду утоля,
женственную силу
им дала земля.
К душным и душистым,
к прелести такой
сладко прикоснуться
с нежностью мужской.

ЗАСТОЛЬЕ

Вино прольется — не жалей.
Сегодня я справляю юбилей.
Неприглашенные пусть извинят.
Протягиваю руку им.
Нежнее хрусталя звенят
серебряные чаши зим.

Не молкнут, как заведено,
и тосты, но не в пошлом тоне...
Уже распахнуто окно —
Вселенная, как на ладони.

Шел месяц в голубом долу́,
шел и светил на всю округу.
Как не позвать его к столу,
не протянуть такому руку.

Мы во хмелю, но мыслим зрело,
что здраво здравым признаем.
Не из «летающих тарелок»
закуску вилками берем.

Не прерывая разговора,
я от стола в конце концов
не только своего боксера —
не отогнал и «Гончих псов».

Коперник трогает рукою
скатерку, бровью шевеля.
Он нездоров, но он спокоен:
он знает,— вертится Земля.

Ньютон, еще почти что трезвый,
душистое, еще в росе,
он хочет яблоко разрезать
то самое, что знают все.

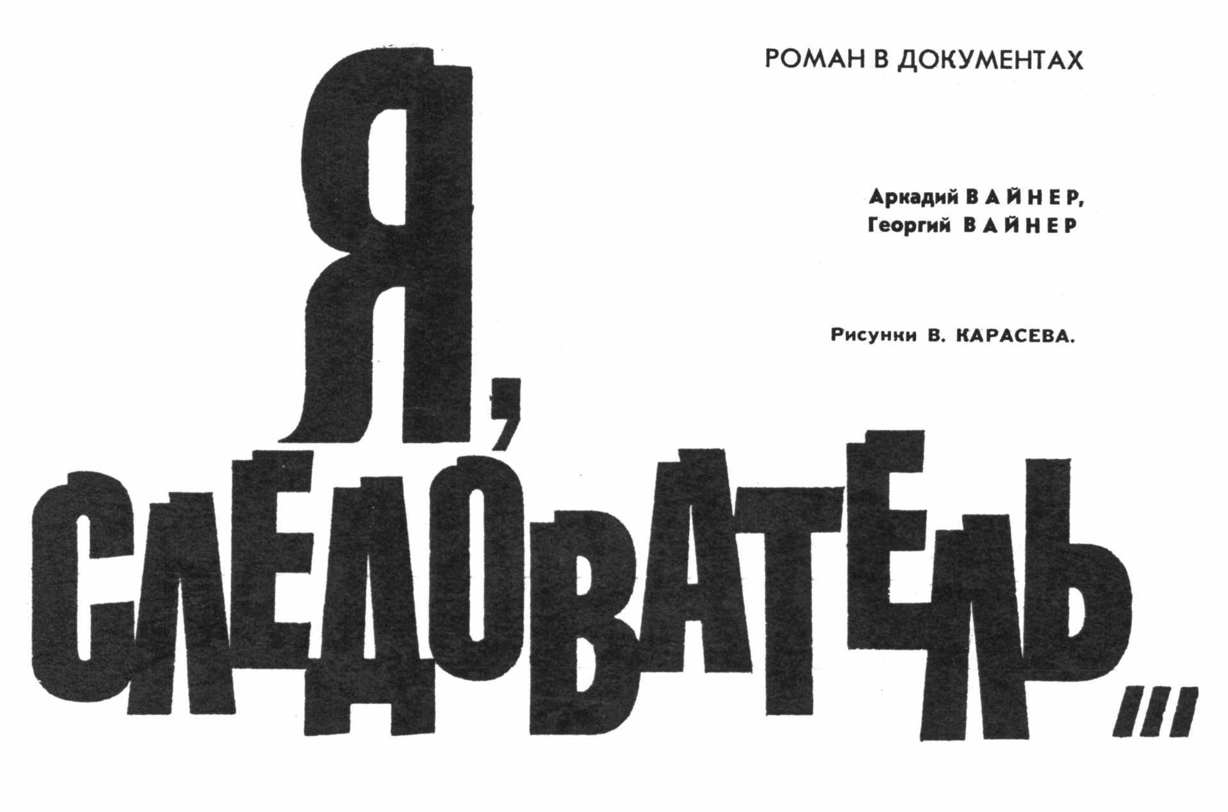
Софокл античным жестом дарит,
пока не узнанный никем.
С ним рядом примостился Дарвин,
облокотясь на уголке.

Пришло немало и поэтов,
хоть комната моя — не зал.
Меж ними Пушкин... он про это
куда б забавней написал.

Вы скажете: «Свои седины
срамишь. Гостей со всей Земли
наприглашал, чтоб чаши сдвинуть
с тобой великие могли.
Тщеславие!»
Нет, все само
сложилось так, прошу поверить.
Ведь переплеты их томов
для них не запертые двери.

Да и лежал их путь недолог.
Что́ страны им, что́ города,
когда с библиотечных полок
им пять шагов пройти сюда.

А впрочем, все не так. Отвечу
на ваш возможный пересуд:
им трезвостью своею вечность
поднадоела — вот в чем суть.

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 18.

Ах, каких только не было на рынке цветов! Гладиолусы, хризантемы, гортензии, а роз не было. Я дважды прошел вдоль цветочного ряда — роз не было. Можно, конечно, купить гладиолусов. Но это не то, мне нужны были розы. Наверное, поэтому их и не было. Ведь даже в очередь за мной никто не становится.

И тут передо мной вырос Мишка-Копыто. Мы не виделись много лет, с тех пор, как я сдал его конвою Бутырской тюрьмы. Но к каждому Новому году он присылал мне поздравительные открытки и благодарил за разговоры «душа в душу, глаз в глаз», писал, что «завязал» навсегда. Когда-то, несмотря на сильную хромоту, Мишка был выдающимся карманником. В блатном мире его уважительно называли «этот человек с гибкими пальцами». И мне здорово пришлось с ним повозиться...

— Товарищ начальник! — заорал Мишка и — доверительно, тихо: — Лопни мои глаза — вы здесь кого-то «пасете»?

— Поберегите глаза, Миша. Я ищу розы.

— У кого-то взяли «розы»? — деловито осведомился Мишка.

Я захохотал, сообразив, что Мишка меня неправильно понял: на «фене», блатном языке, «розы» означают драгоценные камни. Потом сказал:

— А я думал, Миша, что вы уже забыли «феню».

Мишка подошел вплотную, сильно приволакивая хромую ногу.

— Забывать ничего не надо. Кто легко забывает, тот быстро снова повторяет. Хорошая память еще никому не сделала плохо.

— Это вы правильно сказали, Миша. Но я ищу обычные, простые розы. Можно чайные.

— Идите себе к воротам и ждите.

Минут через десять Миша пришел с огромным букетом, завернутым в какую-то афишу. Я откинул край бумаги — и ахнул! Далеко было моему свадебному букету до этого. Я полез в карман за бумажником. Мишка крепко взял меня за руку и, глядя в глаза, сказал:

— Вы за свои подарки тоже берете деньги?

— Да, но... это...— смутился я.

Мишка, видимо, уловил мои сомнения:

— Можете спокойно дарить этот букет. Миша-Копыто чужого не берет. Без спроса, то есть...

...Девушка в голубой шинельке и платочке, повязанном поверх кокетливой пилотки, остановила меня у выхода на взлетное поле.

— Это бессмысленно. Уже откатили трап...

Я еще спорил с ней, хотя тоже понимал, что это бессмысленно. И почему-то вспомнил, что двери в самолетах запираются герметически. Дождь ударил сильнее, и холодные струйки противно потекли за воротник. Да, в век технического прогресса дождь самолетам не помеха. И вовсе не помощник он двум бестолковым людям, которые любят друг друга и не могут никак договориться. На самолете и в дождь работают всякие там радары, автопилоты и разные другие диковины.

Я стоял под дождем, бездумно приглаживая мокрые волосы, и смотрел, как винты «ИЛа» скручивают из дождевых нитей сверкающие дрожащие диски. Потом как-то безразлично подумал: «Интересно, Наташа меня видит?» Вспыхнули факелы у выхлопных труб, моторы оглушительно завыли, и самолет поехал в другой конец поля, уменьшаясь и тая в дождевой пелене. Потом, уже еле видный, он остановился, развернулся, заревел еще громче и очень быстро побежал мне навстречу, и я был уверен, что около меня он затормозит. Но на середине полосы он легко подпрыгнул и, прошив низкую ветошь серых облаков, исчез из глаз. И я испугался, что больше никогда не увижу Наташку...

В зале аэропорта толкался и шумел народ, суетились носильщики. Я прижимал к себе свой необыкновенной красоты букет и тоскливо думал, что надо ехать в райотдел и снова допрашивать, посылать запросы, читать ответы. Расследовать.

Динамик загрохотал прямо над ухом: «Самолет ТУ-104, следующий рейсом 718 из Москвы, прибывает через десять минут...»

Молодой человек, слушавший сообщение с напряженным бессмысленным лицом, сорвался с места и побежал на перрон. Когда он пробегал мимо, я поймал его за руку:

— Простите, вы встречаете девушку?

— Нет, маму. А что?

— Подарите эти цветы вашей маме. Ей будет приятно.

— Спасибо,— сказал он растерянно.— Но откуда вы узнали?

— Ничего я не узнал,— сказал я грустно и вышел на улицу...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о назначении криминалистической экспертизы.

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ,
рассмотрев материалы уголовного дела,

УСТАНОВИЛ:

При осмотре места происшествия обнаружен обрывок медицинского рецепта, на котором сохранился оттиск печати с неразличимым текстом. В кармане убитого находилась расческа, на которой имеется малоразборчивое фабричное клеймо.

Установлению личности убитого может способствовать текст оттиска печати на рецепте и выявление фабрики — изготовителя расчески.

Принимая во внимание, что по делу необходимо получить заключение специалистов,

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить криминалистическую экспертизу, которой поручить:

а) Восстановить текст оттиска печати на рецепте;

б) Восстановить буквы или знаки, составляющие фабричное клеймо на расческе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 19.

Если графически изобразить динамику расследования, то получится спираль, центр которой — само преступление. Следователь всегда старается охватить первым витком самые реальные версии и бросающиеся в глаза факты.

Только замкнув виток в кольцо и убедившись, что оно пустое, следователь расширяет орбиту поиска. Мое первое кольцо замкнулось пятого сентября, в три часа дня. Нарочный привез справку из «Крымспецстроя» — моя сеть была пустой, как карман накануне получки...

«В СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ.
СПРАВКА треста «КРЫМСПЕЦСТРОЙ»

На Ваш запрос сообщаем, что второго сентября с/г шофер Нигматуллин А. перевозил в Судак инструменты (лопаты, кельмы, слесарные) и архивные бухгалтерские документы, списанные в связи с истечением срока их хранения. В пути следования одна из пачек развязалась, и ветром сдуло почти половину документов. Никакой ценности для треста эти документы не представляют.

СТАРШИЙ БУХГАЛТЕР СУДАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
треста «КРЫМСПЕЦСТРОЙ»
ЯШИНА».

ЛИСТ ДЕЛА 20.

Оперативник Климов шумно вздохнул:

— Выходит, что ничего мы по делу и не раскопали?

— Так-таки уж и ничего,— слабо улыбнулся я.

— Да что там! — махнул рукой Климов.— Чует мое сердце: это дело — безнадежное. Мертвое. Никаких концов, никаких свидетелей. Трудно даже представить, что там у них, на шоссе, произошло.

Я поиграл карандашом, потом не спеша сказал:

— Ну, ну, Климов, при чем здесь ваше сердце? Давайте лучше проявим немного больше...— я запнулся, потому что не мог сразу припомнить,— «свободного пространственного воображения». Вот так!

— Чего-о? — обиделся Климов.

— Свободного пространственного воображения,— сказал я.— Вот возьмите протокол осмотра и план места происшествия. Теперь я буду рассказывать, что произошло на шоссе, а вы приготовьтесь возражать. Если найдется что возразить.

— Хорошо,— недоверчиво глядя на меня, сказал Климов.

— Третьего сентября, около полуночи, невдалеке от поселка Солнечный Гай остановилась машина. Это был легковой автомобиль, вероятнее всего, «Волга». Из нее вышли двое. Они вполне мирно, возможно, даже дружелюбно беседовали около минуты и оба курили. Потом, когда один отвернулся, второй три раза выстрелил ему в затылок. Убийца наверняка в этих местах человек чужой. Он высокого роста, очень сильный физически, один передний зуб у него вставной, возможно, золотой. Когда убитый упал, убийца еще несколько минут стоял неподвижно, прислушиваясь. Потом взял труп и оттащил его в кусты. Вернулся назад, достал из машины лопату и собрался труп закопать или хотя бы присыпать землей. В этот момент его кто-то спугнул. Он с размаху воткнул лопату в грунт, быстро сел в машину и уехал.

— Все? — спросил терпеливо Климов.

— Нет, не все. Вскоре он вернулся на место преступления.

Климов хотел перебить, но я предостерегающе поднял руку.

— Да-да, Климов, он вернулся. Он хотел закопать труп. Но из-за темноты и вполне понятного страха он перепутал место, где незадолго до этого убил свою жертву. И остановился в тридцати шести метрах дальше. Пробродил по кустам не меньше двадцати минут и, опасаясь, что скоро рассветет и его могут увидеть, уехал. На этот раз совсем.

Я достал из стола пачку сигарет, закурил одну и положил ее в пепельницу.

— Интересно, откуда вы это все знаете? — ехидно сказал Климов.

— А я этого не знаю. Я свободно пространственно воображаю. На базе критически отобранных фактов.

— Тогда уж позвольте несколько вопросиков подкинуть?

— Конечно. Готов слушать.

— Почему мирно беседовали, а не скандалили?

— Скандалят обычно лицом к лицу, а убитый спокойно повернулся к убийце спиной.

— Почему вы думаете, что они стояли у машины около минуты?

— Вы не заметили разве, что я не курю?

— Заметил. И что?

— Вас не удивляет, что я закурил?

Климов пожал плечами:

— Мало ли! Может быть, от волнения?

Я покачал головой:

— Нет, не от волнения. Задавайте вопросы дальше, а когда догорит сигарета, вы получите ответы на все сразу.

— Хорошо. Почему вы думаете, что убийца — приезжий?

— Поселок от места убийства в полукилометре, и выстрелы там могли услышать. Если бы убийца знал, что рядом поселок, он поискал бы место поспокойнее. Но он этого не знал.

— Ну, а почему вы думаете, что убийца высокий и сильный мужчина?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14, 15.

— Выстрелы сделаны в упор. Если бы стрелял невысокий человек, то, учитывая рост убитого — 181 сантиметр,— раневые каналы шли бы от затылочной кости под углом вверх к теменному своду. А они идут почти горизонтально. Так что я могу допустить, что убийца был даже выше своей жертвы сантиметров на пять — семь. Но если учесть, что он почти на весу оттащил труп в кусты — по земле волочились только ноги,— это человек сильный.

— А верно,— удивленно сказал Климов.— Но вы сказали, что он еще раз вернулся?..

— Правильно.— Я достал из стола картонную коробочку и извлек из нее пять окурков разной длины. Потом взял из пепельницы окурок своей сигареты, сгоревшей до самого фильтра. Серебристо-серый столбик пепла отвалился и рассыпался.— Смотрите, Климов. Все это окурки сигарет «Люкс», которые выпускает в ФРГ дочернее предприятие корпорации «Филипп Моррис» и которые были у нас в продаже. Это сигареты сорта «кинг сайз», то есть «королевский размер». Длина каждой — восемь с половиной сантиметров. Фильтры из пробковой бумаги, виргинский табак, и набиты они в гильзы из бумаги, пропитанной селитрой. Поэтому, если закурить сигарету и больше не затягиваться, то она все равно сгорит до самого фильтра. Это продолжается девять минут. Я обратил внимание, что четыре сигареты из найденных на месте убийства сгорели до фильтра, а одна — меньше чем наполовину. Когда я присмотрелся к ней, то увидел, что она сломана и на фильтре нет характерного прикуса. Эта была последняя сигарета, которую закурил в своей жизни убитый. Но не докурил. Он выпустил ее из рук, только упав на землю. При этом сигарета переломилась, поэтому она не сгорела. А лежащий от нее в двух метрах окурок убийцы сгорел до фильтра, на котором еще держался трехсантиметровый столбик пепла.

Когда убийца вернулся, он в темноте немного проскочил это место и шарил по кустам, все время нервно куря. Мы нашли там три окурка. Даже если он прикуривал одну сигарету от другой, то он провел в этих кустах не меньше двадцати минут, а может быть, и все полчаса.

— Если он действительно возвращался, то непонятно, как он не наткнулся все-таки на труп — это же буквально рядом,— сказал Климов.

Я прищурился:

— В соседней комнате, я заметил, нет окон. Зайдите туда, бросьте свою фуражку на пол, обернитесь трижды вокруг себя и ищите ее. Посмотрим, когда вы вернетесь сюда. А лучше проведем этот эксперимент в другое время.

— Да-а,— задумчиво почесал затылок Климов.— Это все похоже на правду. А давно вы знаете об этом?

— Я уже вам сказал, Климов, что я ничего не знаю. Я только предполагаю. Причем эти предположения окончательно сформировались в разговоре с вами. Так что вы являетесь их соавтором. А сейчас мне нужны доказательства, что наши предположения верны. Это может определить ход расследования. Поэтому поезжайте в газету «Советский Крым», найдите там ответственного секретаря Владимира Петровича Шустова. Скажите ему, что этот пакет от меня.

...Приятно все-таки быть старшим — ответственность иногда стимулирует движение мысли...

ГАЗЕТНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ.
«Сов. Крым», № 202 от 7.IX.

«УБИИЦА БУДЕТ НАЙДЕН»

В ночь с третьего на четвертое сентября около поселка Солнечный Гай на шоссе Ялта — Карадаг остановилась легковая автомашина. Из нее вышли двое. Постояли на траве, покурили, потом один из них неожиданно выстрелил в затылок другому и уехал, бросив около тела своего спутника небольшую лопату. Убитый — молодой человек лет 28—30, выше среднего роста, среднего телосложения, с волнистыми темно-русыми волосами, в рубашке и брюках темно-серого цвета, в черных полуботинках.

Следствие активно разыскивает убийцу. Однако он пока не обнаружен, хотя нет никакого сомнения в том, что преступник будет найден и понесет заслуженное наказание.

Следствие обращается к населению с просьбой о помощи: любые, даже самые незначительные данные, так или иначе касающиеся убийства, интересуют следователя и могут оказаться полезными, равно как и соображения граждан относительно личности убитого и убийцы, а также мотивов убийства.

Если вы располагаете какими-либо сведениями о происшествии на Ялтинском шоссе, обратитесь лично или по почте в управление милиции либо прокуратуру Крымской области. О своих наблюдениях и соображениях по этому вопросу можно также сообщить в любое отделение милиции, расположенное поблизости от вашего дома или места работы. Вас внимательно выслушают и будут вам благодарны за помощь.

ЛИСТ ДЕЛА 21.

6 сентября
Исх. № 239/255

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
криминалистической экспертизы
по делу № 4212

Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения предупрежден —

ЭКСПЕРТ-КРИМИНАЛИСТ
ЛЕОНТЬЕВ Б. М.

(образование высшее, стаж работы в качестве эксперта-криминалиста одиннадцать лет).

Для исследования представлены: 1) обрывок рецепта с малоразборчивыми надписями и слабо видимым оттиском круглой печати; 2) расческа с плохо различимым клеймом.

Экспертизе дано задание: восстановить текст оттиска печати на рецепте и буквы либо знаки, составляющие фабричное клеймо на расческе.

I

Исследование печати произведено путем фотографирования оттиска инфракрасной люминесценцией.

Для исследования клейма метка его также подверглась фотографированию с двенадцатикратным увеличением.

II

В результате исследования восстановлена часть букв в оттиске печати и фабричное клеймо.

1) Текст оттиска печати (взамен букв, которые восстановить не удалось, проставлен знак «+»):
а) В центре: «++я рецеп++в»
б) По окружности: «+++лин +а+++и +++ая п+++кл»

2) Клеймо на расческе представляет собой углубление овальной формы, в котором выдавлены буквы «Т.П.К.».

Вещественные доказательства и фототаблицы прилагаются к настоящему заключению.

Эксперт-криминалист
ЛЕОНТЬЕВ.

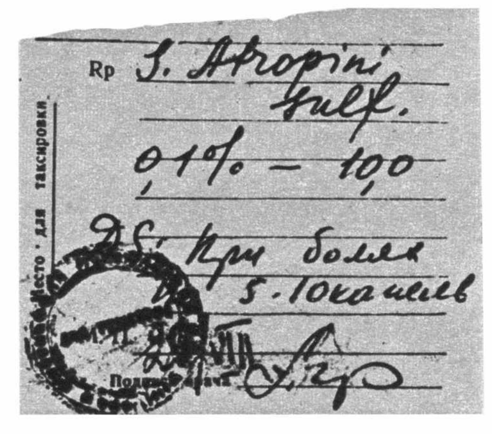
Я вышел на вторую спираль поисков, получив заключение криминалистической экспертизы. Вот тогда-то я и вспомнил, как однажды Генка Санаев, размотав невероятной сложности дело о фальшивомонетчиках, на радостях напился и провозгласил: «Сыщики! Любите и уважайте Шерлока Холмса! Этот старый дилетант кое-что умел!»

Мне довелось многое повидать, но разгадывать шарады с пляшущими человечками еще не приходилось...

ЛИСТ ДЕЛА 22.

Послав в Москву, в Министерство торговли, запрос о клейме на расческе, я поставил на ней крест. Сейчас она почти ничего не могла мне дать. А вот экспертиза рецепта меня заинтересовала всерьез. Та часть, где проставлены штамп с названием поликлиники и фамилия пациента, была оторвана. Потом шла хорошо сохранившаяся фармацевтическая пропись латинскими буквами. Латынь вечна — это язык цезарей и фармацевтов.

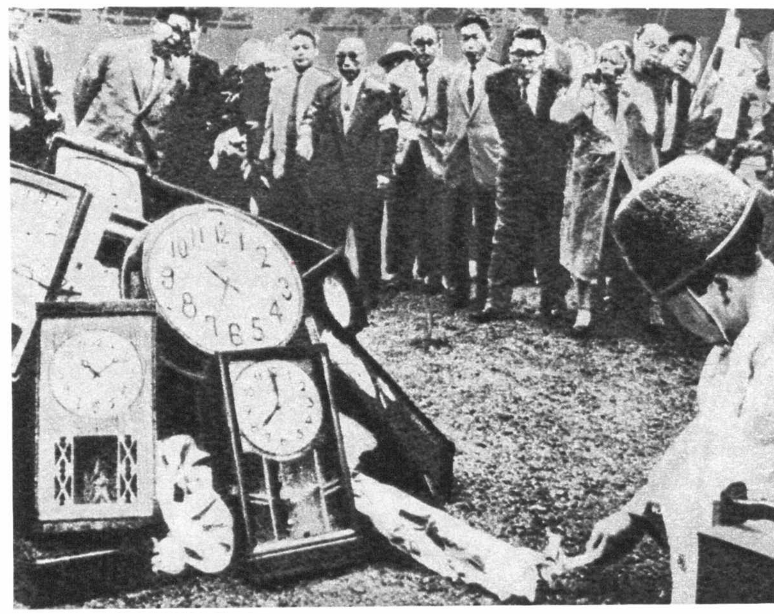
Внизу — полустертая печать и неразборчивая подпись. Дата — 20 августа. Рецепт, по-видимому, недели две носили в кармане. Судя по сгибам, он был сложен втрое — так, что верх и низ оказались снаружи, а середина — внутри. Поэтому верх оторвался совсем, низ истерся, и хорошо сохранилась только середина с прописью.

Rp S. Atropini
sulf.
0,1% — 10,0
DS. При болях
5-10 капель
Место для таксировки
Подпись врача

Вещественное доказательство № 1

Итак, внизу — печать, подпись и дата. Подпись и дата без печати не имеют никакой ценности. Надо расшифровать печать во что бы то ни стало. В центре понятно — «для рецеп-

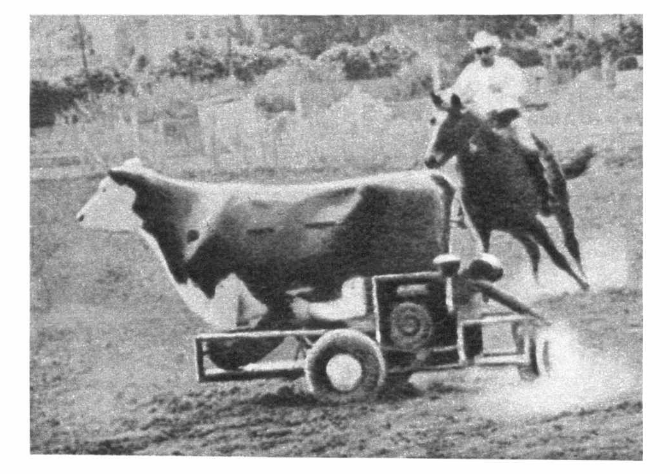
ОТСЛУЖИЛИ СВОЙ ВЕК

По японскому обычаю пришедшие в негодность настенные часы предаются огню. Этот обряд проводится в присутствии священника, при большом скоплении народа.

ШКАФ НА КОЛЕСАХ

Перед вами двухместный автомобильчик, получивший название «шкаф на колесах». Его длина 180 сантиметров, ширина 122, вес 300 килограммов. Мотор мощностью в 8 лошадиных сил позволяет развить скорость до 60 километров в час. Такие машины стала выпускать итальянская фирма «Ламбрета».

БЫК С МОТОРОМ

Студенты Калифорнийского университета сконструировали для обучения будущих ковбоев механического быка, которым управляет сидящий внутри тренер.

ПРОТИВОТУМАННЫЕ ШЛЕМЫ

Постоянные туманы вынудили снабдить лондонских регулировщиков особыми шлемами с лампочкой.

тов». А дальше в чистом виде шарада: «...лин ..а ...и...ая.п...кл ......» Какие тут могут быть слова? Обязательно характер учреждения: амбулатория, поликлиника, клиника, больница, медсанчасть, диспансер. В печати есть буквы «п» и «нл». Охотнее всего напрашивается «поликлиника». А если «клиника»? И «п» относится к ее названию? А?

Теперь «лин». Это наверняка название. Но в Советском Союзе тысяч десять медицинских учреждений имеют свои печати. И не один десяток из них содержит в своем названии слог «лин». Да-а, это задачка скорее для вычислительной машины, чем для следствия.

ЛИСТ ДЕЛА 23.

У меня бы совсем испортилось настроение, не получи я в тот день доказательство, что не такой уж я дуб, как это можно было предположить сначала. Из областного управления мне переслали письмо шофера Парамонова.

В Крымское областное
Управление милиции

от шофера Феодосийской базы
механизации № 2 ПАРАМОНОВА
Сергея Ивановича.

В газете «Советский Крым» за 7 сентября я прочитал заметку «Убийца будет найден» и хочу сообщить, что я видел, хотя и не знаю, будет это вам полезно для следствия или нет. Но на всякий случай напишу.

Третьего сентября я возвращался из Ялты в Феодосию на своей служебной автомашине ГАЗ-51, дело было к ночи, часов после одиннадцати. Смотрю на масляный манометр, а он давления не показывает. Думаю, с маслом что-то плохо. Прижался я к обочине, встал. А как раз передо мной, метров за пятьдесят, тоже на обочине, «Волга» стоит. Я, конечно, никакого внимания на нее, мало ли машин? Открыл свой капот, гляжу: провод с масляного датчика соскочил. Я провод наладил, закрыл капот. Смотрю, а «Волги» уже нет: пока я с проводком ковырялся, она уже уехала. Но я ничего плохого не подумал, сел в кабину, завелся. Манометр — в норме. Я и поехал дальше. Было это немного недоезжая тридцать восьмого километра — я с дальним светом ехал, табличку хорошо было видно. Какой номер у этой «Волги», я не знаю, не обратил внимания. Цвета она наверняка светлого, я еще когда подъезжал, осветил ее фарами. Но точно цвет сказать не могу — ни к чему мне это было. Однако скорей всего — серый или голубой, так мне запомнилось. Водителя или пассажиров этой «Волги» я не видел, разговоров или шума какого-нибудь не слышал. Вот и все, что могу сообщить.

ПАРАМОНОВ Сергей.

ЛИСТ ДЕЛА 24.

Вы никогда не видели, как заряжают на свету фотопленку в кассету? Делается это так: надо взять пиджак, полы сложить кульком, через рукава просунуть вовнутрь руки, держа в правой пакетик с пленкой, а в левой — кассету, крышка которой зажата между мизинцем и безымянным пальцем. Потом катушку достают из пакетика, снимают сначала черную защитную бумагу, затем серебряную фольгу. После этого катушку вставляют в кассету таким образом, чтобы конец пленки попал в боковую прорезь кассеты. Потом правой рукой берешь из левой крышечку, закрываешь кассету и продергиваешь кончик пленки наружу.

И делается это на ощупь, в темноте. Все! Кассету можно доставать на свет, заряжать в аппарат и снимать в свое удовольствие.

Когда из Министерства торговли пришло официальное письмо насчет расчески, я почувствовал, что пленка продернута. Можно доставать на свет...

Министерство торговли
СССР
Ассортиментный отдел
«6» сентября 196* г.
Исх. № 321/ао

«срочно, авиапочтой

В СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ
На Ваш телеграфный запрос
от 5 сентября.

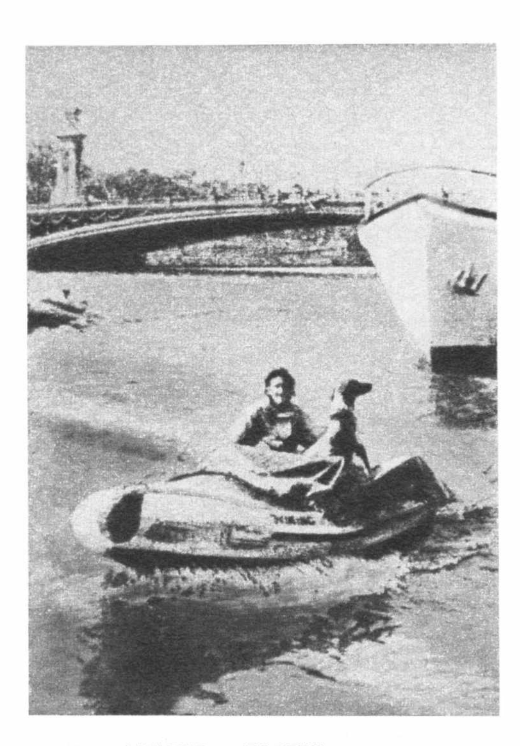
Ассортиментным отделом МТ СССР изучено изображение товарного знака «Т.П.К.», полученное по фототелеграфу.

Сообщаем, что фабрика — изготовитель расчески с указанным клеймом в наших документах не зарегистрирована. Это не исключает, однако, что фабрика может быть зарегистрирована в Министерстве торговли одной из республик, если она относится к числу предприятий местной промышленности.

Для сведения сообщаем неофициальное мнение одного из опытных товароведов отдела: интересующее Вас клеймо может принадлежать Тамбовскому либо Таллинскому промкомбинатам, имеющим в своем ассортименте ширпотреба подобные расчески».

ЛИСТ ДЕЛА 25.

Честно говоря, я даже не хотел думать, что могу ошибиться. Это было бы несправедливо. Ведь я и так почти никогда не рассчитываю на помощь счастливых случайностей. Хотя бы потому, что в них нет прочности, нет в них никакого запаса надежности. Я верю только в одно — в логику. Потому что вся моя работа — это борьба с з а г а д к о й, которая бывает по-

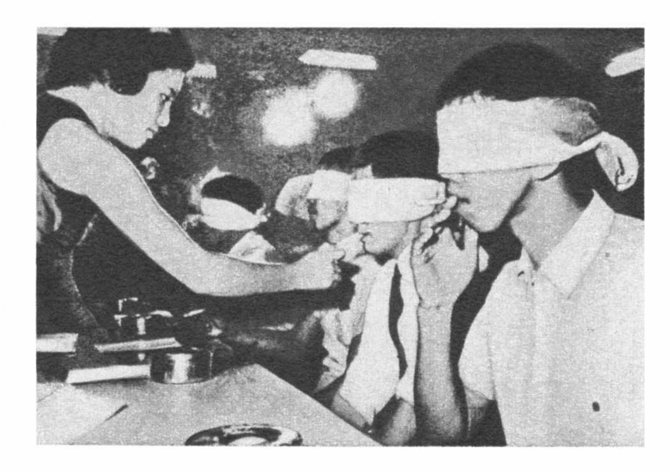

АЛЕКСАНДРИЯ — ПАРИЖ

Роберт Делэн на надувной лодке в сопровождении двух собак покрыл расстояние из Александрии до Парижа за 75 дней.

ДЕГУСТАТОРЫ ТАБАКА

В Токио ежегодно проводится конкурс курильщиков. Участники с повязками на глазах отгадывают марки предложенных им сигарет.

НА ПОПЕЧЕНИИ БОББИ

Мать этих цыплят погибла, и за сиротками охотно стал ухаживать Бобби, пес итальянского фермера из Вероны. Такая смена, видимо, не очень огорчила малышей.

ГОВОРЯЩИЙ КОТ

В квартире у одного торговца из города Конья (Турция) живет говорящий кот. Он ясно произносит несколько слов: папа, мама, сестра, имя хозяина. Туристы с интересом посещают дом дрессировщика, чтобы записать говорящего кота на магнитофонную ленту.

ДЕЛО НЕ В ШЛЯПЕ

Одна студентка университета в Мальме (Швеция) решила поразить профессора, надев на экзамен огромную шляпу оригинального фасона. Однако выдумка не помогла: студентка провалилась.

рой разложена на плечи десятков людей и сотен событий. Поэтому победить загадку можно только логикой и доброй помощью людей. А сильнее логики может быть только другая, более сильная, более предусмотрительная логика. Но сильнее должна быть моя логика, потому что мне нужно было позарез узнать, кто этот парень, убитый на шоссе.

И мне не хотелось думать ни о чем другом. Хотя для профессионала такие завихрения непростительны. Но как только я прочитал слово «Таллин», я вспомнил, что это большой порт. В портах моряков обслуживают бассейновые поликлиники. И эти бассейновые здорово ложились в полустертую печать...

Фототелеграмма
Отделу милиции Таллинского горисполкома.
Чрезвычайно срочно! СЛЕДСТВЕННАЯ!

Прошу проверить, не принадлежит ли Таллинскому промкомбинату клеймо, изображенное слева с увеличением в двенадцать раз. В положительном случае – выпускает ли промкомбинат мужские расчески с таким клеймом.

Сообщите также, есть ли в Таллине Бассейновая поликлиника, кого она обслуживает и где она находится.
СЛЕДОВАТЕЛЬ.

...Климов проводил меня до машины. Я возвращался домой. Климов смущенно протянул мне старую авоську с яблоками:

— Вот... значит... яблочков... У литовцев таких не покушаешь...

— У эстонцев,— улыбнулся я.

Климов, помолчав, вдруг сказал:

— Вот мы и расстаемся...

Я взглянул на него и понял, что он огорчен этим. И мне вдруг стало стыдно. Мы были знакомы всего три дня. Целых три дня. И я даже не спросил его имени. Он добросовестно выполнял мои поручения, переживал вместе со мной, мы советовались, шутили, огорчались, и, если бы он не сказал: «Вот мы и расстаемся»,— я уехал бы, не узнав даже его имени. Какая глупость! Как бессовестно мы обкрадываем самих себя. И я подумал с болью, что Наташа за три дня узнала бы не только имя человека, который был все время рядом. Она знала бы о нем все. Как она знает обо мне. Видно, настоящей доброте научиться нельзя. И учиться опасно — есть риск стать лицемером.

Я отворил дверцу, сухо козырнул Климову и сказал:

— Мы еще увидимся.

Он кивнул, мы пожали друг другу руки, «Волга» плавно тронулась. И тогда я высунулся из окошка и крикнул:

— Мы еще уви-идим-ся, Климов!

Он, улыбаясь, стоял на дороге и махал мне вслед своей линялой, выгоревшей фуражкой. Дождь крупными блестящими каплями застревал в его волосах...

ЛИСТ ДЕЛА 26.

Я посидел в кресле, бездумно глазея в окно, потом пошел на кухню и стал варить пельмени. На столе, придавленная стаканом, лежала записка: «Еда — в холодильнике. Белье и рубашки — на второй полке в шкафу». И точка.

Последний раз я был дома утром того дня, когда все заварилось. И, видимо, не скоро попаду снова. Наташа как-то сказала: «Стоило мне так добиваться отдельной квартиры... Ведь твой идеал домашнего очага — это четырехместный номер в гостинице».

Она очень хотела быть счастливой со мной. Да вот не получилось. Или я допоздна на работе, или не прихожу совсем, а прихожу — сил хватает только добраться до постели.

Я вдруг понял, что последний скандал действительно был последним. Наталья больше жить со мной не будет. Ну и пускай! Мне это тоже надоело. Обидно только, что все так глупо получается. Да еще и стыдно, когда жена уходит. Всегда как-то неловко, если жена бросает мужа. «Идея женского равноправия еще не до конца проникла в наше сознание»,— сказал я и погрозил половником своему отражению в зеркале. Потом стал вываливать пельмени в тарелку и больно обжег руку. На черта оно нужно в семье, это равноправие. И пельменей готовых с ним толком не поешь...

Зазвонил телефон. Какой-нибудь знакомый? Я снял трубку и сказал противным, гнусавым голосом:

— Альё!

Но это не был знакомый. Звонил дежурный — из Таллина пришла телефонограмма.

В СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ
Управления внутренних дел
Крымского облисполкома.
Ваш № 0472 с.

№ 38/сл.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

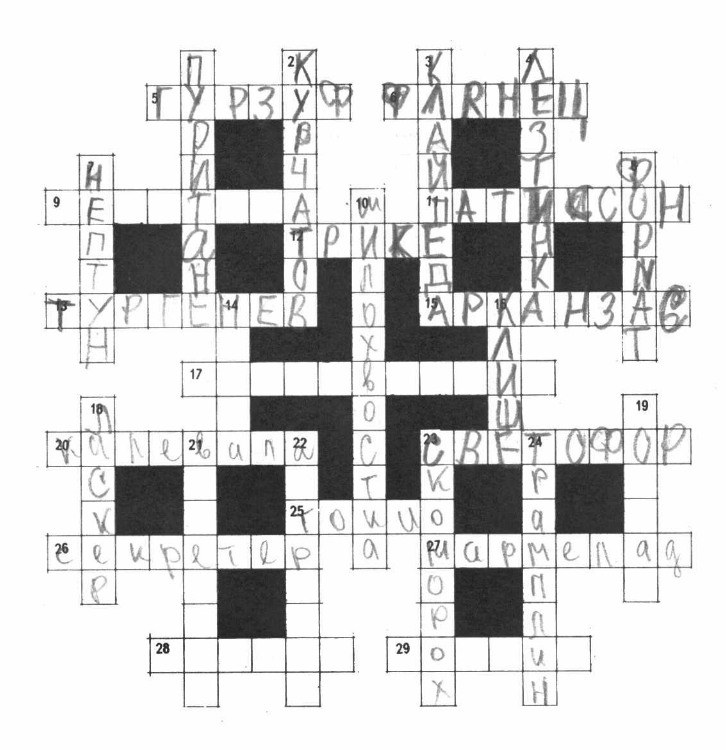
Сообщаю, что Таллинский промкомбинат имеет товарное клеймо, переданное Вами по фототелеграфу. Фабрика подтверждает факт изготовления расчесок, подобных обнаруженной Вами.

Сообщаю также, что в Таллине имеется бассейновая поликлиника, обслуживающая работников морского пароходства. Адрес: улица Пикк, дом 3.

Зам. нач. отдела милиции
Таллинского горисполкома
подполковник милиции (Т. ЭНГЕ).

...Я достал из-под кровати чемоданчик и стал бросать в него рубашки, майки, носки...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Курорт в Крыму. 6. Соединительная часть трубопровода. 9. Комедия Н. В. Гоголя. 11. Тарельчатая тыква. 12. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 13. Русский писатель. 15. Приток Миссисипи. 17. Геометрическая фигура. 20. Карело-финский эпос. 23. Сигнальный фонарь. 25. Столица государства, расположенного на островах. 26. Письменный стол с закрывающейся крышкой. 27. Кондитерское изделие. 28. Шелковая ткань с ворсом. 29. Персонаж пьесы К. Тренева «Любовь Яровая».

По вертикали: 1. Роман В. Скотта. 2. Советский физик, академик. 3. Порт на Балтийском море. 4. Кавказский танец. 7. Планета. 8. Размер страницы, листа бумаги. 10. Птица семейства утиных. 14. Река в Читинской области. 16. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 18. Немецкий шахматист. 19. Балет А. Адана. 21. Прибор для определения разности высот двух точек. 22. Растение семейства бобовых. 23. Странствующий актер в древней Руси. 24. Приспособление для прыжков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 4. Руставели. 7. Тамбов. 9. Лайнер. 11. «Гроза». 13. Ординар. 14. Рулетка. 17. Весна. 19. Страз. 20. Иркут. 21. Дебюсси. 23. Инерция. 24. Рулон. 25. Довженко. 27. Левинсон. 28. Пожарский.

По вертикали: 1. Курсив. 2. Магнитола. 3. Глагол. 5. Катрен. 6. Беркут. 8. Обнорский. 10. Аллегория. 11. Гравиметр. 12. Аристофан. 15. Рефлектор. 16. Бадминтон. 18. Ангстрем. 19. Селекция. 22. Белоозеро. 26. Ольхон. 27. Латвия.

На первой странице обложки: В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле. 28 ноября 1921 года. Москва.

На последней странице обложки: В Центральном музее В. И. Ленина.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

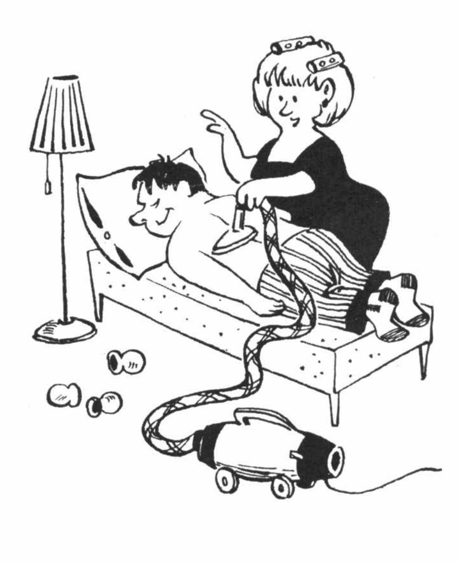
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00071. Сдано в набор 1/IV-69 г. Подписано к печ. 15/IV-69 г. Формат бум. 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 793. Заказ № 1015.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рационализатор.

— Это лучше всяких банок поможет!

Рисунки В. Тамаева

Любви все возрасты покорны...

Рисунок Б. Боссарта

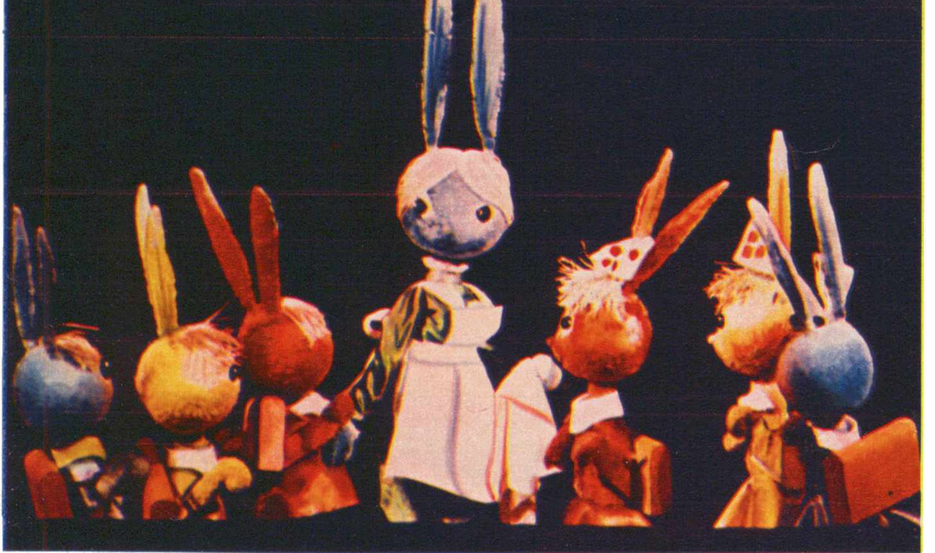
Месть соседа.

Рисунок Ю. Черепанова

— А ты не верила, что я приду с мастером.

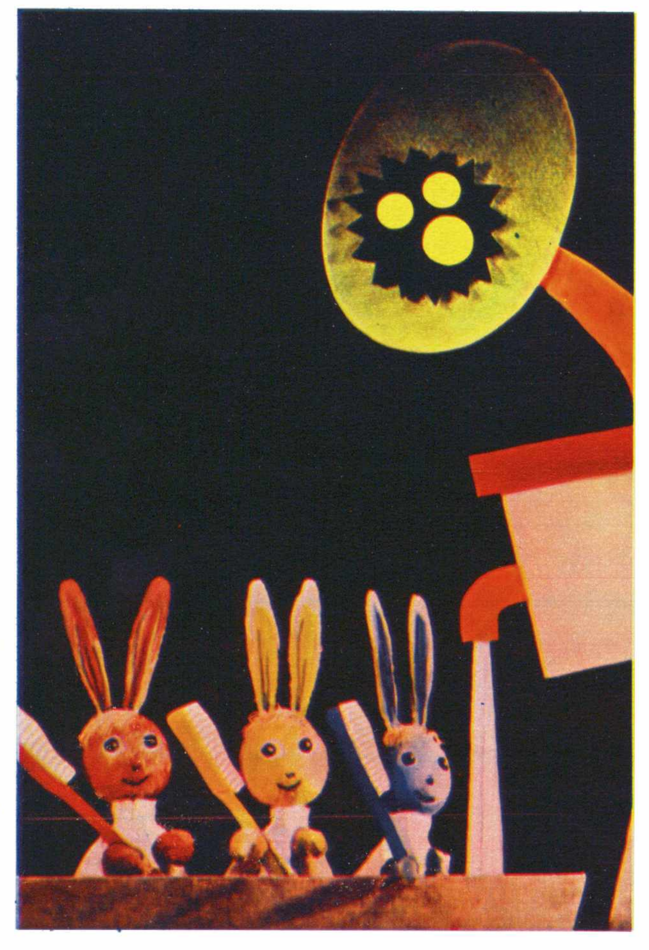
Рисунок А. Грунина

„ЗАЯЧЬЯ ШКОЛА"

Этот спектакль Государственного центрального театра кукол поставлен по сказке болгарского писателя П. Манчева. И очень напоминает яркий, красочный, веселый, музыкальный фильм. Таким задумали и создали его наши болгарские друзья — режиссер Лиляна Дочева, композитор Веса Берова и художник Иорданка Личева.

Все шесть зайцев, герои сказки, очень похожи на наших малышей. Есть среди них послушные и внимательные, есть шалуны и задиры, которые доставляют много хлопот своим родителям. И, когда зайчата подрастают, начинают ходить в школу, они тоже мало чем отличаются от первоклашек.

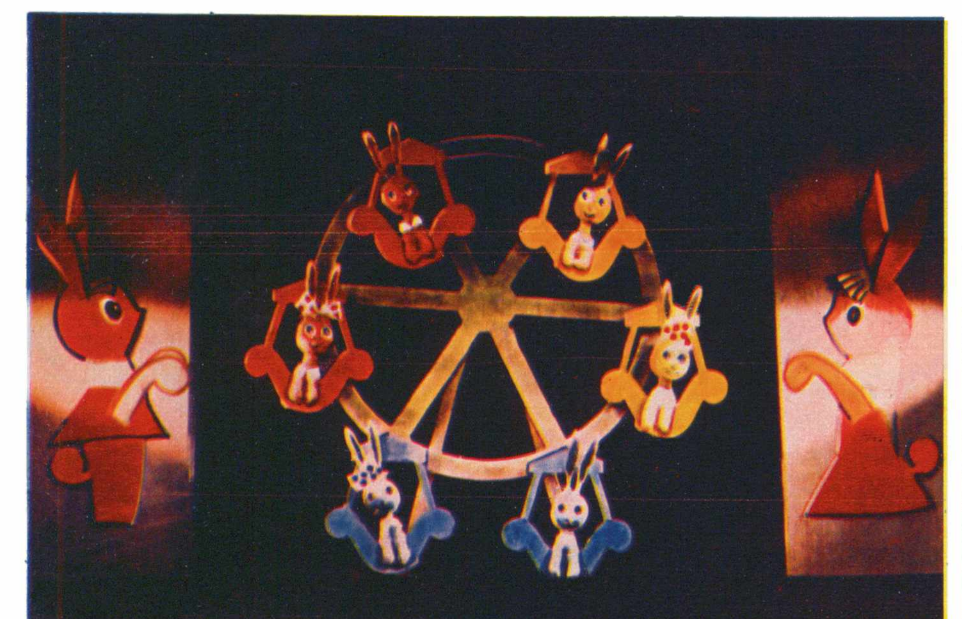
Кукулы и реквизит сделаны в мастерских Софийского центрального театра кукол. А играют все роли наши молодые артисты, и делают они это с нескрываемым удовольствием, доставляя радость и детям и взрослым.

Ведущего играет артист Р. Богомольный.

Г. СМЕТАНИНА

Фото Е. УМНОВА

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.

